

ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ...

ВОЙНА ПОГАСИЛА МАЯКИ

Ю. ЧЕРНОВ

Ю. ЧЕРНОВ
**ВОЙНА ПОГАСИЛА
МАЯКИ**

ЛЕТОПИСЬ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

Ю. ЧЕРНОВ

**ВОЙНА
ПОГАСИЛА
МАЯКИ**

МОСКВА
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“
1985

63.3(2)722.11
Ч-49

Консультант — капитан 1-го ранга А. В. Басов,
доктор исторических наук

Ч $\frac{0505030202-181}{078(02)-85}$ —12—85

© Издательство «Молодая гвардия», 1985 г.

Героическому гарнизону островов Эзель и Даго, защищавшему Моонзундский архипелаг до последнего патрона.

КТО ТАКИЕ МООНЗУНДЦЫ?

(Вместо предисловия)

Мороз в Ленинграде в блокадную зиму 1942 года особенно лютовал. Намертво вмерзли в невский лед боевые корабли. Белые маскировочные сети тяжелыми заиндевевшими решетками нависли над морскими орудиями. На набережной люди шли по узким глубоким тропинкам, а сугробы снега по росту превысили гранитные перила у Невы.

Редкие прохожие стремились скорей укрыться в своих холодных и темных комнатах. В них хотя бы не гулял пронзительный ветер, который старался выдуть последние крохи тепла.

И только у Дома флота на этот раз было многолюдно.

В большом холодном зале, где вполне светили электрические лампы, а от белых прямоугольников фанеры, вставленных вместо стекол, несло морозом, собрались те, что в 1917-м, в канун Великого Октября, преградили путь в Финский залив флоту кайзера, а потом штурмовали Зимний, защищали молодую республику от полчищ белых и интервентов. Здесь собрались и те, что летом и осенью 1941-го стояли насмерть у Пулковских высот, до последнего обороняли Моонзундские острова и полуостров Ханко.

Воевавших на Моонзунде на встрече было немного. Они растворились в массе собравшихся, среди тех, кого по праву называли героями Ленинграда. И все же в обращении, принятом ко всем защитникам города-героя, участники встречи призывали: «Балтийцы! Помните о доблести героев Моонзунда. Их матросская слава да идет флагманом впереди ваших боевых кораблей!»

Кто же они — эти моонзундцы, пример которых в 1942 году призывали брать даже ленинградцев? Когда и где они отличились?

...На западе Эстонской Советской Социалистической Республики, у выхода из Финского залива в Балтийское море, расположен Моонзундский (Западно-Эстонский) архипелаг — без малого тысяча островов. Наиболее крупные из них — Сааремаа (Эзель), Хийумаа (Даго), Муху (Моон) и Вормси. Площадь архипелага — свыше четырех тысяч квадратных километров. С севера на юг он протянулся на сто пятьдесят километров, с востока на запад — на сто десять.

Героическое морское прошлое нашей Родины связано с этими островами. При Петре I одну из славных побед одержали русские моряки молодого регулярного флота в битве со шведами у Эзеля. В октябре 1917 года балтийцы стойко обороняли Моонзунд от немцев. Это о них — балтийцах — всего за неделю до Великого Октября В. И. Ленин писал: «Воюют геройски матросы». Но еще ярче горит слава советского гарнизона, защищавшего острова в черную пору фашистского нашествия.

Против советского островного гарнизона, насчитывавшего 24 тысячи человек, гитлеровцы бросили 61, 217 и 291-ю пехотные дивизии*, инженерные части, авиационную и артиллерийскую группы. Для захвата островов были выделены значительные силы флота, включая эсминцы и крейсера.

Три с половиной месяца, день за днем, в наиболее критические для Ленинграда дни моонзундцы приковали к себе и перемалывали силы врага, которых так не хватало фашистам под Ленинградом.

Это был коллективный подвиг балтийских моряков и частей 3-й отдельной стрелковой бригады, двух батальонов 16-й стрелковой дивизии. Даже если допустить, что весь островной гарнизон (в том числе и тылы) был равномерно распределен для обороны побережья, то и в этом случае на каждый из более чем 800 километров береговой черты приходилось бы всего по тридцать бойцов, на шестьдесят пять километров — одна береговая батарея.

Положение обороняющихся было на редкость тяже-

* В некоторых статьях, говорящих о выделении вражеских войск для захвата Моонзунда, называют только 61-ю и 291-ю пехотные дивизии, упуская, что в захвате острова Вормси участвовали части 217-й немецкой пехотной дивизии.

лым. После того как уже в начале июля фашисты захватили Ригу, а в конце августа нашими войсками был оставлен Таллин, гарнизон оказался в глубоком тылу врага. Но бои продолжались до конца октября. Большинство защитников Моонзунда погибли, многие, главным образом раненые, оказались в плену. На Большую землю удалось вывезти с островов не более тысячи человек.

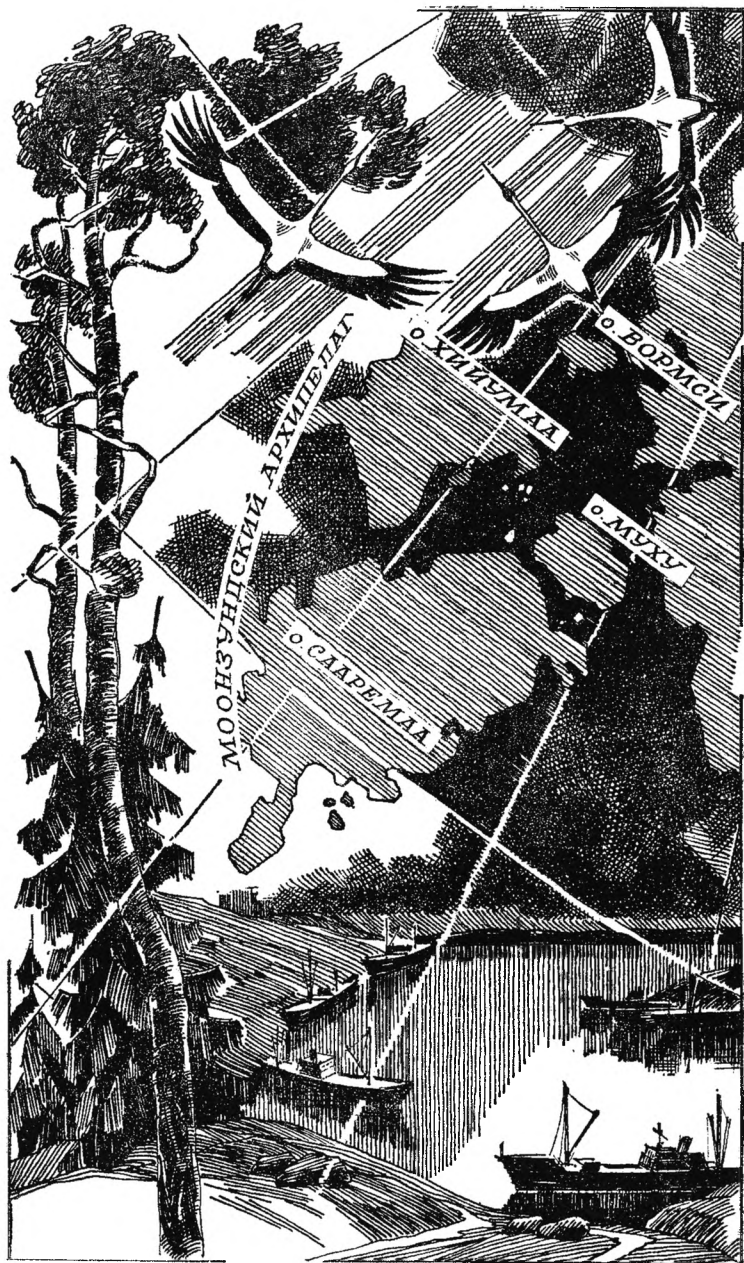
В дни боев на архипелаге газета «Красный Балтийский флот» писала: «Оборона острова Эзель — пример массового героизма. Любите Родину, как славные эзелевцы, и так же упорно защищайте ее».

Целая газетная полоса о героях архипелага появилась в той же газете 4 октября 1941 года. Жаль, что ее не смогли увидеть защитники островов. В то время многих из них уже не было в живых.

Впервые о подвигах советского островного гарнизона я услышал в 1948 году в маленьком прибалтийском городке на побережье Моонзундского пролива. Мне было поручено написать очерк о том, как на набережной молодые краснофлотцы и местные жители воздвигли обелиск в честь погибших при обороне островов героев. Еще не были восстановлены разрушенные здания, еще свежи были воспоминания о промчавшемся военном урагане, из уст в уста ходило множество рассказов о героизме советского гарнизона на эстонских островах. Говорили о катере, вступившем в бой с целым отрядом вражеских судов и вышедшем победителем, о последнем защитнике маяка, бросившемся на камни, чтобы не попасть в плен, о мужественных береговых артиллеристах, взрывавших свои батареи, на которые вступали враги.

В то время эти истории мне казались легендами. Мой очерк о памятнике опубликовала газета «Красный флот». И хотя он назывался «У Моонзунда», в то время я был очень далек от мысли писать книгу о героях островного гарнизона.

Через несколько лет мне удалось познакомиться с документами тех дней. Можете представить мое удивление, когда я узнал, что бой катера «морской охотник» с вражеским отрядом действительно произошел при эвакуации острова Хийумаа, а подвиги артиллеристов береговых батарей неоднократно отмечались в приказах командования.

Неожиданно прикоснувшись к забытому подвигу, я чувствовал, что обязан сохранить память о героях, начало которой положил скромный обелиск, воздвигнутый руками моих товарищей.

И раньше мне приходилось неоднократно бывать на островах. Но впервые специально для сбора материалов о защитниках Моонзунда я поехал туда в 1956 году. И вот первая удача! В гостинице сосед по номеру рассказал о подвиге неизвестного матроса, бросившегося с верхней площадки маяка Тахкуна.

Да и вся та короткая командировка оказалась очень насыщенной находками. Она укрепила желание продолжить поиски и поведать читателям о героях островного гарнизона.

Однажды в музее истории Ленинграда мое внимание привлек листок. Буквы на нем расплылись, не все слова были дописаны до конца. А уйти, не прочитав, я уже не мог.

Моряки писали: «Товарищи краснофлотцы! Мы, моряки Балтийского флота, находящиеся на острове Даго, в этот грозный час клянемся нашему правительству и партии, что мы лучше все погибнем до одного, чем сдадим наш остров. Мы докажем всему миру, что советские моряки умеют умирать с честью, выполнив свой долг перед Родиной. Прощайте, товарищи. Мстите фашистским извергам за нашу смерть. По поручению подписали Курочкин, Орлов, Конкин. Остров Даго, полуостров Тахкуна».

О судьбе людей, подписавших клятву, об обстоятельствах ее написания сотрудники музея ничего не знали.

Я начал поиск и вскоре убедился, что не только клятва, а все то, что происходило на Моонзундских островах в начале войны, было забыто. А между тем советский гарнизон на эстонской земле мужественно боролся с врагом. Уцелевшие в боях продолжали борьбу в партизанских отрядах и в лагерях военнопленных. Они воевали с фашистами не только на оккупированной советской земле, но и в Польше, Чехословакии, Бельгии, Франции.

После первых находок так и повелось: часть своего отпуска я проводил на эстонских островах. Удалось найти многих участников боев, проследить судьбы некоторых погибших людей.

Все полней и полней стал вырисовываться подвиг островного гарнизона, совершенный в первые месяцы войны.

И хотя ход боев на Моонзунде восстановлен пока не во всех деталях, я уже мог рассказать о многих героях островов*.

Для захвата архипелага гитлеровцы бросили 50-тысячную группировку. И это произошло именно тогда, когда в первой декаде сентября замкнулось кольцо блокады вокруг Ленинграда**, когда в октябре начались решающие бои за нашу столицу.

В упорных боях половина гитлеровцев на Моонзунде была уничтожена. 20 различных транспортов, несколько боевых кораблей, 41 самолет потеряли фашисты в этом районе. В дни войны о героях островов писали Сергеев-Ценский, Всеволод Вишневский, поэты Юрий Инге, Алексей Лебедев, Всеволод Азаров, Николай Браун. Однако после войны тема эта надолго оказалась забытой. И для этого были серьезные причины.

Почти все документы о боях на островах были уничтожены или погибли при эвакуации. Сохранились лишь радиограммы того времени. Единственный источник — отчет о боях на архипелаге — был написан зимой 1942 года в Ленинграде. Его составители не имели возможности использовать даже сохранившиеся радиограммы. Поэтому он далеко не полон, содержит неточности и даже ошибки.

События, связанные с обороной островов эстонского архипелага, можно разделить на три этапа. Первый — от начала войны до 10 июля, когда борьбу с фашистами вели береговые батареи, корабли и авиация, базировавшаяся на островах. 10 июля противник вышел на

* Документальная литература о боях на Моонзунде не очень обширна: Чернов Ю. Они обороняли Моонзунд. М., Политиздат, 1959; Ларин П. Н. Эстонский народ в Великой Отечественной войне. Таллин, 1964, с. 86—93; Павловский М. П. На островах. М., Воениздат, 1966. (Серия «Военные мемуары»); Чернов Ю. Меридианы балтийской славы. М., Политиздат, 1968; Таллин в огне (сборник воспоминаний). Таллин, 1970; Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград. М., Наука, 1973, с. 97—116; Боевой путь Советского Военно-Морского Флота. М., Воениздат, 1974, с. 259—262; История второй мировой войны, т. 4. М., Воениздат, 1975, с. 111—112.

** После войны оборона Моонзундского архипелага была расценена как борьба на дальних подступах к Ленинграду, и ее участники получили право на награждение медалью «За оборону Ленинграда».

побережье Моонзундского пролива, и в обороне островного гарнизона начался второй этап. В эти дни части островного гарнизона непосредственно вступили в борьбу с фашистами. Они высаживались на материк, чтобы оказать помощь нашим войскам, сражавшимся в этом районе. 8 сентября высадкой вражеского десанта на остров Вормси начался третий, самый драматический этап обороны архипелага.

Упорные бои шли за каждый остров, за каждый клочок моонзундской земли. Они продолжались до конца октября 1941 года.

Оборона островов Моонзундского архипелага в 1941 году — славная страница в боевой летописи Краснознаменного Балтийского флота. Не случайно Моонзунд порой называют балтийским Брестом. Но оборона островов — это еще и великая трагедия многих ее участников.

Пусть же хотя бы через десятилетия родные и близкие моонзундцев, те, кто считал их пропавшими без вести, узнают из этой книги, как мужественно боролись они с врагом — германским фашизмом.

Помогли автору написать эту книгу без малого две сотни участников боев, рассказавших о днях испытаний, приславших воспоминания, дневники, письма. Великое им спасибо!

КУРЕССАРЕ —
ОСТРОВ ЖУРАВЛЕЙ

Лето 1940 года. Маленький паровозик загудел пронзительно и резко дернул вагоны. Мария Яковлевна Щербакова крепче прижала к себе маленькую дочь. Обе с интересом смотрели, как за окнами вагона поезда узкоколейной дороги поплыла станция. Начали расходиться с перрона провожающие. Пожилая женщина ловко села на велосипед, нажала на педали. За ней, привязанная к багажнику, привычно двинулась пестрая откормленная корова.

Здесь, в Эстонии, для жителя России все это казалось непривычным. Да и одеты люди не так, и речь чужая.

С грохотом мимо окна понеслись переплеты моста. Лариса испуганно прижалась к матери. А сосед, немолодой, загорелый человек, сказал:

— Скоро станция Виртсу, сударыня.

В первый раз, когда он так назвал ее, Мария Яковлевна чуть не фыркнула. А потом понемногу привыкла и к необычным выражениям, и к старым оборотам речи собеседника, которые в Советской России уже давно не употреблялись.

— Моонзунд, — указал попутчик на серебристую полосу.

Впервые это название она услышала в Таллине. Муж хотя и служил уже год на Моонзунде*, но в письмах этого названия не упоминал.

На вокзале в Таллине было многолюдно и шумно. Отходили автобусы, звонили трамваи. Она спросила у женщины, как найти комендатуру, но женщина не понимала по-русски. Выручил их извозчик — голубогла-

* Осенью 1939 года с правительствами Прибалтийских республик были заключены договоры о взаимной помощи. По этим договорам Советский Союз получил право разместить в Прибалтике войска и создать морские и воздушные базы. Летом следующего года в Эстонии, Латвии и Литве к власти пришли народные правительства. В республиках была восстановлена Советская власть. Латвия, Литва и Эстония вошли в состав СССР и стали полноправными Советскими Социалистическими Республиками.

зый широкоплечий здоровяк, хорошо говоривший по-русски. К великому удовольствию Ларисы, они уселись в высокую коляску. Резиновые шины мягко катили их по мостовой, а копыта лошади звонко цокали о камни.

Вот потянулся старый парк. Белые лебеди плавали в пруду. Вверх уходила высокая крепостная стена, а над ней возвышались старые башни. Все окружающее было необычно и скорее напоминало театральные декорации.

В военной комендатуре ей подробно объяснили дорогу до островного города Курессаре. Дежурный вручил расписание поездов, а когда она уходила, отправил до трамвайной остановки сопровождающего — краснофлотца. Тот помог донести чемодан и корзину.

Загорелый попутчик, от которого пахло морем и рыбой, подсел к ним на какой-то станции вскоре после Таллина. Узнав, что они из России, он набил карманы Ларисы конфетами с яркими целлофановыми фантиками, а Марии Яковлевне поведал свою историю.

Еще осенью 1917 года, когда на Моонзунде русские солдаты и матросы вели упорные бои с высадившимся на эстонские острова германским десантом, ему, раненому русскому солдату, удалось избежать плена. Его выходила эстонская женщина. После революции в России власть в Эстонии захватила буржуазия. Возвращение на родину оказалось невозможным. Так и осел на Эзеле бывший солдат 525-го Каргопольского полка. Женился, стал рыбачить. Поселился в Курессаре.

— Хороший город Курессаре. По-эстонски значит — журавлиный. В центре — замок епископа. Ему лет шестьсот. Там музей сейчас. Пойдете в него — заслушаетесь всяких былей и небылиц.

Хорош наш город, а на родину, в Петроград, все-таки тянет. Брат у меня на Пороховых остался. Двадцать пять лет не виделись. При старой буржуазной власти о родных в Советском Союзе и не пикни. А теперь, когда в Эстонии победили Советы, обязательно побываю на родине, если война не помешает.

— Война?! — удивилась Мария Яковлевна. — С кем? С англичанами?

— Да нет же. С германцами. Хоть с ними и договор о ненападении заключен, а по всему видно — войны не миновать. Да и вашего мужа с товарищами разве напрасно сюда прислали? Они строят батареи по берегу, как и мы в шестнадцатом году...

Тревожно стало на душе у Марии Яковлевны от этих слов.

— А как эстонцы относятся к русским?

— По-всякому. Рыбаки и крестьяне с открытым сердцем новую власть встречают. А кто побогаче да из организации кайцелитов, те с установлением Советской власти через море в Швецию подались. Но дружки их тут затаились и ждут не дождутся, когда германец придет и все станет по-старому...

На противоположной стороне пролива, в рыбацкой пристани Куйвасту, попутчик усадил их в кабину машины.

Шуршал гравий под колесами. Белесая пыль, напоминающая зубной порошок, покрывала смотровое стекло. Мария Яковлевна больше не удивлялась, замечая старуху на велосипеде. А встречные крестьяне, завидя машину, останавливали рвущихся лошадей и брали их под уздцы. В Архангельске, откуда ехала женщина, лошади давно привыкли к грузовикам.

Под ровное гудение мотора Мария Яковлевна и Лариса задремали. Проснулись они от скрипа тормозов. Вечерело. Машина остановилась в парке у высокой тумбы с афишами. Шофер из кузова легко вытащил чемодан и корзину. Вынес на дорожку заспанную Ларису. Она в недоумении озиралась по сторонам.

— Приехали, штаб БОБР. — И видя, что женщина не понимает, улыбаясь объяснил: — Это сокращенно — Береговая оборона Балтийского района. Вот в том двухэтажном доме разыскивайте своего муженька. Счастливо!

Широкая аллея вела к башне с черепичной крышей. Красная голова ее пламенела в лучах заходящего солнца, возвышалась над деревьями парка. «Замок епископа», — сообразила женщина.

На тумбе афиши по-эстонски и по-русски сообщали, что в клубе будет выступать первый секретарь уездного комитета Коммунистической партии Эстонии Александр Муй, на второй — тоже на двух языках — объявлялось о просмотре нового фильма «Фронтовые подруги».

Так в 1940 году приезжали к своим близким на острова семьи советских военнослужащих. Так нашла своего отца, писаря из штаба БОБР, и маленькая Лариса.

В эти же дни к полуострову Кюбассари, расположенному в юго-восточной части архипелага, подошли два небольших транспорта. Загрохотали якорные цепи, взметнулась вода. Все население маяка — маячник с женой и трое ребятишек — вышли на берег. Нечасто такое случалось у Кюбассари.

Шлюпка-шестерка уверенно направилась к берегу. Два моряка вышли из нее. Поздоровались со взрослыми, поговорили о чем-то. Потом один из мальчишек взобрался на велосипед и скрылся в орешнике. Вернулся он не один. К маяку пришел высокий, слегка сутулящийся человек в резиновом плаще.

Рыбак Василий Кааль отлично знал остров. Он охотно согласился показать места, наиболее удобные для разгрузки транспортов. Балтийцы собирались установить на Кюбассари береговую батарею. Ее задача — прикрыть вход в Моонзунд с юга, если в случае войны вражеские корабли форсируют Ирбенский пролив и будут прорываться на север.

Моряки со шлюпки прощупывали глубины длинным шестом. Потом на берегу из двух жердей с пучками травы поставили створ. Транспорт приблизился к месту выгрузки, и на берег потянулись первые грузы.

К вечеру среди орешника забелели палатки. Ожил пустынный полуостров Кюбассари.

Подошла осень, первая советская осень на островах Моонзунда. Облетела листва орешника на Кюбассари. Сквозь голые ветви стала проступать синь Рижского залива. Однако с воздуха летчики с трудом могли рассмотреть котлованы, вырытые в короткий срок для установки орудий. Балтийцы умели хорошо маскироваться.

Все больше и больше крепла дружба артиллеристов с семьей эстонского рыбака Кааля — его женой Юлией Филипповной и дочерью Марией, молодой, решительной женщиной. Чем могли рыбаки помогали морякам. И постоянно ощущали дружескую руку советских людей.

Когда в начале зимы Мария простудилась и заболела воспалением легких, комиссар батареи старший политрук Г. А. Карпенко отправил на хутор фельдшера с лекарствами. Несколько дней подряд, пока женщине не стало лучше, навещал больную батарейный медик.

В январе ударили сильные морозы. Вода в колодцах на батарее вымерзла. Попросили разрешения брать воду из колодца богатого соседа-хуторянина. Но тот поспешно отказал: хозяйство, мол, большое, самим не хватает. На помощь артиллеристам пришел Василий Андреевич Кааль. Как-то зашел он к командиру и сказал:

— Будет у вас вода.

На следующий день пятеро матросов вместе с батарейским коком Оливером Дубровским, установив на санки бочку, вышли вместе с Каалем на залив. Мороз сковал воду. У берега торосились льды, но рыбак упрямо вел артиллеристов напрямик в море. Где тут найти пресную воду? Но оказалось, что она действительно была недалеко. Показалась небольшая полынья. От нее шел пар. Рыбак объяснил, что место здесь мелководное и со дна бьют пресные ключи.

Весна 41-го на Моонзунд пришла дружная. Солнечные лучи растопили снег. На север потянулись журавлиные стаи. Щедрой пышной зеленью покрылась земля. Ночами, будоража бойцов, напоминая дом и оставленных на родине подруг, в запущенном саду у пристани Мынту надрывались соловьи. Старые яблони с узловатыми сучьями снова помолодели, покрылись белым кипением цветов. А на батареях Береговой обороны наступили жаркие дни. С первыми транспортами из Кронштадта пришли новые грузы. Орудия необходимо было выгрузить и быстро установить. Подходила к концу и постройка башенной береговой батареи № 315 капитана Александра Моисеевича Стебеля на южной оконечности Сааремаа — полуострове Сырве. Эта батарея вместе с другими на Курляндском побережье прикрывала вход в Рижский залив из Балтики.

В конце мая партийный и комсомольский актив островного гарнизона — с береговых батарей, инженерных батальонов, частей 3-й отдельной стрелковой бригады и 10-го погранотряда — собрался в Курессаре в Доме Красной Армии. Проводил совещание военный комиссар Береговой обороны бригадный комиссар П. Е. Дорофеев.

На сцене крупная карта Моонзундского архипелага. Присутствующим хорошо видно: с юга от островов — Рижский залив, с севера — Финский. С запада — ширь

Балтики. И только на востоке острова архипелага отделены от материка узкой синей полоской воды — Моонзундским проливом. Самый большой из островов — Сааремаа. По своей форме он напоминает гуся, вытянувшего в море шею. Там, где у гуся хвост, дамбой присоединился остров Муху. А повыше над ними — Хийумаа и Вормси.

Голос бригадного комиссара звучит негромко. Он говорит о том, что строительство большинства батарей еще не закончено, что людей не хватает, но тем не менее надо приложить все силы для ускорения стройки. Положение в мире напряженное, надо быть в постоянной боеготовности.

В зале тишина. Лица у людей строги и внимательны. Видимо, до этой встречи не все из них задумывались, почему именно здесь размещен советский гарнизон, почему и в 1917-м немцы пошли на огромные жертвы, чтобы захватить Моонзундский архипелаг.

— Моонзунд — ключевая позиция на Балтике. Она прикрывает подходы к Риге и Таллину, дальние подступы к Ленинграду. Тот, кто владеет Моонзундом, — хозяин восточной Балтики. Сегодня надо сделать больше, чем вчера, надо быть бдительней, чем вчера, — разносится голос бригадного комиссара. — Наш сосед Германия — опасный сосед. Хотя мы и заключили с ней договор о ненападении, нужно быть готовым к любым случайностям.

За последнее время на островах активизировали свою деятельность члены националистической организации кайцелитов. Они запугивают гражданское население, которое служит в советских учреждениях. В анонимных письмах грозят активистам. Недавно пограничники задержали шлюпку с «гостями» из-за моря. Оказалось, это пытались вернуться на остров бежавшие с Сааремаа летом прошлого года члены профашистской организации. Зачем они возвращались? Об этом пока можно только догадываться...

С совещания по своим частям разъезжались без обычных шуток. Каждый чувствовал — надвигалось время больших испытаний.

Суббота в Курессаре — самый оживленный день недели. Суббота 21 июня 1941 года не была исключением. Уже с утра на велосипедах, лошадях, автобусах

съезжались жители островов. Ехали с Сырве и из Триги, Кихельконны и Ориссаре. Везли продукты на базар, ехали за покупками или просто развлечься. В субботу трудно купить билет в кино, еще трудней найти свободное место за столиком единственного в городе ресторана «Роял».

К вечерулюдно становилось и в старом парке. На открытой эстраде давались концерты художественной самодеятельности моряков, под крики болельщиков на футбольном поле у замка проходила очередная товарищеская встреча саперов и артиллеристов. Много народу по субботам в Курессаре. И только патрули с красными повязками чинно разгуливают по городу, не смешиваясь с веселой шумной толпой. Комендант города майор Федоров строго следил за порядком в гарнизоне.

Фотография помещалась в переулке близ базарной площади. Три красноармейца — техники с аэродрома Кагул — остановились перед ее витриной.

— Увековечим свое пребывание на острове! — предложил товарищам одессит Генрих Ход.

В фотографии вся троица перед зеркалом старательно разглаживала складки под ремнями-гимнастеров, поправляла пилотки. Рядом какой-то моряк листал растрепанный журнал на эстонском языке.

— Ба, да это же Щербаков, — узнал Генрих моряка. — Ваня, здорово!

Писарь обрадовался встрече, отложив журнал, похвастал:

— Дочка у меня родилась, ребята, Зиной назвали.

— С тебя причитается. Зови на крестины!

— Эх, не то время сейчас. Не до праздников. Новое начальство к нам прибыло. Генерал-майор Елисеев. Говорят, воевал здесь с немцами еще в 1917 году. А Кабанова перевели на Ханко.

Штабные, они всегда первыми узнают все новости. Но даже осведомленные штабные и те не знали, что до начала войны оставались считанные часы.

10-я отдельная саперная рота, которой командовал лейтенант Григорий Васильевич Кабак, размещалась на полуострове Сырве близ пристани Мынту. Каждую

субботу и воскресенье к клубу роты собирались люди с ближайших хуторов. Были здесь и молодежь, и пожилые эстонцы, парни и девушки, крестьяне и рыбаки. Многие приезжали на велосипедах, оставляли их на траве за кинобудкой, смотрели фильм, оставались на танцы.

В тот памятный субботний вечер в клубе шел фильм «Истребители». Командир взвода Григорий Егорычев ждал Людмилу, но девушки все не было и не было. А он-то надеялся, что эта встреча решит все. Вот ведь как бывает в жизни: сколько знакомых в России, а здесь, на Сааремаа, встретил свою судьбу. Впрочем, это Григорий решил так, а вот что думает об этом Людмила, он пока не знал.

Спустились над островом легкие сумерки белой ночи. Фильм начался. Хотя Егорычев и смотрел на экран, в мыслях своих был далеко...

Кто-то толкнул Григория в плечо. Он обернулся.

— Смотри, Людмила пришла!

«Любимый город может спать спокойно», — пел с экрана звонкий голос.

Да, любимый город мог спать, а этим двум было не до сна. Давно стена леса заглушила слова динамика. Взявшись за руки, они брели по морскому берегу. Лишь мерные всплески прибоя нарушали тишину.

Коротки белые ночи на Балтике. Особенно если в час свидания надо так много сказать друг другу. И не беда, что Людмила иногда замолкает, подбирая нужное русское слово. Они понимают друг друга отлично...

Неожиданно их объяснение прервал чей-то громкий голос. Молодые люди прислушались.

Над водой отчетливо раздалось:

— Егорычев! Взводный!

Еще не зная, что случилось, они повернули назад. Ночь была такая тихая, теплая. Казалось, ничто не могло нарушить ее покоя.

Вскоре на тропинке показался велосипедист. Это был один из младших командиров роты.

— Едва нашел вас, товарищ комвзвода. Боевая тревога!

— Иди домой, Люда. Завтра встретимся.

Григорий быстро поцеловал девушку.

Но ни завтра, ни на следующий день они встретить-

ся уже не смогли. Помешала война. Лишь много позднее, когда Людмила потеряла всякую надежду увидеть своего любимого, они увиделись вновь...

Глава II

ТАК НАЧИНАЛАСЬ ВОЙНА

Война. Готовились к ней на островах, ждали ее, а все-таки она июньской белой ночью пришла неожиданно.

К учебным тревогам в гарнизоне привыкли. Но когда личному составу выдали каски и подвезли боеприпасы, многие поняли — на этот раз тревога объявлена не ради учебы.

Война! Эта весть внезапно обрушилась на всех. Взволнованно говорили люди на митингах. В радостной приподнятости молодежь рвалась к боям («Ох и дадим фашистам жару!»). Суровая сосредоточенность легла на лица людей постарше. Они-то понимали, что война не увеселительная прогулка.

А потом пришли первые неутешительные сводки с фронтов, сообщения о налетах вражеской авиации, о первых жертвах. Как же так? Почему гитлеровцы не отброшены от границы? Когда же начнется наше контрнаступление? Засыпали с этим вопросом, поднимались и спешили к репродукторам: не началось ли?

Эстонские комсомольцы шли в военкоматы. В газетах появились имена парней из Курессаре, первых добровольцев: Адольф Хийоб, Арнольд Тамбур, Александр Тутк. Житель Виртсу А. Кескюла писал: «Я, сын трудового эстонского народа, не могу оставаться наблюдателем, когда моему Отечеству угрожает враг». Девушки Ксения Кууск, Линда Рандмаа, Элли Марипуу просили послать их работать санитарками.

В эти дни в уездном комитете партии собиралось особенно много людей. К первому секретарю Александру Мую, своему земляку, крестьяне и рыбаки Сааремаа заходили особенно охотно. Первого секретаря уважали. Юношей вступив на путь революционной борьбы, Александр Муй в буржуазной Эстонии жил в подполье. Но и на нелегальном положении он не скла-

дывал оружия. Потом арест, суд. К пожизненной каторге приговорили коммуниста А. М. Муя. Пятнадцать лет провел он в тюрьме. И только провозглашение Советской власти в Эстонии вернуло ему свободу. Нетопливые, степенные рыбаки обсуждали с ним, как ловить рыбу в военных условиях. Были среди посетителей эстонцы и русские.

Ожидая, когда секретарь освободится, разговорились две женщины.

— Понимаете, — волновалась одна, — есть приказ эвакуировать семьи, а я при деле, работаю на складе, и муж на службе. Бабушка со старшей дочерью уезжают. А куда я отправлю маленькую? Ей всего два месяца?

— Девочку надо устроить в круглосуточные ясли. В Курессаре есть такие. И, надеюсь, я вам помогу. Там как раз освобождается место.

Так маленькая Зина Щербакова осталась с родителями на Сааремаа, а ее старшая сестра Лариса, с которой мы познакомились на первых страницах этой книги, уехала на Большую землю. Очень скоро семья Щербаковых оказалась разделенной многокилометровым фронтом.

Фашистские войска утром 22 июня 1941 года начали боевые действия против нашей страны сразу по всей линии западной границы СССР от Балтийского до Черного моря.

На Северо-Западном фронте, в Прибалтике, они после упорных, кровопролитных боев прорвали в нескольких местах нашу оборону и повели наступление сразу по трем направлениям. Первое — вдоль побережья Балтийского моря на Лиепаяу, стремясь захватить эту базу Военно-Морского Флота. Второе — прямо на Ригу, а затем и на Таллин. И третье — через Даугавпилс на Псков и далее на Ленинград.

Главная цель, поставленная фашистским командованием перед группой армий «Север», действующей в Прибалтике, — разгромить обороняющиеся здесь советские войска, лишить Балтийский флот всех его баз — включая Кронштадт, захватить Ленинград.

За десять дней боев фашисты овладели Лиепаяей, Ригой, Вильнюсом, Минском... Они продвинулись на некоторых направлениях более чем на 300 километров от границы.

Защитники Моонзундского архипелага хорошо понимали создавшуюся обстановку. Враг рвался к Москве и Ленинграду. Они уже были отрезаны от Большой земли. На помощь оттуда не приходилось рассчитывать. Строительство многих батарей к началу войны еще не было закончено. Не хватало вооружения, боеприпасов. В связи с обострившимся положением на фронтах, на острова не прибыло подкрепление, которое намечалось по мобилизации.

Советский гарнизон, состоящий из частей Береговой обороны Балтийского района под командованием генерал-майора А. Б. Елисеева и 3-й отдельной стрелковой бригады полковника П. М. Гаврилова, усиленно готовился к боям. Бойцы и краснофлотцы на ровных площадках установили тысячи кольев, чтобы помешать приземлению вражеских самолетов с десантом. Не было колючей проволоки для заграждений, ее стали снимать с заборов. Появилась острая нужда в противопехотных минах — саперы лейтенанта Г. В. Кабака предложили делать их самостоятельно.

Сколько смекали было проявлено в те дни! Авиационные бомбы использовались в качестве мин замедленного действия. Учебные пулеметы превращались в боевые. И они, эти старенькие, «ушедшие на пенсию» «максимы», вновь возвращенные в строй умелыми руками, позднее неплохо били по врагу.

Докладывая в Главное политическое управление о положении на островах, командование Береговой обороны сообщало: «Весь личный состав полон решимости сражаться за каждую пядь земли, не щадя своих сил и жизни. Можете смело заявить ЦК, что мы будем большевистски драться и оправдаем долг перед Родиной».

К началу войны несколько советских подводных лодок находились в Лиепае на ремонте. Была среди них и С-3, которой командовал капитан-лейтенант Н. А. Костромичев. Эта балтийская лодка не могла погружаться. Когда фашисты приблизились к городу, подводники должны были выбирать: взорвать свой корабль и участвовать в боях на суше или попробовать прорваться в Ригу на лодке, которая может двигаться только в надводном положении?

Балтийцы выбрали второй вариант. Они хотели сохранить свой корабль.

На Балтике стояли белые ночи. В предрассветной дымке укрылось море. Зато материковый берег — рощи, редкие домики, темные маяки, — вдоль которого на север уходила лодка, становился виден все отчетливей. Выходило солнце, солнце третьего дня войны.

Распластывая штевнем спокойную воду, лодка приближалась к Ужаве. Еще несколько часов, и наиболее опасная часть пути будет пройдена. В Рижском заливе вероятности встретить противника меньше.

Командир с неодобрением поглядывал в безоблачное небо. Отличные условия для действий авиации.

И вдруг доклад:

— Прямо по курсу четыре катера!

Приближающиеся темные точки можно заметить только в морской бинокль, а белые буруны, поднятые торпедными катерами, видны невооруженным глазом. Может быть, это эскорт, посланный из Риги навстречу поврежденной лодке?

Как хотелось верить в это. Но звучит сигнал тревоги, и артиллерийские расчеты заняли места у пушек.

Командир лодки не отрывая бинокля от глаз.

— Фашисты!

Напомнив о войне, над сонной Балтикой раскатились первые артиллерийские выстрелы. С-3 вступила в неравный бой.

Полтора часа у маяка Ужава советская подводная лодка мужественно сражалась с врагом. Все офицеры и артиллеристы погибли в бою. Только после этого фашистские торпеды попали в цель и С-3 переломилась*. Но моряки встретили свой последний час с оружием в руках, передав по радио открытым текстом: «Погибаем, но не сдаемся».

В Риге тоже готовились к эвакуации. Грузили все ценное на транспорты, минировали важные объекты. Большой отряд кораблей через Моонзунд должен был уйти на север. Но как быть с крейсером «Киров», который война застала тут же, в Рижском заливе? Осадка крейсера не позволяла провести его через Моонзунд.

* Позднее тело командира подводной лодки С-3 было выброшено на берег острова Сааремаа в районе поста № 6. Там же он был похоронен. К сожалению, сообщить семье Костромичева точное место погребения не удалось, так как хоронивший его начальник радиостанции Евгений Глухов умер в лагере военнопленных.

А выходить через Ирбен в Балтийское море было рискованно. Вражеская авиация и торпедные катера представляли серьезную угрозу. Там же дежурили немецкие подводные лодки.

Командующий Краснознаменным Балтийским флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц приказал все корабли проводить через Моонзунд. Для этого решили крейсер разгрузить, оставив на нем лишь самое необходимое для боя. Таким образом осадка на облегченном корабле уменьшалась.

Во время первой мировой войны на Моонзунде, чтобы боевые корабли могли проходить по нему, был прорыт канал. Осенью 1917 года, когда русский гарнизон оставлял архипелаг, на канале затопили несколько старых пароходов. Они преградили путь в Моонзунд германскому флоту.

Промер и обследование водолазами показали, что транспорт «Генерал Циммерман» с грузом цемента до сих пор загораживал проход.

Было принято решение в обход «Циммермана» прорыть новое колено канала.

На эту работу мобилизовали дноуглубительные суда, срочно перевели их в Моонзунд. Накануне войны на архипелаге производила работы Балтийская гидрографическая экспедиция. Моряки-гидрографы измеряли глубины залива, наносили на планшеты очертания берегов. Позднее по ним должны были составить новые морские карты.

Когда началась война, многие командиры экспедиции остались в этом же нелегком для плавания районе и как опытные лоцманы проводили по Моонзунду корабли и транспорты. Привлекли их и для проводки крейсера. Как вспоминает один из специалистов экспедиции, Т. М. Кудинов, пять суток без перерыва прокладывали новый канал. Гидрографы делали промер, на судне «Вал» производили траление.

Противник наступал. Нужно было перебазировать силы флота из Риги в Таллин. Днем 27 июня торпедные катера вышли в Рижский залив на поиск вражеских подводных лодок. Глухо рвались глубинные бомбы. Это катера расчищали путь советским кораблям. Вслед за ними из устья Даугавы начали вытягиваться миноносцы. Над молами возвышалась громада облегченного крейсера.

Несколько раз вражеские самолеты пытались атаковать корабли, но были отогнаны зенитным огнем. Крейсер «Киров» благополучно дошел до Моонзунда. Опасаясь новых налетов, его хотели провести по каналу ночью. Вечером 30 июня два мощных буксира завели с носа и кормы крейсера толстые тросы.

Офицеры-гидрографы Кудинов и Витязев заняли место в штурманской рубке крейсера.

Эскадренные миноносцы прикрывали корабль от возможных атак вражеских катеров, а буксиры повели крейсер по каналу. Свежий ветер сносил корабль. Наполз туман. Он закрыл ориентиры. Опасаясь, что крейсер может сесть на бровку канала, ночной переход отложили. В ожидании рассвета корабли стали на якорь.

Утром 1 июля крейсер «Киров», ведомый двумя буксирами, медленно двинулся по каналу. В штурманской рубке гидрографы на планшете уверенно вели прокладку, сообщая обо всех отклонениях от оси канала.

В 13 часов у острова Харилайд крейсер был встречен тральщиками. Отпустив буксиры, в сопровождении эскадренных миноносцев и сторожевых катеров, «Киров» взял курс на Таллин. Только когда корабль вышел из Моонзунда, гидрографы у прокладочного стола уступили свое место корабельным штурманам.

Островной архипелаг был важным плацдармом на Балтике. Для его обороны командование Краснознаменным Балтийским флотом создало специальный отряд кораблей Моонзунда, куда вошли эсминцы, сторожевые корабли, тральщики и торпедные катера.

Различные задачи приходилось решать этому отряду, не раз вступал он в бой с кораблями противника.

В ночь на 6 июля отряд вышел из Моонзунда, чтобы выставить мины. Предстоял нелегкий переход к латвийскому берегу, занятому врагом. Днем на эскадренном миноносце «Сильный», шедшем в сопровождении эсминца «Сердитый», заметили на горизонте мачты вражеского транспорта. Вскоре балтийцы определили, что в Ирбенский пролив, сопровождаемый двумя тральщиками, направляется вспомогательный крейсер противника. Позднее установили, что это была плавбаза «Модерн-2».

Завязался артиллерийский бой, во время которого сказалась отличная подготовка советских артиллеристов. На корме плавбазы вспыхнул пожар. Тральщик

постарался побыстрее закрыть ее дымовой завесой. Тогда огонь моряки перенесли на тральщик. Прикрытый большим облаком пара и дыма, тральщик потерял ход, артиллерия его замолчала.

Но и нашим кораблям приходилось нелегко. На палубе «Сильного» находился опасный груз — приготовленные к постановке мины. Продолжая вести огонь по врагу, моряки начали одновременно минную постановку.

И тут вражеский снаряд разорвался на корме эсминца. Замолчало четвертое орудие. Почти весь расчет его вышел из строя.

Закрыв корму плотной стеной дыма, загорелась бочка с дымовой смесью. Первым к ней бросился краснофлотец Иван Павлович Уложенко. Он понял опасность, которая угрожала всему кораблю. Языки пламени уже ползли по пробитой осколком мине. Если она взорвется, сдетонируют соседние мины. Тогда прощай корабль.

Уложенко обхватил мину, стараясь столкнуть ее за борт. Черный шар, из которого вырывались безобидные язычки пламени, стоял, словно приваренный к палубе. Моряк чувствовал, как намокла тельняшка, понял, что он ранен, теряет силы, и закричал:

— Мина горит!

Его услышали. На помощь пришли товарищи — старшина 2-й статьи В. В. Карпов, краснофлотец В. С. Александров, лейтенант И. Я. Горовой.

Каждая секунда могла стоить им жизни. Однако общими усилиями морякам удалось столкнуть горящую мину за борт.

Высланные на помощь кораблям самолеты Героя Советского Союза А. И. Крохалева нанесли по отходящему противнику бомбоштурмовой удар.

Так на Балтике летом 1941 года закончился первый морской бой надводных кораблей.

* * *

После того как была оставлена Рига, торпедные катера дивизиона капитан-лейтенанта А. Н. Богданова перешли в маленькую гавань на остров Сааремаа.

Если смотреть с залива — небольшой пирс у Мынту едва заметен. Приземистый, серый, он сливался с высоким берегом, густо поросшим кустарником.

Сюда-то и перебазировались торпедные катера. По

дощатому настилу проходила старая узкоколейка. Раньше она вела к тяжелой Церельской батарее.

Командир головного катера, выпрыгнув на почерневший от времени настил, скептически осмотрел новое место базирования.

Ночью, пожалуй, на таком пирсе ноги поломать можно. Да и на берегу не лучше: штабели досок, мешки с цементом, ржавые рыбацьи буйки и старые баркасы.

Он уже подумывал, что жизнь на новом месте придется начать с аврала: убрать весь мусор и расчистить территорию, но в это время услышал слова командира отряда:

— А ведь лучше не придумаешь. Этот хлам на пирсе нам на пользу. Пусть фашисты считают гавань заброшенной. А мы должны подумать, как надежнее замаскировать катера.

К вечеру механик дивизиона К. Д. Добровольский вместе с несколькими катерниками предложил оригинальный проект. Он был прост и надежен. Моряки вооружились топорами и пилами. Несколько дней они трудились на совесть, осваивали плотницкую специальность. Когда фашистские самолеты-разведчики появились над пристанью Мынту, они не обнаружили ничего нового. Фашисты не догадались, что за это время советские моряки увеличили ширину пирса, сделав с одной его стороны навес, под которым смогли укрыться катера. Чтобы доски не отличались от старого настила, они были замазаны цементной пылью. Здесь же, в старом саду, в непосредственной близости от катеров, приготовили убежища для личного состава.

Перед войной в ряде военных статей высказывалось мнение, что торпедные катера потеряли свое значение. В современных условиях они могут атаковать врага только с больших дистанций или ночью и в туман.

На что действительно способны эти маленькие быстрходные суденышки — носители грозного оружия, показали балтийские катерники. Они смело вступали в бой на море с превосходящими силами противника...

Чем дальше от своей границы продвигалась гитлеровская армия, тем труднее становилось доставлять ей пополнение. На боевых действиях уже начала сказываться нехватка боеприпасов, снаряжения, продовольствия. Железные и шоссейные дороги после налетов советских бомбардировщиков или диверсий партизан на-

долго выходили из строя. Армия требовала организовать морские перевозки. В вышедшей в 1957 году за рубежом книге «Война на море в 1941—1945 годах» буржуазный историк Юрг Майстер писал: «Дивизии, действовавшие против Ленинграда, из-за трудностей со снабжением не продвигались вперед... оставалась надежда на торговые суда, которые, несомненно, смогли бы быстро перевезти большое количество грузов в эстонские порты на Финском заливе и тем самым обеспечить большую помощь наступающим немецким частям».

Но... надежды эти плохо сбывались. На их пути вставал Моонзунд.

...О приближении к Ирбену каравана из сорока восьми вражеских кораблей воздушная разведка заблаговременно сообщила на острова. Командование БОБР подготовило силы для комбинированного удара. В боевую готовность были приведены торпедные катера, авиация. Сигнал боевой тревоги прозвучал и на башенной береговой батарее № 315, расположенной на южной оконечности полуострова Сырве. Командовал ею опытный артиллерист капитан Александр Моисеевич Стебель.

Еще не все работы успели закончить, еще оставались недоделки, а приходилось принимать боевое крещение. — Пост к бою готов, — следуют четкие доклады.

Капитан удовлетворенно поглядывает на часы. Артиллеристы не подводят, словно за их плечами большой боевой опыт.

Стебель поднимает бинокль. Ему кажется, что в тумане у южного берега показалось темное пятно. Наблюдатели Косов и Огольцов докладывают о появлении вражеских кораблей.

С площадки маяка, где находится командир, видно, как поднимаются из укрытий длинные стволы орудий.

— По транспортам противника — фугасными, заряд боевой... — разносится команда.

Командир не отрывает от глаз бинокля. В его окулярах тяжело груженные вражеские суда. Но он хорошо представляет, что делается сейчас в башнях. Как по реву нажимают педали комендоры, как ослепительная вспышка озаряет деревья, как гулко ухают орудия и плавно идут на откат.

Первые снаряды новой батареи понеслись навстречу врагу. Капитан с нетерпением ждет всплесков, а ему

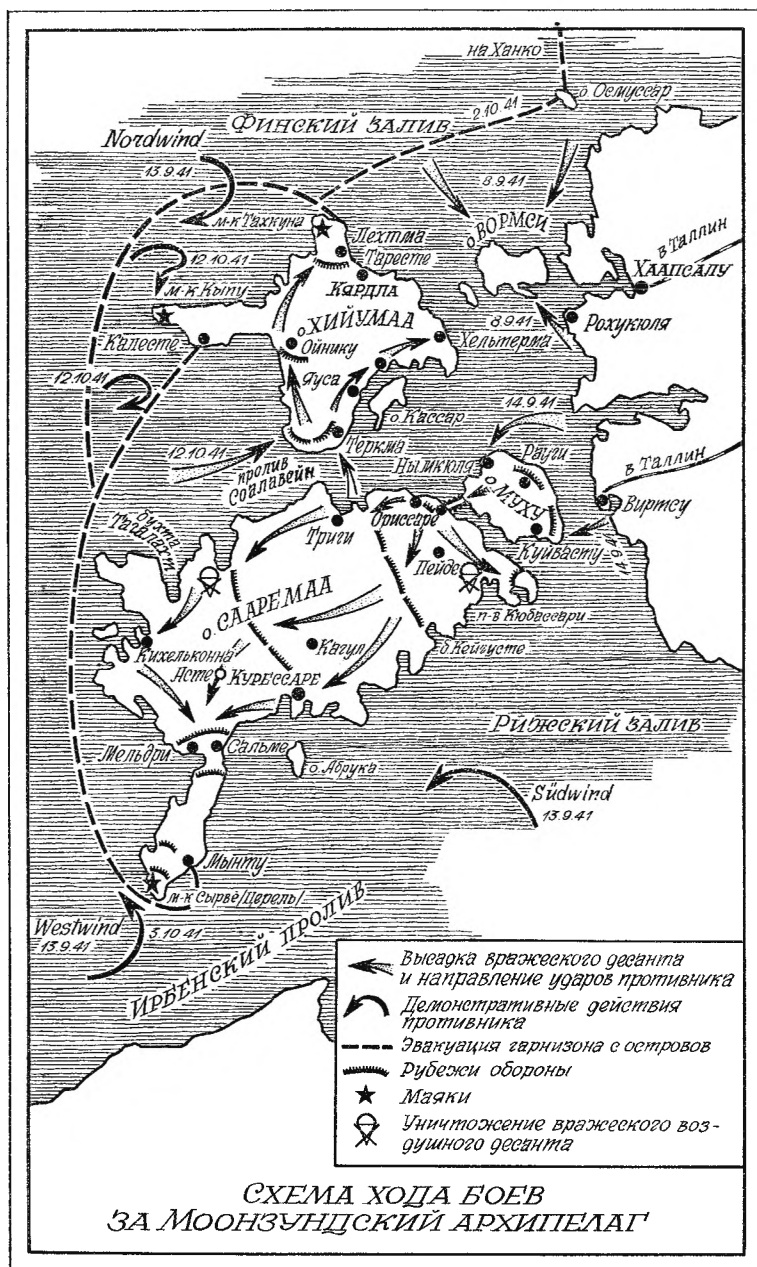

СХЕМА ХОДА БОЕВ
ЗА МООНЗУНДСКИЙ АРХИПЕЛАГ

слышится, как старший сержант Афанасьев, чтобы скрыть волнение, острит:

— Отпускаем чистым весом в тару потребителя.

В те дни корреспондент флотской газеты так рассказывал о боевом крещении батареи: «С передового наблюдательного поста донесли о замеченных транспортах. Комсомолец лейтенант Андрей Ш. по переговорным трубам сообщает личному составу обстановку, ставит задачи».

После войны я разыскал Андрея Ш. Им оказался командир второй башни Андрей Моисеевич Шаповалов. Вспоминая о бое 12 июля 1941 года, он рассказал: «Мы стреляли долго. Стволы орудий накалились до того, что вспыхивала поднесенная к ним спичка. От выстрелов горела маскировка батареи, тлели макушки сосен.

К концу стрельбы на правом орудии отказало продувание. Несколько последних залпов сделали без продувания ствола, отчего башня наполнилась пороховыми газами. Температура в блоке достигала +50°. Артиллеристам пришлось вести огонь по пояс голыми».

Торпедные катера лейтенанта М. Г. Чебыкина, В. И. Белугина, С. И. Иванова и главного старшины А. И. Афанасьева под командованием командира отряда старшего лейтенанта В. П. Гуманенко получили задание тоже нанести удар по вражескому конвою. Перед рассветом катера вышли из-под навеса пристани Мынту и взяли курс на юго-восток.

Все светлее и светлее становилась балтийская ночь. Застыла в дремоте Балтика. А где-то впереди, прижимаясь к берегу, крадется враг. Обманчив летний покой. О том, что противник близко, сообщила радиограммой советская подводная лодка. Только малые глубины помешали ей выйти в торпедную атаку.

Утром на катерах действительно заметили фашистские транспорты. По команде старшего лейтенанта Гуманенко балтийцы пошли на сближение. Уже можно различить крупные, тяжело груженные суда. Дальше от берега идут корабли охранения — миноносцы. Командир отряда решил атаковать два крупных концевых транспорта. Гитлеровцы не ожидали удара. Понеся потери в Ирбенском проливе — наиболее удобном месте для атаки от огня береговой батареи, они считали, что прорвались к своим, и вдруг...

Белая беспорядочная стена всплесков выросла перед советскими катерами. Это, обнаружив атакующих, открыли огонь вражеские миноносцы и сторожевики. Разноцветные пулеметные трассы прочертили воздух. Вырвавшись вперед, катер лейтенанта М. Г. Чебыкина атаковал крупный транспорт. С соседнего катера молочно-белая полоса дымовой завесы поползла над Рижским заливом. Она прикрывала торпедные катера, вышедшие в атаку с двух направлений. Взрывы торпед, попавших в цель, раздались один за другим. К небу взметнулись столбы пламени, потянулся густой черный дым.

Всего несколько минут продолжалась торпедная атака, но какого мужества, стойкости, трезвого расчета требовала она!

При отходе после атаки в моторный отсек головного катера, на котором находился командир отряда, попал снаряд и вывел из строя правый мотор. Через пробойную хлынула вода. Вышла из строя рация, тяжелое ранение получил моторист старшина 2-й статьи Горбунов. Катер стал отставать, а затем и совсем лишился хода.

Близ вражеского конвоя он легко мог стать добычей врага. Но на помощь пришли товарищи. Они прикрыли катер дымовыми завесами, дали возможность устранить повреждения, и он своим ходом вернулся в базу.

Последний удар по конвою нанесли самолеты-бомбардировщики, также базировавшиеся на островах.

Как установила разведка, в результате комбинированного удара четыре фашистских транспорта и баржа были потоплены, а двенадцать других судов получили повреждения.

Тот же Юрг Майстер вынужден признать, что при атаке на немецкий конвой в Ирбенском проливе действия советского гарнизона были «настолько эффективными, что немецкое командование временно отказалось от посылки других конвоев».

Неудивительно, что уже в июле в директиве главного командования № 33 фашистской армии о дальнейшем ведении войны на востоке указывалось: «Желательно в короткий срок овладеть островами на Балтийском море» (то есть Моонзундским архипелагом).

НА БЕРЕГАХ
МООНЗУНДА

10 июля передовые части гитлеровцев вышли на побережье Моонзунда в районе острова Виртсу, соединенного с материком двумя дамбами. Фашисты обстреляли наши катера и буксиры у пристани Куйвасту, а также побережье острова Муху. Уже в этот день 43-й батарее, которой командовал лейтенант Василий Георгиевич Букоткин, пришлось открыть огонь по врагу.

Захват противником материкового берега Моонзунда затруднял использование боевых кораблей. И тогда командование Береговой обороны Балтийского района решило высадить на пристань Виртсу десант, чтобы отбросить противника от побережья.

Получив приказание из штаба, командир батареи В. Г. Букоткин вызвал на командный пункт своего помощника лейтенанта А. П. Смирнова.

— Фашисты на восточном берегу пролива Моонзунд. Они устанавливают батареи. Приказано подавить огневые точки в районе Виртсу. Пойдете с корректировочным постом. — И, видя радостную улыбку на лице своего помощника, лейтенант добавил: — Дело нешуточное, Анатолий Петрович.

Маленький безлесный островок Вирелайд с белой башней маяка словно специально создан для корректировки. Узнав, что на нем находятся наши сигнальщики, Смирнов решил перебраться к ним.

С маяка в стереотрубу хорошо виден остров Виртсу, занятый фашистами. Сигнальщики указали лейтенанту вражескую батарею. После длительного наблюдения корректировщик заметил легковые машины, подошедшие к большому дому на пригорке. У длинного сарая что-то сгружали с тяжелых грузовиков. По телефону Смирнов сообщил координаты целей на батарею. Вскоре воздух над маяком задрожал от грозного посвиста советских снарядов.

В тот день в журнале боевых действий 43-й батареи появилась лаконичная запись: «После обстрела на Виртсу отмечены густой черный дым и взрывы. Подавлена зенитная батарея противника, уничтожено здание штаба, взорван склад с боеприпасами».

Ночь на Вирелайде выдалась беспокойная. Только легли, как вахтенный доложил, что к острову кто-то плывет. Весь маленький гарнизон острова с винтовками выскочил на берег. Действительно, пролив переплыл сапер. Он сообщил, что несколько его товарищей на Виртсу, не успевших уйти с острова, прячутся в прибрежных камнях. Люди более суток ничего не ели, патронов почти нет. Им нужно как-то помочь.

— Разрешите, я пойду на тот берег, — предложил телефонист Голубев.

Смирнов задумался — не ловушка ли это? Но сапер говорил так убедительно, что лейтенант поверил и решил отправить лодку.

Лишь перед рассветом, когда Смирнов снова лег, вахтенный доложил о возвращении лодки. Шестерых саперов удалось спасти.

Их переправили на Сааремаа. А утром 43-я батарея, получив от лейтенанта Смирнова новые данные, вновь вела огонь по врагу.

Гитлеровцы, очевидно, догадались, где находятся корректировщики. Первый снаряд, выпущенный по Вирелайду, разорвался в воде. Второй, осколками изрешетив забор у дома маячника, чиркнул по большому медному колоколу. Его использовали, когда напознал туман и огонь маяка становился невидимым. Потревоженный медный колокол недовольно загудел, пока новый взрыв не заглушил его.

— Всем в погреб! — скомандовал Смирнов.

По-разному складываются судьбы людей. Трудно предугадать, куда может забросить тебя сложившаяся обстановка. Так случилось и с лейтенантом Александром Александровичем Савватеевым.

Далеки от моря были мысли лейтенанта. Но при выпуске из училища оказалось, что на Краснознаменный Балтийский флот требуются специалисты-саперы. И Савватеев с несколькими товарищами пошел служить на Балтику.

После теоретического курса училища война с белофиннами дала лейтенанту Савватееву большую практику. Он участвовал в разминировании Выборга.

1941 год начался для Савватеева новым назначением. Его направили на остров Сааремаа помощником коман-

дира 10-й отдельной саперной роты Краснознаменного Балтийского флота. Командовал ею отличившийся в боях с белофиннами лейтенант Григорий Васильевич Кабак.

И хотя молодой командир служил не на кораблях, он очень скоро привык и полюбил ширь Балтики, чаще всего хмурую, неугомонную, вскипающую под ветром злыми белыми гребнями. Привязался лейтенант к суровому морю и уже не мыслил службы вдали от него.

С первых дней войны для саперов началась горячая пора. Готовясь к отражению вражеского десанта, они участвовали в создании инженерных оборонительных сооружений на островах, минировали побережье.

По инициативе начальника инженерной службы Береговой обороны майора Сергея Сергеевича Навагина был принят план ускоренного строительства обороны. К участию в этом строительстве были привлечены не только части островного гарнизона, но и местные жители.

Начальник склада боепитания младший лейтенант П. Ф. Тарасов предложил изготавливать мины собственного производства. В отличие от заводских они даже имели свое преимущество: их нельзя было обнаружить миноискателем, так как они ставились в деревянном корпусе. Там же под руководством Тарасова саперы большое количество противотанковых мин срочно перedelывали на противопехотные. В них была большая нужда.

Объем оборонительных работ на островах был огромным. Личный состав саперной роты пришлось разбить на небольшие группы. Они обучали бойцов островного гарнизона обращению с минами и с их постановкой.

Но все равно сил не хватало. Когда на Сааремаа началась мобилизация, из призванных была сформирована вторая саперная рота. Ее командиром стал лейтенант Савватеев. Противоречивые чувства овладели молодым командиром. Жаль было расставаться со своими товарищами и в то же время хотелось стать самостоятельным.

Мобилизованных разместили в Курессаре в грязелечебнице. В первый же день молодой командир роты встретился с непредвиденными трудностями. В роте служили латыши, литовцы, норвежцы, эстонцы. Большин-

ство из них были старше своего командира. И лейтенанту казалось, что в их глазах он читал: «Эх, молодой командир».

Очень немногие из роты знали русский язык, зато все говорили по-эстонски, а Савватеев знал лишь «тэ-рэ» да «ятайга»*. Попробуй ежедневно с таким «богатым» запасом слов учить своих подчиненных нелегкому саперному делу. Со дня на день ждали из Таллина командиров взводов. А пока лейтенанту приходилось прибегать к помощи переводчика.

Вскоре в небольшую комнатку в грязелечебнице, где жил командир роты, вошел незнакомый человек, коренастый и широкоплечий. Было ему за сорок.

— Тролля, — представился пришедший, — назначен политруком роты. — И он крепко пожал руку лейтенанту.

С приездом Арнольда Яковлевича Тролля положение в роте сразу изменилось. Хотя политрук провел более двадцати лет в России, он отлично говорил на своем родном языке. За его плечами был большой опыт партийной работы. Тролля быстро завоевал авторитет у своих подчиненных.

Как-то ночью молодой командир роты услышал от Тролля рассказ о его прошлой жизни. Нелегка была эта жизнь. Эстонскому мальчику Арнольду было всего год, когда, надорвавшись от тяжелой работы, умер отец, работавший кузнецом. С семи лет пришлось батрачить на местных кулаков. Он был и учеником маляра, и учеником слесаря. Потом снова батрачил на помещика в Валкском уезде. В шестнадцать лет удалось устроиться подручным на фабрику в городе Нарве. Здесь его застала империалистическая война. Рядовой царской армии Тролля воевал на австрийском фронте. Годы войны, годы в окопах, в грязи, рядом со смертью.

Разваливался многоверстный фронт. Десятками тысяч разбегались солдаты по своим домам. Ушел на родину и рядовой Тролля. Но еще тяжелей стала жизнь эстонской бедноты. И снова началась борьба за кусок хлеба, случайные работы, опять пришлось батрачить у кулака.

В 1917 году в Петрограде большевики взяли власть в свои руки. Эстонский батрак Арнольд Тролля добровольцем пошел в первый эстонский кавалерийский полк

* По-эстонски «здравствуй» и «до свидания».

Красной Армии. Бои с белыми и интервентами, ранения, тиф, малярия — через все это пришлось пройти. На родину тогда ему не довелось вернуться. В Эстонии власть захватила буржуазия.

Трудными были те годы для молодой Советской Республики. Тяжело было с продовольствием, нелегко найти работу. Боец Красной Армии Тролля пошел работать в милицию. Вылавливал жуликов и спекулянтов. Там же, в Ленинграде, вступил в ряды Коммунистической партии, стал заниматься в совпартшколе.

Туда, где было особенно трудно, партия первыми посылала коммунистов. Четыре года партийный работник Тролля провел в далекой Якутии парторгом Ленского речного бассейна, потом Каспий, Волга. После принятия Эстонии в Союз Советских Социалистических Республик его направили в Таллин.

С помощью Тролля, под руководством Савватеева новая рота скоро стала боеспособной. Саперам приходилось решать самые разнообразные задачи. Они продолжали минировать побережье, строили командный пункт штаба Береговой обороны, помогали заканчивать постройку береговых батарей.

В немногие свободные минуты политрук рассказывал своим подчиненным о боевом прошлом Моонзунда.

Русский и эстонский народы неоднократно выступали совместно против общего врага — иноземных захватчиков. Морское прошлое России на Балтике было тесно связано с островами Моонзундского архипелага.

Отсюда новгородцы совершили дерзкий набег на шведский город Сигтуна и вывезли окованные медью ворота. (Теперь эти ворота украшают Софийский собор в Новгороде.) Остров Эзель был базой морского капера Карстена Родэ, принятого Иваном Грозным на русскую службу. В 1719 году у острова Эзель русская эскадра после победного боя пленила шведские корабли. Здесь осенью 1917 года при обороне островов отличились русские солдаты и матросы, отражавшие немецкий десант.

Об этом Тролля рассказывал особенно подробно. И он был прав: тесно связано морское прошлое России с островами Моонзунда. А зная его, это прошлое, зная подвиги своих предков, сегодняшние защитники островов будут лучше воевать.

Недаром говорится: слова — учат, примеры — влекут.

**БОМБАРДИРОВЩИКИ
ЛЕТЯТ НА БЕРЛИН**

Мотор полуторки работал с перебоями. Утром машину хотели поставить на ремонт, но начальник гаража решительно сказал:

— Последний рейс. Доставим с пристани Куйвасту маскировочные сети для самолетов, и тогда — шабаш.

Выделенные для погрузки четверо парней из аэродромной команды хорошо знали, какие самолеты перелетели к ним с Большой земли. Это были грозные машины ДБ-3 группы полковника Е. Н. Преображенского.

И вот Генрих Ход — тот самый техник с аэродрома, которого накануне войны мы встречали в фотографии, вместе с тремя товарищами пылился на тюках в кузове. Чтобы выиграть время, шофер свернул с шоссе на проселочную дорогу: путь к аэродрому по ней был короче. У холма, на котором поднимала к небу зеленые купола русская церквушка, полуторка зачихала и окончательно остановилась.

Генрих хотел помочь шоферу, но скоро убедился, что без посторонней помощи им не обойтись. Где-то поблизости находилась береговая батарея. Предупредив товарищей, Генрих пошел к артиллеристам.

Идти пришлось долго. Он уже подумывал, не лучше ли вернуться, когда с пригорка открылось море. Дорога сбегала вниз на узкий перешеек, покрытый валунами. Впереди дружно зеленела роща, а из-за нее выглядывала голова маяка.

Тщетно Генрих пытался отыскать взглядом пушки. Все терялось в зеленой чаще. О близости батареи можно было догадываться только по хорошо накатанной дороге да нитке телефонного провода, подвешенного на жердях.

Заборы из плитняка дважды пересекали безлесый перешеек. Почти со всех сторон к берегу подступала стена камыша. Манила спокойная, как в озере, гладь воды. Две утки, подпустив человека совсем близко, неохотно замахали крыльями, чиркая зеркальную поверхность, тяжело взмыли в воздух.

Генрих шагал по тропинке и неожиданно наткнулся на проволочное ограждение. Потом он увидел пустые

окопы и артиллеристов с винтовками. Караульный, проверив краснофлотскую книжку, повернул ручку полевого телефона.

— Докладывает пятый пост. Пришел младший сержант Ход из аэродромной команды. Есть пропустить!

Разговор на батарее был коротким. Артиллеристы обещали помощь, когда вернется с продуктами их машина. Генрих предложили подождать, посмотреть концерт. Только что к ним прибыла фронтовая бригада артистов театра Краснознаменного Балтийского флота. О том, что с Большой земли на остров приехали артисты, Генрих слышал и раньше. Их гостеприимно приняли летчики, разместили близ аэродрома. Но Генрих на концерт не попал. Их отправили в это время вылавливать в лесу сброшенных диверсантов. И вот теперь — удача!

— Эй, земляк!

Генрих оглянулся. Молодой веснушчатый краснофлотец махал ему рукой.

— Костя, ты откуда?

— Нашу прожекторную станцию сюда перебросили. Место — курорт. Одно плохо: немец почти каждый день бомбит.

Генрих рассказал о застрявшей машине, но Костя помочь ничем не мог и потащил товарища с собой на концерт.

На поляне в недостроенной казарме собрались бойцы. Часть помещения была прикрыта занавесом. Туда проносили стулья и табуреты. И когда занавес приоткрывался, Генрих видел бок большого контрабаса и музыкантов, расставлявших ноты. Свободные места нашлись лишь в задних рядах. Гудел переполненный зал. По всему было видно, что приезд артистов был радостным событием на батарее. Несколько раз вспыхивали нетерпеливые аплодисменты, но, не встретив поддержки, они замирали.

А Костя уже увлеченно рассказывал:

— Наша 43-я батарея самая восточная на всем острове.

Верный своей привычке, он вытащил из кармана помятый лист бумаги и начал чертить.

— Смотри — это материк. Вот этот кружочек возле него — остров Виртсу. Там хорошая пристань. А вот этот хвостик почти напротив него — наш полуостров.

Представляешь, как удобно отсюда бить по противнику на материке.

Генриха объяснения заинтересовали. Глядя, как быстро на бумаге появляются очертания острова Сааремаа и соседнего с ним Муху, соединенных дамбой, он решил: действительно, очень удачно выбрано место для батареи.

— Ребята на батарее знаешь какие горячие? Просят командира на сухопутный фронт списать. А он отвечает: «Потерпите. Скоро и наш черед воевать придет».

Нестройные звуки музыкальных инструментов смолкли. Занавес заколыхался. Зрительный зал как по команде затих. И сразу стало слышно: где-то высоко в небе гудит одинокий самолет.

— Фашист, — определил кто-то.

— Здравствуйте, дорогие товарищи, — раздался молодой звонкий голос. На импровизированной сцене Генрих увидел черноволосого высокого человека в краснофлотской форме.

— Позвольте передать боевой привет славным артиллеристам от коллектива театра КБФ. Выступает оркестр народных инструментов. Дирижер Сергей Зикев. «Русская фантазия».

Концерт начался. Оркестрантов сменили две артистки. Лицо одной Генриху показалось удивительно знакомым.

— Частушки в исполнении Богдановой и Телегиной, текст руководителя бригады поэта Фогельсона.

Где же он видел ее? Генрих спросил негромко:

— Как фамилия той, которая справа?

— Это киноактриса Валентина Телегина, — отозвался кто-то из соседей.

Ну, конечно, он видел ее в кино. «Мотя», — внезапно вспомнилось ему, — бригадир девчат из кинофильма «Комсомольск». Соседи добавили:

— Она и в картине «Учитель» снималась.

— И в «Члене правительства».

Оркестр батарейцы слушали очень внимательно, но когда раздалась частушки, зрительный зал просто замер. Ведь в них говорилось об островах, о войне, о боевых товарищах.

Стал пролив Ирбенский ўже,
Немцы злятся и рычат.
Весь фарватер перегружен,

Транспорта со дна торчат.
«Юнкерс» бомбы в нас кидает,
Да никак не попадет.
Места в Балтике хватают,
Пусть кидает круглый год.
Бьет фашистов Стебель точно,
Поднялся в Берлине вой:
«Этот Стебель очень прочный,
Не иначе как стальной».
Остров Эзель бьется чудно,
Немцы воют от тоски.
Раскусить орешек — трудно,
Подавиться — пустяки!

Потом выступила молодая певица. Когда она запела о чайке над седой волной, у сцены показался артиллерист в каске. Он быстро прошел к кому-то в первом ряду, и тут же поднялся невысокий широкоплечий командир.

— Внимание! Воздушная тревога! Спокойно, товарищи — все по местам!

Артиллеристы быстро разбежались по боевым постам. Артисты и гости укрылись в узкой щели, вырытой среди орешника. Над головой по-мирному колыхались зеленые кусты, голубело небо, и только гул самолетов нарастал, угрожающе приближался.

— Опять к нам, — уверенно определил Костя и протянул товарищу кисет с махоркой. — Закурим?

Генрих отказался. На голубом безоблачном небе росли, увеличивались с каждой минутой вражеские машины. Они шли с востока.

— Девять, — сосчитал Костя, — когда бомбы сбросит — ложись.

Как показалось Генриху, у самолетов были непропорционально широкие крылья и узкий фюзеляж. И гул моторов отличался от наших — надсадный, пронзительный.

— Гляди, «ястребки» идут!

Над деревьями взмыло вверх звено советских самолетов. Генрих видел, как, набирая высоту, направились они в сторону солнца и пропали из вида. «И-16», — определил он. Потом три советских истребителя стремительно атаковали противника.

Строй его самолетов нарушился. В заливе выросли сперва два белых всплеска, потом еще и еще. Это некоторые летчики освобождались от бомбового груза.

— Ура, подбили! — вдруг заорал Костя и, подтянувшись на руках, выпрыгнул из щели. Генрих, а за ним и некоторые из артистов последовали за ним.

Правофланговый вражеский бомбардировщик заметно терял скорость. Черные клочки дыма, увеличиваясь с каждой минутой, оставались за ним. Потом он тяжело развернулся и пошел назад, к материку. Шлейф дыма тянулся следом.

— «Мессеры» идут, — указал Генрих товарищу на приближающиеся точки. Это действительно шло истребительное прикрытие фашистов.

Два «ястребка» продолжали атаковать вражескую восьмерку бомбардировщиков. Третий смело вступил в бой с шестью «мессершмиттами». Закружилась воздушная карусель. Белые дымки трасс расплосовали голубое летнее небо. Потом появился один темный выхлоп, второй. И... наш истребитель загорелся. Карусель распалась. Но балтийский летчик не думал прекращать борьбы. С земли видели, как направил он свой самолет на противника. Вражеская машина рассыпалась в воздухе. Остатки ее, объятые пламенем, рухнули в воду.

Окутанный дымом «ястребок» тоже терял высоту. От него отделился темный комочек. Он долго падал. Потом в воздухе вытянулся белый лепесток парашюта. Его наполнило ветром, и черная фигура, раскачиваясь на стропях, тоже заскользила к воде.

— Катер за летчиком! — закричал кто-то.

Генрих так и не понял, вышел ли катер или его еще нужно послать. А Костя разжал кулак и выбросил смятую цигарку. На его ладони наливался пузырь от ожога.

Объявили отбой воздушной тревоги. Артиллеристы в касках занимали свои места в зрительном зале. Та молодая, краснощекая опять появилась на сцене. Баянист заиграл, артистка, видимо от волнения, забыла слова, и ей из зала громко подсказывали:

— Ну-ка, чайка, отвечай-ка...

А Генриху больше посидеть на концерте не удалось. На батарею вернулась машина, он выехал на помощь к своим товарищам.

К вечеру, когда на аэродром доставили маскировочные сети, стало известно, что таран на горящем истребителе совершил командир их эскадрильи капитан Иван

Илларионович Горбачев. Раненого и получившего ожоги летчика подобрал из воды катер.

Генриху вспомнился другой случай: в самом начале войны близ их аэродрома упал поврежденный советский истребитель. Обгоревший летчик-лейтенант, прислонившись к сосне, кричал:

— Не подходи, убью!

И стрелял на звук шагов. Сержанту удалось подползти и выбить у лейтенанта пистолет.

Потом на аэродроме узнали, что поврежден истребитель был над Латвией, брызнувшее масло ослепило лейтенанта. Считая, что он на оккупированной территории, летчик пытался отстреливаться до последнего.

А Генрих в этот вечер, кажется, впервые серьезно задумался: смог бы и он вот так же, не боясь за свою жизнь, пойти на подвиг, как это сегодня на его глазах сделал командир эскадрильи.

* * *

Авиационную группу полковника Е. Н. Преображенского перевели на островной аэродром с Большой земли. Самолеты поставили на опушке леса, замаскировали сетями, молодыми деревьями. Летчики быстро освоились на новом месте. Особой любовью пользовался у них домик столовой — «кают-компания». После ужина здесь охотно засиживались, вспоминая события дня, просматривая свежие газеты. Как-то внимание летчиков привлекла статья Всеволода Вишневого «Герои подводных глубин».

Ее читали вслух. Это случилось всего несколько дней назад на Моонзунде, и оттого было близко всем. Перед глазами вздымалась ночная Балтика. Они видели знакомые очертания островов, казалось, слышали, как всплывала под перископ советская подводная лодка под командованием капитан-лейтенанта Николая Ивановича Петрова.

Напряженно всматривается в темноту командир. И вдруг замечает темный продолговатый силуэт. Фашистская лодка в проливе Соэлавейн!

Звучит сигнал боевой тревоги. Торпедная атака.

Короткое и резкое, как удар хлыста, «пли!». Вздвинулся корпус: это торпеды понеслись навстречу врагу. Бегут секунды, секунды томительного ожидания. По-

том глухой тяжелой взрыв всколыхнул Щ-307. Победа!

Статья заканчивалась словами: «О походах, о делах подводников Краснознаменной Балтики еще писать и писать!»

Тем временем у столовой остановился старенький запыленный автобус. Фронтная артистическая бригада вернулась после концерта с 43-й батареей. Наперебой они говорили о воздушном таране. Полковник Преображенский рассказал, что капитан Горбачев — командир опытный. Еще до Великой Отечественной войны он был награжден двумя боевыми орденами. Над Моонзундом сегодня он сбил второй самолет*.

В кают-компании уже было известно, что героя поместили в госпиталь в Курессаре, но он скоро вернется в часть.

Вспомнили и других отважных островных асов — Петра Сгибнева и кабардинца Абдулаха Тхакумачева, открывших боевой счет сбитых вражеских машин над Моонзундом.

Рассказы могли затянуться до поздней ночи, но полковник взглянул на часы:

— Скоро в полет.

Потом он угостил всех ленинградским «Казбеком». На островах с табаком стало туго, поэтому папиросы охотно разобрали. Осталось всего две штуки. Преображенский постучал папиросой по крышке портсигара.

— Закурим! Ну а последнюю — когда вернемся.

В начале войны гитлеровские пропагандисты заявляли, что русской авиации больше не существует и что оставшиеся одиночные самолеты большевиков не могут достичь Германии и вернуться на свою территорию. Но они не учли Моонзундского архипелага, расположенного далеко за линией фронта. Именно с аэродрома Кагул на острове Сааремаа наши летчики летали бомбить Берлин. Полковник Преображенский так рассказывал о своем первом полете на вражескую столицу:

«Вечер был ясный, солнечный. У всех настроение приподнятое. Шутливо спросил у техника:

— Выдержит ДБ-3 такой перелет?

* Капитан И. И. Горбачев за боевые подвиги над Моонзундом награжден орденом Ленина. Погиб в октябре 1942 года на Ленинградском фронте.

— Товарищ полковник, да на нем не только до Берлина — и до Рима долетим. И Гитлера и Муссолини можем бомбить.

Проверено оружие и кислородные приборы, опробована резиновая шлюпка. Все работает как часы. В полет!

Наступила лунная ночь. Сверху тени облаков на воде кажутся причудливыми островами. Но опытного штурмана Хохлова не собьешь с курса.

Он точно ведет самолет, и вскоре впереди замелькали огни. Это Свинемюнде. За ним внизу проплыл освещенный Штеттин. Гитлеровцы не ждут советских самолетов. На аэродроме вспыхивает светящийся посадочный знак.

— Товарищ полковник, фашисты предлагают нам садиться. Вот бы долбануть.

— Нельзя, летим на Берлин.

А Берлин все ближе и ближе. Он уже виден на горизонте светящимся заревом огней. Легко понять удивление наших летчиков. В городе не только не замаскированы окна домов, но даже не выключено освещение улиц. Не ждут фашисты налетов. Ну, что же, это помогает балтийцам точно выйти к намеченным целям и сбросить бомбы без помех. И только после того как на земле появились пожары, район за районом вражеской столицы погружался в темноту. Но теперь это уже бесполезно. Задание выполнено, советские бомбардировщики возвращаются на Сааремаа».

На следующий день фашистские газеты сообщили, что Берлин бомбили английские самолеты, потеряв при этом шесть своих машин. Англичане поспешили опровергнуть: «Германское сообщение о налете на Берлин интересно и загадочно. Наша авиация в ночь на 8 августа над Берлином не появлялась».

Так сравнительно спокойно прошел первый налет. А теперь каждый раз на пути к Берлину приходится прорываться через плотный заградительный огонь.

И вот снова над аэродромом Кагул красная ракета взлетела в вечернее небо, дан старт. Взрели моторы бомбардировщиков. Тяжелые машины, такие неуклюжие на земле, перегруженные бомбами и горючим, медленно разбегаются и набирают высоту.

С каждой минутой все дальше отступают берега

острова. Впереди ширь Балтики. Большая часть маршрута проходит над морем. Хотя здесь ориентироваться трудней, полет над морем позволяет избежать встреч с вражескими истребителями. Небо над Балтикой ночью пустынно.

За синий покатый горизонт скатывается багровое солнце. Быстро наползают сумерки, а вместе с ними надвигаются грозовые тучи, предсказанные метеорологами.

Воздушная волна раскачивает бомбардировщики. По стеклам кабины забарабанили капли дождя. Видимость уменьшилась. Машины пробивают облачность, набирают высоту. Теперь внизу не гладь моря, а беспорядочно клубящаяся пелена облаков. Ртуть в термометре опускается все ниже, и перед глазами появляются огненно-красные точки. Это первый признак кислородного голодания. Пора пользоваться кислородными приборами.

Крепко удерживая штурвал, полковник уверенно ведет машину. Рядом слетанный боевой экипаж: штурман Хохлов, в нижнем люке у пулемета радист Кротенко, у верхней турели стрелок Рудаков. Много раз они вылетали вместе на боевые задания.

Несколько часов тяжелого полета.

Потом первые вспышки разрывов зенитных снарядов яркими звездами замелькали внизу под самолетом. Темное небо полосуют голубые лучи прожекторов.

— До цели три минуты, — раздался в наушниках голос штурмана.

Сигнальными огнями командир подает команду идущим за ним экипажам рассредоточиться. Напряженные минуты перед ударом. Мерцает то одна цветная лампа, то другая. Потом загорается белая. В наушниках: «Так держать!» Самолет на боевом курсе. Полковник представляет, как напряжен сейчас штурман, выводящий машину на цель.

Самолет вздрагивает, слегка приподнимается: бомбы пошли вниз. Еще несколько десятков секунд, и желто-багровые языки пламени взметнутся с земли.

Вспыхнули и погасли сразу все сигнальные лампы: бомбометание окончено. Командир разворачивает машину на обратный курс. Море огня встает на пути советских самолетов. Теперь нужно преодолеть огонь зе-

ниток, избежать вражеских истребителей и снова выйти к морю. Малейший осколок, попавший в бензобак, может оказаться роковым. Ведь под крылом не родная земля, а фашистская Германия.

Каждый раз при бомбежке Берлина почти восьмичасовой полет совершали советские летчики. И каждый раз, выполнив боевое задание, балтийцы возвращались на остров Сааремаа.

А на аэродроме товарищи с нетерпением ожидали их. Прощупывал небо наклоненный луч прожектора, служивший маяком для бомбардировщиков. На летном поле загоралась буква Т. Вначале ее выкладывали из фонарей «летучая мышь». Сверху, когда самолетов не ждали, фонари накрывали пустыми ящиками.

Девять групповых налетов совершили советские летчики на вражескую столицу. В них участвовало до двенадцати бомбардировщиков. 13 августа 1941 года Президиум Верховного Совета СССР присвоил балтийским асам полковнику Н. Е. Преображенскому, капитанам В. А. Гречишникову, А. Я. Ефремову, М. Н. Плоткину и П. И. Хохлову звание Героя Советского Союза.

Это о них писал в годы войны ленинградский поэт Всеволод Азаров:

Мы воздаем отважным честь,
Кто в ночи те летал всех выше,
Кто выжег в небе слово «мечь»
И первым над Берлином вышел.

Фашисты откликнулись на эти налеты весьма оперативно. Всего через четыре дня после первого налета в дополнении к директиве № 34 от 12 августа 1941 года, подписанной начальником штаба верховного главнокомандования, говорилось: «...следует совместными усилиями соединений сухопутных войск, авиации и военноморского флота ликвидировать военноморские и военновоздушные базы на островах Эзель и Даго. При этом особенно важно уничтожить вражеские аэродромы, с которых осуществляются налеты на Берлин».

В эти дни в своем фронтовом дневнике писатель Всеволод Вишневский записал о гарнизоне Моонзунда: «На островах твердый дух».

НА ПОМОЩЬ ЗАЩИТНИКАМ
ТАЛЛИНА

Август на Сааремаа выдался сухой, но холодный. Поредела листва деревьев, сорванная штормовыми балтийскими ветрами. С каждым днем все неуютней становилось в землянках, куда из новенького казарменного городка перешли части 46-го стрелкового полка.

Однако и эти землянки вскоре пришлось оставить. Бомбовые удары фашистов следовали один за другим.

Однажды командиру полка майору Аркадию Марголину доставили из штаба Береговой обороны пакет. Боевой приказ гласил: отряду в составе усиленного полка с Сааремаа и усиленного батальона с Хийумаа высадиться на материке в районе Виртсу и Хаапсалу и вести наступление вдоль линий железных дорог общим направлением на Таллин. Это был удар в тыл противнику, штурмующему главную базу флота.

Приказ был получен днем, а уж к вечеру собранный по боевой тревоге полк сосредоточился в лесу. Ждали машин, чтобы ехать на пристань Куйвасту.

Командир полка вместе с комиссаром Григорием Матяшовым проверял готовность подразделений к бою. От походной кухни тянуло щами. Там еще бренчали котелки. С надрывом гудел мотор завязшей в канаве машины. Красноармейцы облепили ее.

— Раз, два, взяли! — разносилась чья-то басовитая команда.

Груженная полуторка, подталкиваемая людьми, выбралась на дорогу. Ее синие, прикрытые сверху щитками фары выхватывали из темноты нахохлившиеся деревья, а лица бойцов при этом свете казались мертвенно-бледными.

Откуда-то раздавалась негромкая песня.

— Узнаете? — остановил Матяшов командира.

Марголин прислушался.

Когда враги навяжут нам войну,
Мы развернем знамен багровый шелк,
И в бой пойдет за Родину свою
Сорок шестой стрелковый полк.

Песню написал полковой поэт Георгий Ладонщиков. Ее быстро разучили и охотно пели во всех подразделениях.

— Узнаю, пошли, — сухо отозвался командир.

Это был старый спор между ним и Матяшовым. Командир полка считал, что комиссар излишне много внимания уделяет художественной самодеятельности: возится с артистами, поэтами, художниками. Таланты — это, конечно, хорошо. И сам Марголин любил музыку и театр. Но армия есть армия. В полку главное — боевая подготовка. Командира полка интересовали прежде всего храбрые, умелые бойцы.

— Товарищ майор, разрешите доложить, — выросла перед ним темная фигура в шинели, — первый батальон для следования на пристань готов. Командир батальона капитан Огородников.

— Желаю удачи, — протянул командир полка руку капитану.

Плацдарм на материке в районе Виртсу занимал первый батальон 79-го стрелкового полка капитана И. Г. Абдулхакова. Командный пункт разместился в подвале старого имения. В 1917-м крестьяне сожгли дом, прогнали барина — немецкого барона. Крепкие стены дома выстояли, и сейчас в просторном подвале орудовали штабные, намечая пути наступления. Подразделения 46-го стрелкового полка сосредоточивались в старом парке.

Их удар был внезапным и неудержимым.

По расчетам фашистов, окруженный советский гарнизон сам должен был поднять белый флаг. Сбитые вражеские заслоны, не оказывая значительного сопротивления, поспешно отходили на север.

Упорные бои завязались в нескольких километрах от станции Лихула у мызы Туди. На холмах фашисты вырыли траншеи, установили минометы. В каменных зданиях оборудовали огневые точки. Наступающие в этом районе первая и вторая роты 79-го стрелкового полка, встретив сильное сопротивление, вынуждены были отойти.

Капитан Абдулхаков вызвал к себе командиров рот. Оба они — Василий Зозуля и Гурген Мосинян — имели опыт боев с белофиннами. Гурген за эти бои был награжден орденом Красного Знамени.

Под раскидистой сосной, где расположился команд-

ный пункт наступающего батальона, Абдулхаков поставил перед ротами новую задачу. Зозуля со своими людьми заходит в тыл безымянной высоты, господствовавшей на местности, Мосинян с двумя взводами атакует эту высоту с юга. А третий взвод во главе с политруком М. И. Федоренко идет вдоль шоссе на Лихулу и атакует ее.

Здесь склонившихся над топографической картой командиров застал старшина 2-й статьи Дудченко, вездесущий корреспондент флотской газеты с фотоаппаратом через плечо.

Едва уговорил он всех троих остановиться на минуту перед фотоаппаратом. Лейтенанты торопились к красноармейцам в роты. Им было не до фотографа. И лица у всех троих были серьезные, сосредоточенные.

Не думали они тогда, что через две недели в газете «Красный Балтийский флот» появится фото трех командиров с подписью «Перед боем около местечка Л в глубоком тылу врага», но всем им, запечатленным на пленке, втянутым в водоворот войны, уже не придется увидеть этого снимка.

По сигналу с командного пункта стрелковые роты снова пошли в наступление.

На холме красноармейцы разглядели старый ветряк с двумя уцелевшими крыльями. На постройку башни пошли крупные валуны, намертво схваченные цементом. Фашисты воспользовались этим «дотом» и установили на мельнице пулемет.

Чуть только красноармейцы показывались на шоссе, меткие очереди заставляли их залечь.

Подавить огневую точку на ветряке командир роты приказал орудийному расчету ефрейтора Ширшова. Для их прикрытия выделили станковый пулемет. Пулеметчики отвлекли внимание фашистов. Тем временем артиллеристы подтащили орудие и выкатили его из-за дома для стрельбы прямой наводкой.

Гитлеровцы заметили угрозу. Пули взвихрили пыль у пушки, дробно полоснули по щиту. Но у артиллеристов нервы оказались крепкими. Недаром для выполнения этой задачи командир выделил лучший орудийный расчет.

Дважды громынула пушка, и ветряк заволокло пылью и дымом. Но оттуда все еще раздавались редкие выстрелы. Снова вырвался снап пламени из дула ору-

дия. После этого вражеский пулемет на мельнице замолчал.

Безымянную высоту фашисты тоже не оставляли без боя. Траншеи на вершине надежно защищали вражеских солдат. Только предприняв несколько атак, красноармейцы ворвались на высоту и в штыковом бою уничтожили гитлеровцев. В числе отличившихся был пулеметный расчет В. А. Чертушкина, метким огнем поддерживавший наступление роты.

В районе мысы Туди наступающие захватили большое количество продовольствия, оружия, боеприпасы. Путь на Лихулу был открыт.

В журнале боевых действий имеется лаконичная запись, датированная 28 августа 1941 года. «В 6.00 наши части начали боевые действия в районе станции Лихула». К ночи станция была взята.

Успеху боев во многом способствовали действия отряда моряков-добровольцев старшего лейтенанта Егорова. Зайдя в тыл противнику, они перерезали дорогу, подходящую к станции с севера. Фашисты начали подбрасывать подкрепление к Лихуле и напоролись на засаду. Четыре вражеских грузовика уничтожили моряки. Двадцать фашистских трупов осталось на шоссе. Двух пленных немецких офицеров доставили в штаб батальона.

Несколько суток удерживали Лихулу моонзундцы. Но вскоре пришел приказ начать отход. Главная база Краснознаменного Балтийского флота — Таллин была эвакуирована. Наступление моонзундцев теряло смысл. К тому же теперь фашисты могли бросить против войск, высаженных на материк с островов, крупные силы. Они попытались отрезать советские части от побережья.

Вновь заговорили орудия и пулеметы. С упорными боями начали движение красноармейцы и моряки обратно к Виртсу и Рохукюле.

Стрелковый взвод старшего сержанта Васильева занимал оборону по берегу неширокой реки. Его оставили в засаде с целью задержать немцев и дать время частям батальона погрузиться на катера в гавани Рохукюля.

Приближался вечер. За день взвод трижды отбивал атаки автоматчиков, и они каждый раз уходили с потерями. Вот и сейчас, как только скрылись в роще последние солдаты, быстро все стихло. Только топорище свежей щепой прошитый пулеметной очередью

ствол березы над ячейкой взводного да поблескивали в траве тронутые налетом пороховой гари стреляные гильзы.

К реке взвод отступил ночью. Спешно окопались. Тяжелый солдатский труд не пропал даром: после трех отбитых атак обороняющиеся имели всего одного раненого.

Выбранной позицией сержант остался доволен. Вот только беспокоили командира патроны. Слишком много израсходовали их пулеметчики. А на пополнение боеприпасами рассчитывать не приходилось.

Еще недавно на берегу рвались мины. Осколки срезали ветви над головами бойцов. А сейчас только ветер покачивал деревья, и при каждом его новом порыве листья летели от березовой рощи в воду. Они уплывали к морю, к островам, туда, где остались товарищи.

Все стихло над позициями взвода. Поэтому одинокий винтовочный выстрел прогремел так неожиданно, что старший сержант вскинул трофейный автомат.

— Не стреляйте, братцы! Свои! — услышал Васильев.

К березам на берегу тяжело бежал человек в морском кителе, бежал спотыкаясь, размахивая фуражкой.

— Не стреляйте! — крикнул еще раз человек и тяжело опустился перед пулеметным гнездом на землю. Васильев направился к нему. Моряк был немолодым, с проседью в волосах, с заросшими шетинистыми щеками. «Майор, — определил по нашивкам на рукаве Васильев, — из плена бежал, что ли?»

— Из Таллина я, ребята, — начал рассказывать человек. — Едва прорвался к вам.

Майора окружили. Видимо, многое повидал и пережил за последние дни этот человек. Пришлось командиру взвода вмешаться, отправить назад красноармейцев по своим ячейкам. Не на лекции. А прибывший продолжал рассказывать пулеметчикам. Странные были его речи.

— Плохо наше дело, ребята. Такая заваруха была в Таллине. Ничего вывезти не успели. А все наши корабли немецкие подводные лодки перетопили. На переходе в Кронштадт.

Васильев слышал, что в Таллине шли тяжелые бои, но чтоб было так... Однако из уважения к высокому

воинскому званию свои сомнения старший сержант не высказал.

— Немцы техникой дают: у них самолеты, танки, а у наших что? Одни трехлинейки. А если есть автоматы, так трофейные, — кивнул он в сторону Васильева. — Да и у вас тут несладко. У немцев танки, подкрепление прибывает. А ваше начальство на катерах в Питер ушло...

Васильева больше не удерживают нарукавные золотые нашивки говорившего. Вскинув автомат, он командует:

— Руки вверх!

И, не слушая возражений, командир взвода призывает:

— Обыскать.

В карманах у перебежчика оказалась только листовка — пропуск на право перехода к фашистам.

— Я вам добра желаю, — пытался доказать задержанный. — Забыли вас здесь...

И как бы в ответ к пулеметчикам приблизился телефонист:

— Товарищ комвзвода, комбат вызывает.

Спустились сумерки. Шумит ветер в березах. Бойцы взвода получили приказ отходить. И вместе со всеми усаживают в лодку человека в морском кителе со скрученными за спиной руками. Нет, не на это рассчитывал он, вызвавшись уговорить взвод, прижатый к реке, сложить оружие.

После того как плацдарм в районе Рохукюля — Хаапсалу был оставлен нашими войсками, упорные бои начались на подходах к Виртсу. Стремясь не дать советским войскам перейти на острова, гитлеровцы бросили к Моонзунду крупные силы.

Виртсу — небольшой остров, соединенный с материком двумя дамбами. По одной из них проходит шоссе, по другой — полотно узкоколейной железной дороги, ведущей на Таллин.

Трое суток длились здесь бои. Прикрывали отход советских частей роты старшего лейтенанта В. Г. Исаева и младшего лейтенанта М. М. Карельского.

Особенно упорной была борьба за дамбы. Фашисты попытались захватить их с хода, но были отбиты с большими потерями. Тогда они начали ожесточенный артил-

лерийский обстрел. Затем в дыму и пыли показались вражеские автоматчики.

Наши саперы заблаговременно подготовили дамбы к взрыву. Однако осколок вражеского снаряда повредил провод. Устранить повреждение вызвался один из бойцов. С волнением следили товарищи за смельчаком. Перебегая от камня к камню, он пробирался навстречу атакующим. Фашисты его тоже заметили. Огонь по дамбе усилился. Среди дымных столбов разрывов продолжала бежать зеленая фигурка. Потом сапер упал. «Убит», — решили пулеметчики. Но прошло две-три минуты, и красноармеец вскочил и помахал пилоткой. Это значило: повреждение устранено.

Стена разрывов фашистских мин преградила путь отхода саперу. Казалось, теперь ему не вернуться. Но вскоре пулеметчики увидели плывущего к Виртсу человека. Сапер выполнил боевое задание. К сожалению, имя его осталось неизвестным...

К вечеру, когда часть наших войск отошла к пристани, гитлеровцы вновь вступили на дамбу. Не встретив сопротивления, они осмелели. Убирали трупы, катили легкие пушки, тащили минометы. Когда большая группа фашистов вступила на центральную часть дамбы, раздался взрыв. Немало врагов было погребено под камнями.

Около семи часов вел бой в этом районе пулеметный расчет сержанта Евдощука. Раненые пулеметчики покинули свои позиции лишь тогда, когда пришел приказ отходить к пристани.

Прорвавшимся фашистам удалось отрезать часть роты старшего лейтенанта В. Г. Исаева от своих. По дамбе не пробиться. Слишком хорошую цель будут представлять красноармейцы. На помощь пришла смекалка. Исаев с шестом отправил к Виртсу разведчика. Тот установил, что, прижимаясь к дамбе, по узкой, заболоченной полоске земли можно пробраться на Виртсу. И вот, бредя по пояс, по грудь в воде, неся на себе раненых, часть роты Исаева вышла из окружения.

Среди отличившихся называли и командира пулеметного взвода М. Д. Артюгина.

Вместе с армейскими частями находился корректировочный пост во главе с лейтенантом Смирновым. Вновь наступили жаркие дни и для поста и для 43-й бе-

реговой батарее. Корректировщикам неоднократно приходилось вызывать огонь по скоплению противника.

Основные части уже отступали на пристань. С минуты на минуту лейтенант Смирнов ждал приказа об отходе.

Артиллеристы располагались в небольшом домике, как раз там, куда выходило шоссе и железная дорога. Здесь же оставался командир полевой батареи № 5 старший лейтенант Л. С. Михейкин и несколько раненых.

Звуки приближающегося боя все нарастали. Заняв круговую оборону, артиллеристы готовились открыть огонь по фашистам. Лес разрывов вырос перед домиком. Потом мины стали рваться дальше. Все вокруг заволочло пылью.

Смирнов выслал своего связиста Н. Д. Кудрявцева уточнить обстановку. Вскоре он вернулся. Фашистская бронемашина обстреляла пристань, а автоматчики накапливались в оставленных наших окопах. Предположения лейтенанта оправдались, их окружили.

Силы были неравные. С одной стороны горстка советских бойцов, половина которых была ранена, с другой — до роты автоматчиков. Казалось, из дома не вырваться. Лейтенант, пригибаясь, бросился к кустам, над которыми покачивался гибкий штырь антенны.

— Ласточкин, — крикнул он радисту, — связь с батареей!

Эти несколько минут решили все.

Командир взвода управления лейтенант И. С. Мельниченко, который в это время с полуострова Кюбассари вел огонь по Виртсу, вспоминает подробности этого обстрела.

Смирнов передал: «Я окружен на перекрестке дорог. Отбиваемся от наседающего противника. Приказываю вести огонь по мне». Рядом с Мельниченко находился командир батареи Букоткин. Выражение его лица изменилось. Он чуть помедлил, а потом кивком головы решил открыть огонь. После второго залпа Смирнов скорректировал огонь, затем он передал: «Хорошо, накрытие!» — и связь с отважным корректировщиком прекратилась.

Как свидетельствует запись об этих событиях в журнале боевых действий, более десяти минут бушевал огненный шквал разрывов на Виртсу.

Залпы 43-й уничтожили немало фашистских автоматчиков, а остальных обратили в бегство. Корректировочный пост во главе с лейтенантом Смирновым и артиллеристы старшего лейтенанта Михейкина пробивались к пирсу и на катерах перешли на остров Муху.

В ночь на 4 сентября подразделения 79-го стрелкового полка оставили Виртсу. Последними уходили бойцы лейтенанта Зозули. Сам лейтенант был тяжело ранен, а его помощник Малышев убит прямым попаданием мины.

В отчете о боевых действиях на материке отмечалось, что противник в этом районе понес большие потери. В числе особо отличившихся называли роту пулеметчиков и личный состав батарей № 5 и № 43.

Глава VI

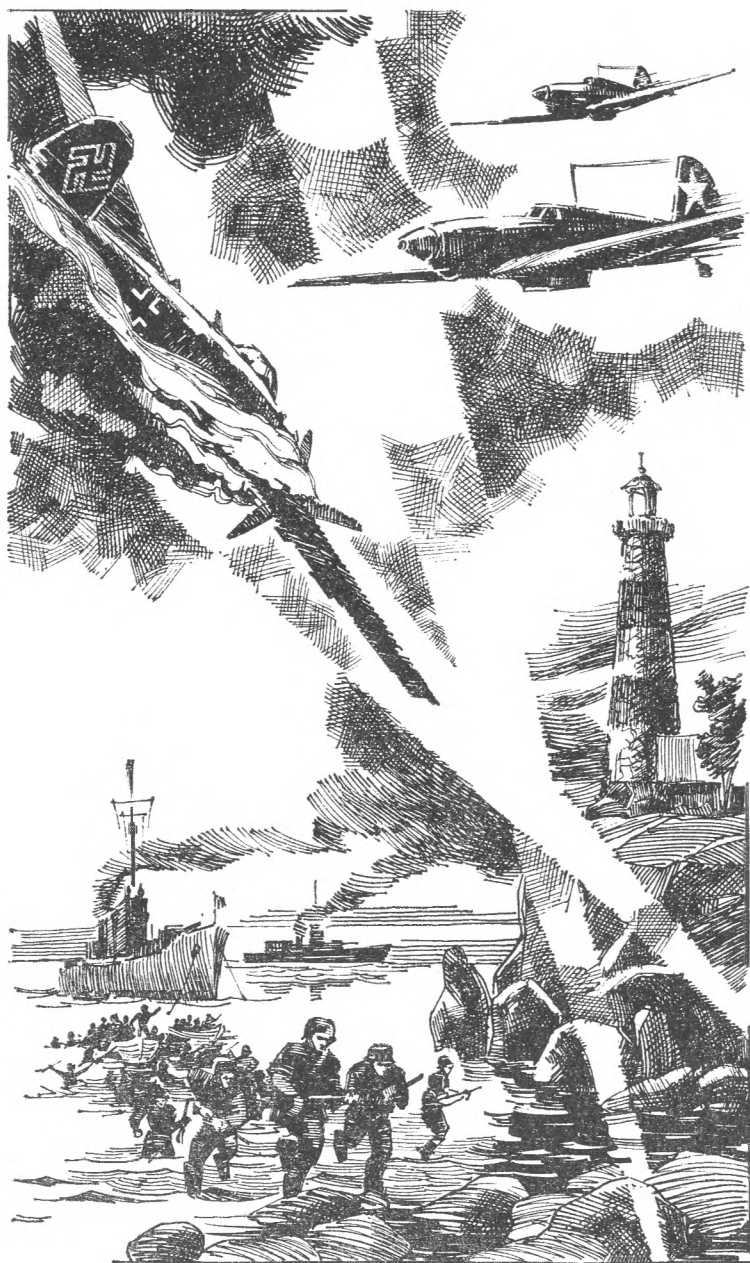
В БОЯХ ЗА ОСТРОВА ВОРМСИ И МУХУ

После того как наши войска оставили город Хаапсалу, гидрографический отряд капитан-лейтенанта Н. И. Федотова перешел на остров Вормси. Многочисленный в начале войны, располагавший своими катерами и машинами, этот отряд успешно обеспечивал боевые действия флота. Ночами вместо погасших маяков светили морякам временные огни гидрографов. Посты отряда в нужное время включали мощные прожекторы, зажигали створы, выставляли поворотные буи.

Но с тех пор как корабли Краснознаменного Балтийского флота в конце августа покинули Моонзундский архипелаг и прорвались в Кронштадт, заданий отряду стало поступать все меньше и меньше. Оставшиеся на островах катера и мотоботы редко нуждались в помощи гидрографов, а команды уцелевших шхун состояли из местных жителей, хорошо знавших нелегкий для плаванья островной район.

В боях на сухопутье поредел личный состав отряда, во время бомбежек погибли катера и специальные машины.

Теперь гидрографы размещались в небольшом маячном домике на восточном берегу острова Вормси. За нешироким проливом в две морские мили лежал матери-

ковый берег, занятый врагом. А на востоке линия фронта проходила уже у Ленинграда.

Не раз наблюдатели с маяка Норбю докладывали, что в район Хаапсалу прибывают вражеские грузовые машины, а катера буксируют рыбацкие лодки.

Не оставалось сомнения: фашисты готовятся к высадке десанта. Но на островах не было сил для нанесения упреждающего удара. Гидрографы, как и весь гарнизон, рыли на побережье окопы, строили дзоты.

Удержать Вормси, если фашисты начнут высадку, силами одной стрелковой роты и остатками гидрографического отряда — задача непосильная.

Днем 6 сентября орудийные раскаты с моря докатились и до защитников острова Вормси. В этот день фашисты предприняли первую попытку высадить десант, но вынуждены были от нее отказаться — огонь наших береговых батарей был точен.

Весь следующий день фашисты обстреливали остров. Гудел от близких разрывов маяк, осколки снарядов звонко цокали о его металлический корпус. Вечером с материкового берега к острову потянулись мощные лучи прожекторов. Они слепили бойцов.

Появились первые жертвы. Смертельное ранение получил капитан-лейтенант Махонин, сообщивший по телефону командованию об обстреле. Погибло несколько моряков.

Готовясь к отражению десанта, остатки гидрографического отряда заняли на берегу окопы и дзоты.

Но в эту ночь фашисты высаживаться не стали. Несколько раз за сутки они повторяли огневой налет. И только днем 8 сентября к острову двинулись шлюпки.

Борьба за Моонзундский архипелаг началась непосредственно на островах.

Когда на Хийумаа узнали о десанте противника на Вормси, командование немедленно приступило к переброске туда подкрепления. Из моряков различных частей острова формировались отряды добровольцев.

Одним из первых у маяка Вормси высадился лейтенант А. Я. Чистяков, артиллерист с 12-й береговой батареи. Прибыл он вместе с радистом. Затем удалось перебросить на остров одно 76-миллиметровое орудие и боезапас к нему.

Орудие с парома сгрузили, на руках выкатили на берег. Лейтенант Чистяков хотел помочь, но красноар-

мейцы так дружно облепили пушку, что его помощи не потребовалось.

Невелика сила — одно 76-миллиметровое орудие. Но лейтенант видел, как оживились красноармейцы. Все-таки с ними пушка.

От маяка, темнеющего у леса, подошла грузовая машина с синими фарами.

— Эй, давай снаряды в кузов!

— Откуда, ребята? — спросил Чистяков у бойца, подошедшего к радисту прикурить.

— С Хийумаа, из 167-го полка.

Так, значит, и армейцы уже успели прислать подкрепление? Рация лейтенанта работала. Теперь им нужны цели для батарей. Вместе с пехотинцами он пойдет на восточное побережье и укажет их.

К рассвету стрелковый взвод с орудием и корректировщик Чистяков вышли в район бухты Свибю на юге острова.

Они подошли как раз кстати. К берегу в этом районе направлялись лодки с вражескими десантниками. Встретив на восточном побережье сильное сопротивление, фашисты решили высадиться на юге.

Чистяков сообщил об этом на батарею. Ответ пришел быстро, но был он неожиданным: «Держитесь. По-сылаем помощь. Открываем огонь по северной группировке».

Почему по северной? Ведь он сообщил совсем другие координаты.

Тем временем красноармейцы начали стрелять по лодкам. Десантники, видимо, не ожидали встретить и на этом участке отпор. На головной шлюпке перестали грести. А когда раскатился орудийный выстрел и белый фонтан взметнулся перед лодкой, десантники стали поворачивать назад. Вслед им захлебывался пулемет, бухало орудие, беспорядочно раздавались винтовочные выстрелы.

Победа! Пусть маленькая, но победа. Как нужна она солдату, особенно молодому, необстрелянному. И пускай ничего особенного на берегу острова Вормси пока не произошло, какой радостью светились лица людей. Бегут фашисты!

Скоро Чистяков услышал тяжелые раскаты береговых батарей. Он все еще надеялся, что снаряды будут

рваться у вражеских лодок, но басовитое уханье дока- тывалось из-за леса.

Значит, и на севере высадка. И верно, более круп- ная, раз береговые батареи направили туда свой огонь.

Скоро по берегу начала стрелять вражеская бата- рея. Поддержанные ею, снова пошли к берегу шлюпки. Взводу Чистякова пришлось отступить.

Они соединились с ротой лейтенанта Винокурова, составившей основной гарнизон острова, вели нерав- ный бой в хуторе, укрывшись за каменными стенами скотного двора. Потом, когда получившие подкрепление фашисты попытались окружить советских бойцов, они пробились в лес в глубь острова, оторвались от против- ника, вышли на западное побережье острова.

При прорыве Чистякова ранило. С помощью това- рищей он едва добрался до берега. Очнулся уже на ка- тере. Пахло рыбой. Рядом журчала вода. Над ним на- клонился кто-то. Оказалось, Винокуров.

— Отдышался? Места знаешь? Как бы снова к нем- цам не выскочить.

— Помоги выбраться на палубу. Я покажу ориен- тир...

Утром рыбацкий катер, на котором находились бой- цы роты Винокурова, подошел к пристани Хельтерма на острове Хийумаа. Санитарный автобус отвез раненых в госпиталь.

Между тем бои на Вормси продолжались. Пополне- ние на помощь гарнизону острова прибывало в разное время. Их высаживали у маяка Вормси, и с ходу они вступали в бой. Действия наших частей прикрывали бе- реговые батареи. Борьба была упорной, а огонь берего- вых батарей очень точным. Только в районе маяка фа- шисты оставили более 300 трупов.

И все-таки сбросить фашистский десант в море не удалось. Гитлеровцы успели высадить с материка на Вормси усиленный батальон. Их поддерживала авиация. Защитники острова отошли к маяку.

Снять уцелевших с Вормси поручили лейтенанту В. М. Огаркову. В ночь на 11 сентября шхуна «Терма- ланд», катер и две шлюпки-шестерки вышли к маяку. Шхуна стала на якорь, а Огарков на катере, ведя на буксире шлюпки, пошел к берегу. У маяка много кам- ней. Поэтому катер, заглушив мотор, остановился мет- рах в ста, дальше двинулись шлюпки. Вскоре они верну-

лись, доставив на катер тридцать человек, снятых с берега.

Отправив их назад снимать остальных, Огарков со спасенными пошел к шхуне. Свежел ветер. А шхуны на оставленном месте не оказалось...

Поиски ее оказались тщетными. Шторм усиливался. Не обнаружив шхуны, катер пошел навстречу шлюпкам. Но и их он в тумане найти не смог. Под утро еще тридцать защитников острова Вормси на рыбацких лодках переправились на Хийумаа. От них командование острова узнало, что оставшиеся 150 человек заняли оборону около маяка. Почти все командиры отрядов погибли в бою. Среди них был командир пулеметного взвода 12-й батареи лейтенант Иван Петрович Морев.

Главный старшина из гидрографического отряда Д. С. Чепельников рассказывал, что прошлой ночью прижатые к маяку защитники с криками: «Ура! За Родину!» — пошли в штыковую атаку и отбросили немцев от берега. А утром при поддержке авиации фашисты вернули свои позиции. После этого боя из отряда гидрографов в живых осталось всего семь человек. Утром 11 сентября с маяка Вормси по телефону передали, что защитники острова несколько раз переходили в штыковые контратаки, отбрасывая противника.

Попытка вновь прислать катера к маяку не увенчалась успехом. Из трех посланных один сгорел, подожженный авиацией, а два других, получив серьезные повреждения, вернулись обратно.

В 7.30 телефонная связь с маяком прервалась. Наблюдательные посты докладывали, что на Вормси идет бой, слышны крики «ура!», разрывы гранат. Днем перестрелка на берегу прекратилась. С наступлением темноты на плотках и рыбацких шлюпках очень немногим уцелевшим защитникам Вормси удалось переправиться на Хийумаа.

Те шлюпки, которые ходили к маяку с Огарковым, через несколько дней были обнаружены нашими катерами в море. Хрупкие суденышки были унесены осенним штормом, не сняв больше никого.

Захватом острова Вормси гитлеровцы начали оккупацию Моонзундского архипелага. Но один Вормси не открывал пути в Финский залив. Для этого нужно было

захватить весь архипелаг и в первую очередь острова Муху и Сааремаа.

Операция, получившая название «Беовульф», готовилась тщательно. Фашистское командование предусматривало два варианта этой операции. По первому предполагалось, что отрезанный от своих, деморализованный советский гарнизон не окажет сопротивления десантникам. Тогда усиленный немецкий полк произведет высадку на полуострове Сырве и в районе города Курессаре.

Но, судя по тому, как боролись островные части на материке, по успешным набегам торпедных катеров, обстрелам береговых батарей, надеяться фашистам на разложение советского гарнизона не приходилось. Враги стали проводить операцию по второму, более сложному варианту.

Гитлеровцы собирали рыбацкие шхуны и катера, сосредоточивали на восточном побережье паромы и штурмовые боты. Подтягивали к Моонзунду артиллерию. Все это трудно было сохранить в тайне, но место и день высадки — день «икс» — они держали в строгом секрете.

По второму варианту десант намечалось высадить на восточное побережье острова Муху в районе пристани Куйвасту.

Гитлеровское командование теперь опасалось, что советский гарнизон сможет сбросить десант в пролив. Чтобы накануне дня «икс» оттянуть силы с Муху, расположенного ближе всего к матерiku, они выделили три отряда кораблей. Демонстративными действиями с севера, запада и юга они хотели отвлечь внимание обороняющихся.

Готовясь к операции, фашисты начали сосредоточение войск на небольшом лесистом островке Кессулайд, расположенном близ материкового берега.

Командование Береговой обороны внимательно следило за приготовлениями фашистов. Когда на Кессулайде собралось до полка гитлеровцев, на них неожиданно обрушился шквал огня. Это с Муху, куда были подтянуты полевые и минометные батареи, открыли огонь советские артиллеристы.

Понеся огромные потери на острове и при переправе, гитлеровцы поспешили ретироваться на материк.

Между тем вражеская авиация и артиллерия тоже активизировали свои действия. 13 сентября особенно ожесточенной бомбардировке подверглись остров Муху и восточное побережье Сааремаа.

В этот же день на подходе к островам наши летчики обнаружили вражеский конвой. Шли шесть фашистских транспортов в охранении семи боевых кораблей. Это начались демонстративные действия врага. Приблизился западный отряд, направляющийся к полуострову Сырве.

13 сентября советские торпедные катера во взаимодействии с авиацией и артиллерией Береговой обороны потопили три вражеских транспорта и нанесли повреждения еще нескольким из состава западного отряда.

«Высоко ценим ваши боевые действия. Своими успехами вы помогаете Ленинграду, — радировал на острова от имени Военного совета командующий флотом вице-адмирал В. Ф. Трибуц. — Привет всему личному составу. Желаем новых успехов».

Вражеские корабли южного отряда, выделенные для демонстрации, ночью приблизились к небольшому острову Абурка, расположенному близ города Курессаре, и обстреляли его. О результатах этого набега свидетельствует запись в дневнике моториста береговой батареи Д. С. Архипова. В это время он находился на пирсе, куда доставляли продукты для артиллеристов. Вот что он записал: «13 сентября 1941 года. 00.30 минут. Со стороны Рижского залива к Абурке подошли немецкие корабли и обстреляли остров.

После обстрела я позвонил на батарею и спросил, не нужно ли вызывать санитарную машину. Помощник командира батареи Благодарев ответил, что немцы стрелять не умеют. На острове убита одна овца».

Северный демонстративный отряд, который направлялся к Хийумаа, вообще не подошел к островам. Он потерял подорвавшийся на mine финский броненосец Береговой обороны «Ильмаринен» и повернул обратно.

Демонстративные действия фашистских кораблей накануне дня «икс» были неудачными. Они не достигли своей цели. Советское командование не отвело с Муху ни единого красноармейца, потери же противника были значительными.

После того как лейтенант Смирнов вызвал огонь батареи на себя, товарищи не чаяли видеть его в живых. Но он, как известно, выбрался с острова и вот, слегка контуженный, но целый и невредимый, сидит на командном пункте и рассказывает о том, как действовали артиллеристы 43-й, прикрывая своим огнем десант. Какую роль сыграла батарея при отходе наших частей с Виртсу, видно из слов, сказанных на прощание командующим восточным оборонительным участком полковником Н. Ф. Ключниковым: «Передай, Смирнов, спасибо нашим пушкарям. Если б не они — пришлось бы нам всем хлебнуть воды из пролива».

За дощатыми стенами вышки, где разместился командный пункт, шумят на ветру деревья, моросит мелкий дождь, а здесь мирно тикают часы, и собравшиеся товарищи, с которыми уже не думал встретиться, сегодня особенно внимательны. Лейтенант жадно ловит все батарейские новости. А потом ему рассказывают разные веселые истории из жизни батареи. Плохо владеющий русским языком татарин Тазлуков из пулеметного расчета на мысу во время налета доложил оперативному:

— Товарищ командыр, летит, понимаешь.

— Кто летит, на какой высоте, какой тип?

— Тип, тип, — рассердился говоривший, — хвост есть, крыло есть, фашист летит, стрелять надо...

Бомбежка батареи вчера продолжалась около пяти часов. Враги перепахали весь лес. Вышла из строя связь. Комендант обороны думал, что на батарее большие потери, и прислал санитарные машины. А в действительности легко задело шальным осколком одного прожекториста. Да и тот отказался уезжать в лазарет.

Давно лейтенант Смирнов не чувствовал себя так хорошо. Слушая товарищей, он разглядывает стол дежурного с табелем-календарем. Каждый прошедший день здесь перечеркивался крестиком, а сейчас, хотя и идет второй час ночи новых суток, цифра прошедшего 13 сентября еще не тронута. И все это потому, что он, Смирнов, командир корректировочного поста, неожиданно вернулся на батарею.

Над головой раздаются шаги сигнальщика, снизу доносится попискивание морзянки — там радиорубка. В землянке, наверное, артиллеристы вот так же не спят, окружив приехавшего с ним радиста Александра Куче-

ренко. «Какие славные люди у нас на батарее», — думает лейтенант, забыв совсем, как иногда мысленно упрекал комиссара в придирчивости, сухости, в излишней требовательности. Звонok телефона прервал разговор. Трубку снял командир батареи Букоткин:

— Да, лейтенант Смирнов прибыл. Прикажете ему выехать с рассветом? Есть, товарищ оперативный!

Букоткин положил трубку, сказал лейтенанту:

— Приказано выехать на Муху в штаб полковника Ключникова. Забрать с собой рацию.

Как ему не хотелось в ту ночь уходить в осеннюю тьму, уходить от товарищей. Словно чувствовал лейтенант, что со многими из них не доведется ему больше встретиться.

Наступило 14 сентября — памятный день для всех защитников Моонзунда. В этот день — день «икс» — части 61-й немецкой пехотной дивизии начали высаживаться на остров Муху.

Приехавших корректировщиков направили в дзот на побережье. Располагался он севернее пристани Куйва-сту близ недостроенной наблюдательной вышки. Хлюпала грязь под ногами, моросил дождь. На этот раз было тихо на Муху: ни обстрела, ни бомбежки. Только голубые руки прожекторов часто ощупывали пролив и пропадали где-то у вражеского берега. В этих широких коридорах было хорошо видно, как, поблескивая, сеял редкий осенний дождь.

Проснулись они от обстрела. Начался хмурый рассвет, а на противоположном берегу пролива мелькали частые вспышки и били орудия. Потом в небе загудели моторы. Дзот качнулся.

— Держись, увертюра начинается, — крикнул старшина-пулеметчик второму номеру, выглянув в амбразуру.

Кучеренко, чертыхаясь, возился с рацией. Видимо, перепаханная бомбами дорога не пошла ей на пользу, и, хотя радист вез ее на коленях, рация капризничала.

— Катера идут! — крикнул краснофлотец у амбразуры. В первый момент лейтенант ничего не мог различить на темном фоне берега, потом стала видна одна черная точка, потом другая, третья. Он насчитал их свыше полусотни и, сбившись, перестал считать. Посветлело, или так стало от загоревшихся на пристани построек? Теперь и артиллеристы различали катера и шхуны

врага, идущие с десантом. С севера острова тоже раздавалась перестрелка.

Один за другим столбы огня и воды вставали в проливе. Иногда после удачного выстрела к небу летели обломки катера. Артиллерия противника перенесла огонь дальше от берега. Она старалась подавить наши береговые батареи.

Удивительно громко, так, что в первые минуты лейтенанта оглушило, заработал «максим». Красные нити трасс понеслись к вражеской шхуне. Она находилась ближе всего к дзоту и представляла хорошую цель. Было видно, как заметались по палубе солдаты, как двое или трое прыгнули за борт. Пулемет не умолкал. На шхуне показался легкий клубок дыма. Его снесло, но еще один поднялся на корме, увеличился в размерах, пополз за шхуной туманным коротким хвостом. Шхуна вдруг вспыхнула и тут же, тяжело развернувшись, легла на обратный курс. Яркий костер пылал у нее на корме, тускло отражаясь в хмурой воде.

Из-за облаков вынырнул истребитель. Он прошел над катерами, потом сделал заход над шхуной.

— Наш, из пулеметов бьет! — радостно крикнул кто-то в дзоте.

— Этот «наш» так тебе вжарит, что и костей не соберешь, — сказал старшина, оторвавшись от пулемета.

Фашистский истребитель расстреливал свою шхуну, пытаясь повернуть ее обратно. И шхуна действительно повернула к Муху, волоча за собой шлейф тяжелого черного дыма. Дым полз не вверх, а, прибитый дождем, тянулся над проливом. Пулеметчики снова обстреляли ее. Белое пламя вырвалось из разверзшегося трюма шхуны, обломок мачты черным крестом взмыл в воздух и, кувыряясь, упал где-то за облаком дыма. С одной шхуной было покончено.

Но оставались другие шхуны, катера, баркасы. Их было очень много. Когда Смирнов подошел ко второй амбразуре, откуда из винтовок стреляли два краснофлотца, он увидел частые фонтаны взрывов на острове. Первые цепи вражеского десанта выходили на берег.

Отважно отражали вражеский десант артиллерийские батареи лейтенантов Николая Александровича Лукина, Леонида Семеновича Михейкина. Но силы были неравными. Артиллеристов бомбила и штурмовала авиа-

Монумент защитникам Моонзунда.

Так оценивала подвиг
моонзундцев газета
«Красный Балтийский
Флот».

Заместитель
начальника
штаба БОБР
И. П. Шахалов.

**Начальник
штаба БОБР
подполковник
А. И. Охтинский.**

**Командир полка
майор А. С. Марголин.**

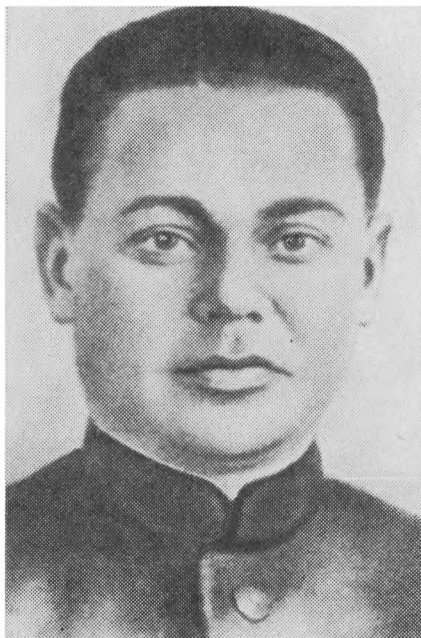

Взорванное морское орудие береговой обороны.

Немного смекалки — и трактор превращается в танк.

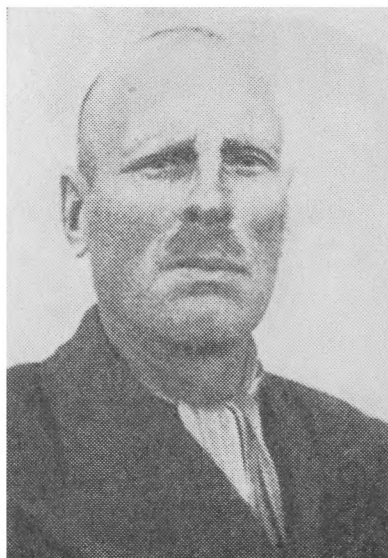

**Командир 315-й
береговой батареи
капитан
А. М. Стебель.**

**Командир 43-й
береговой батареи
капитан
В. Г. Букоткин.**

Рыбак Василий Кааль.

**Политрук эстонской роты
Арнольд Троль.**

Мария Кааль.

**Секретарь укома партии
Александр Муй.**

**Заместитель командира
3-й стрелковой бригады
Н. Ф. Ключников.**

**Летчик старший лейтенант
П. Ф. Гузов, таранивший
вражеский самолет.**

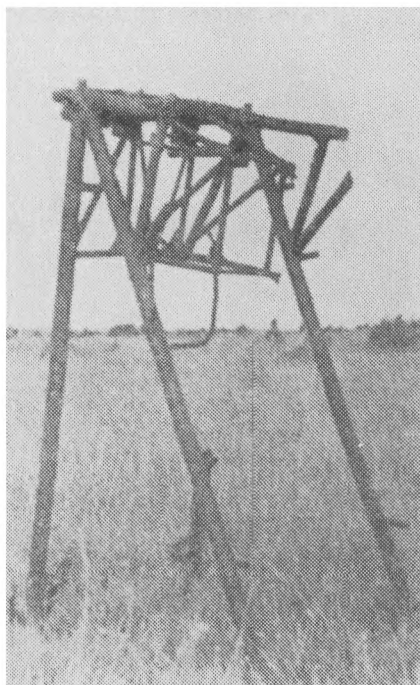
**Группа бойцов и командиров 33-го отдельного инженерного
батальона.**

Члены фронтовой бригады артистов театра КБФ.

Группа
красноармейцев
46-го полка.
Второй слева —
поэт
Г. Ладонщиков.

Все, что осталось
на острове
от фашистского
планера.

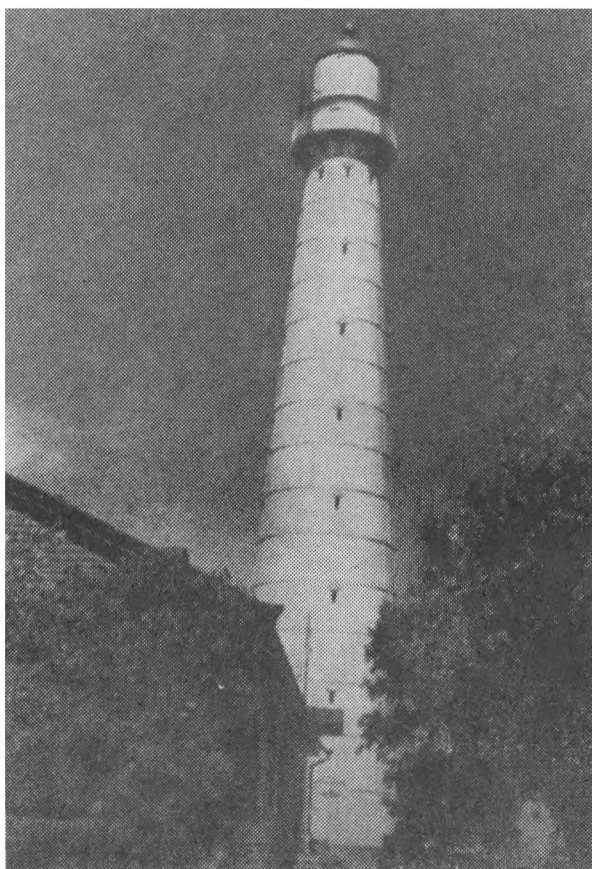
**Редактор островной газеты
политрук М. Д. Крылов.**

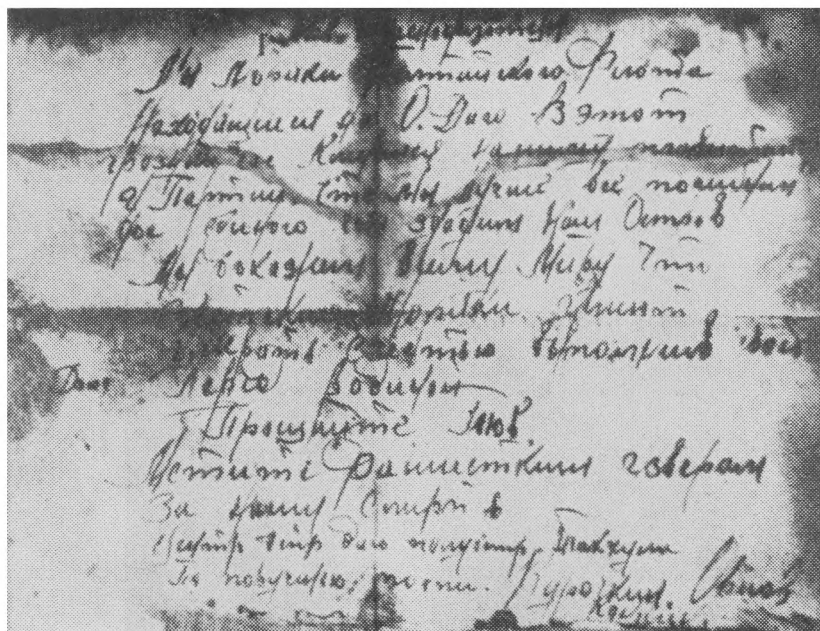
**Начальник шифровального
отделения БОБР А. Д. Пантелеев.**

**Командир 44-й береговой батареи старший лейтенант
М. А. Катаев с группой артиллеристов.**

Маяк Тахуна.

Клятва защитников Моонзунда.

Лейтенант Г. А. Горюнов.

Краснофлотец Григорий Орлов, один из тех, кто подписал клятву балтийцев.

Начальник
артиллерии БОБР
майор
В. М. Харламов.

Комсорг
316-й батареи
Игорь
Сабельников.

Капитан
3-го ранга
Н. А. Овчинников.

Техник аэродромной команды
Генрих Ход.

Гидрограф лейтенант
Т. М. Кудинов.

А. С. Малафеев, защитник
Моонзунда, боец француз-
ского Сопротивления.

Д. И. Дрожак.

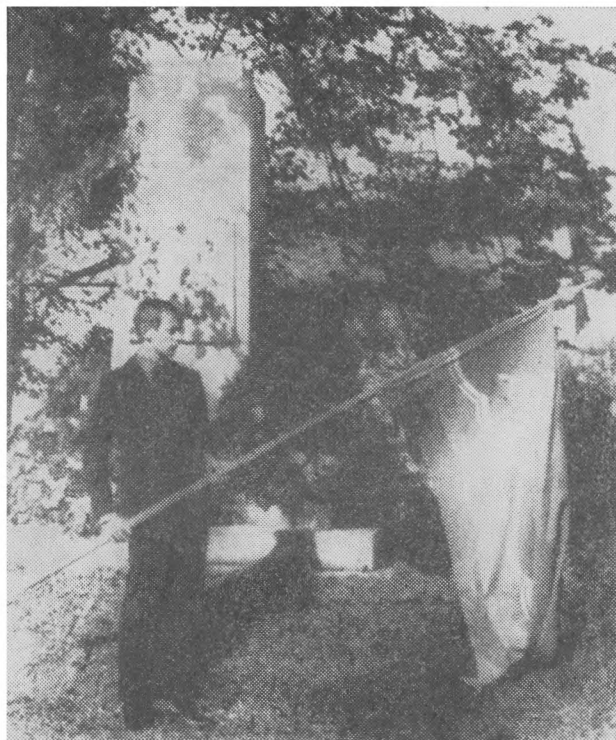

Военнопленные.
Рисунок
И. Н. Хитрова.

Фашистский
«учетный листок»
военнопленного.

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	X
Personalkarte 1: Personale Angaben												Kriegsgefangenen-Offizierslager 53												
Kriegsgefangenen-Blattlager:												Nr. 857 Lager: Offlag 53												
Name: POJELUJEW												Dienstangehörigkeit:												
Vorname: Jakov												Dienstgrad:												
Geburtsort und -zeit:												Truppenteil:												
Religion:												Zielfach:												
Geburtsort bei Geburt:												Wehrzeit Nr.:												
Familienname bei Mutter:												Gefangenennr. (bei Mutter):												
Familienname bei Ehefrau:												CS gefand. franz. verwundet eingeliefert:												
Stichtag												Nähere Personalbeschreibung												
Größe:												Körperbau:												
Haarfarbe:												Führende Kennzeichen:												
Dienstabzeichen:												Name und Anschrift der zu benachteiligten Person in der Heimat:												
bei teilw. Dienstleistung:												Name und Anschrift der zu benachteiligten Person in der Heimat:												
												Unterschrift des Gefangenen:												
POJELUJEW												Unterschrift des Lagerleiters:												

**Вечная память
героям.**

**Встреча
ветеранов
Моонзунда.**

ция, обстреливали батареи с материка. Не было пополнения боеприпасами.

В сохранившемся журнале боевых действий охраны рейда Куйвасту об этих напряженных событиях записано очень лаконично: «14 сентября 1941 г. 6 ч. 05 м. — от Виртсу к Куйвасту идет большое количество шлюпок и катеров.

7 ч. 20 м. — противник высаживает десант на остров — к норду от поста № 12. Ведем огонь по десанту противника».

Долго держался дзот на побережье. Даже когда к лесу под давлением противника отошла стрелковая рота, занимавшая этот участок, комсомольский дзот (все пятеро были комсомольцами) продолжал бой в окружении. Кончились боеприпасы. Разбив рацию, они пытались пробиться к своим.

В этот день, расстреляв все патроны, раненый корректировщик Анатолий Смирнов был взят в плен. Свой комсомольский билет он надежно зарыл.

Командование гарнизона послало на помощь защитникам острова Муху подкрепление.

Шоферы, которые везли отряд, торопились. Близился рассвет, а нужно успеть проскочить через длинную узкую Ориссарскую дамбу, соединяющую Сааремаа с островом Муху. Машины с людьми на этой прямой, как стрела, дороге представляли хорошую цель для вражеской авиации. В кузовах, тесно прижавшись друг к другу, сидели моряки.

Промелькнули редкие домики Ориссаре, темные, будто вымершие. Впереди показался мелководный пролив — Вяйке-Вяйн. В полутьме белели столбики, ограничивающие дорогу.

У самой дамбы на дорогу вышли двое с винтовками.
— Стой, кто идет?

Моряки зашевелились. Вспыхнули спички. В кузове загорелись огоньки сигарок. Из кабины передней машины вылез высокий человек в длинной шинели.

— Подполковник Охтинский, — узнал кто-то в кузове, — Алексей Иванович.

— Боевой? — спросил чей-то молодой звонкий голос.

— Он-то? Я с ним вместе служил во время финской кампании. Командир что надо!

Передняя машина двинулась, за ней последовали остальные. Разговоры снова смолкли.

На середине дамбы произошла новая остановка. Оказалось, навстречу попался санитарный автобус. Задним ходом его отправили на разъезд. Дамба была узкая — двум машинам не разминуться.

Когда съезжали на Муху, впереди послышалась канонада. В машинах все встрепенулись. В сосновом лесу в нескольких километрах от пристани Куйвасту машины развернулись, высадили бойцов. Невдалеке уже гремел бой. Среди разрывов отчетливо была слышна ружейно-пулеметная перестрелка. Чтобы уточнить обстановку, Охтинский выслал к пристани разведчиков.

Сквозь растрепанные облака стал проглядывать диск солнца, сумрачный, плоский. Добровольцы, собранные для поддержки защитников Муху, осматривали винтовки, примыкали штыки. Они готовились к первому бою на суше. Для многих из этих молодых парней, пришедших с береговых батарей или из аэродромной команды, этот бой был вообще первым боем в жизни.

Сам подполковник с биноклем в руках прошел на опушку леса. Отсюда хорошо виден Моонзунд. Небольшие транспорты, шаланды, катера, рыбацкие лодки двигались по его поверхности от материкового берега. По ним била наша артиллерия. Севернее пристани клубилась земля. Там шел бой с высадившимся противником.

Гул моторов в небе привлек внимание Охтинского. Пробив низкую облачность, пять истребителей вышли к заливу. Это были наши двукрылые И-153.

— «Чайки», — сказал кто-то радостно. Подполковник увидел за собой троих моряков с винтовками. Одного он узнал — техник из аэродромной команды. Самолет его подшефного был недавно сбит. Техник оказался без дела и пошел на сушу в отряд добровольцев.

— Старший лейтенант Крайнов ведет, — говорил он возбужденно, — а рядом машины Ильичева и Шевцова, а вот те — младшего лейтенанта Гузова и лейтенанта Мурашова. Сейчас они дадут фашистам жару!

— Старушки, где им с «мессерами» тягаться, — возразил ему сосед.

— Старушки? — загорячился техник, — да на каждой машине по восемь реактивных снарядов и по четыре пулемета, да еще несколько бомб в придачу. К тому же — «чайки» и на хвосте развернутся.

Истребители летели к судам десанта. Вскоре у небольшого транспорта поднялись всплески воды. Несколько заходов успели сделать наши истребители, пока на них не вышли вражеские самолеты. Обстреливая катера и шлюпки, «чайки» развернулись и ушли в облака над Муху. За ними помчались и тоже исчезли в тучах двенадцать «мессеров».

Охтинский поморщился, сказал громко:

— Что-то жар невелик.

У техника лицо сразу помрачнело. Подполковник снова поднял бинокль. Хотя силы были неравные, будь он на месте летчиков, вступил бы в бой непременно...

На дороге от Куйвасту показались первые отступающие. Вперед вырвалась двуколка. Какой-то человек, стоя в ней, ошалело нахлестывал лошадь. Пророкотав мотором, над соснами прошел истребитель. Видно было, как разбежались по кустам люди с дороги, как, взмахнув руками, вывалился из двуколки человек да так и остался лежать. А лошадь галопом приближалась к роще. Фашистский истребитель сделал новый заход над дорогой. Опять шарахнулись по кустам и канавам бегущие.

Снова послышался нарастающий рокот мотора. Охтинский подошел ближе к сосне.

— Наши, — раздался сзади радостный возглас, — оторвались от «мессеров» и снова сюда!

Действительно, из разрывов в облаке вынырнула все та же пятерка истребителей. Два из них атаковали делавший новый заход над дорогой «мессершмитт». Он резко отвернул, задымив, на бреющем полете пошел к материку.

— Дали жару! — закричал техник. — Это Мурашов врезал.

Истребители опять устремились на вражеский десант. Снова дыбилась вода, летели щепки разбитых баркасов, тонули шлюпки.

Вот как об этом дне рассказал балтийский летчик подполковник запаса Петр Фомич Гузов.

«14 сентября 1941 года нас по тревоге подняли около 5 часов утра. Еще до прибытия на аэродром мы узнали, что фашисты начали высадку морского десанта на остров Муху. Наши самолеты уже были подготовлены к вылету. Около них находились техники и мотористы, все были сильно взволнованы. Здесь же, у самолетов, нам была поставлена задача: пятеркой

самолетов «чайка», которую вел старший лейтенант Крайнов, атаковать вражеский десант.

Погода в момент вылета была отвратительная. Аэродром закрыло туманом, облачность опустилась до земли. Но мы взлетели благополучно, построились и на бреющем полете над самыми верхушками деревьев пошли на цель. При подходе к острову Муху в районе дамбы облачность немного приподнялась и видимость улучшилась. Мы продолжили полет на малой высоте. Когда мы выскочили на остров Муху у населенного пункта Куй-васту, то увидели непередаваемую картину. Весь пролив был забит катерами, лодками, плотами с немецкими десантниками. Крупных кораблей было не особенно много. Фашисты не ожидали нашего удара. Они высаживали десант двумя колоннами. Мы, не разворачиваясь и не перестраиваясь, с ходу нанесли первый бомбовый удар по катерам и кораблям. Затем перестроились в правый пеленг и, поскольку самолетов противника не было, стали в круг и всей пятеркой начали расстреливать и уничтожать десант реактивными снарядами и пулеметным огнем. Действовали с малых высот, поэтому результаты наших атак были хорошо видны. Оставшиеся в живых солдаты под градом трассирующих и зажигательных пуль прыгали с лодок и плотов в воду. Мы провели пять штурмовых заходов, но сказать, какой нанесен урон десанту, трудно, так как одновременно с нами по лодкам и катерам вела огонь наша артиллерия и сухопутные войска. По всему проливу во многих местах горели катера, корабли и другие плавсредства. Когда наша группа со стороны Виртсу пошла на шестой заход, я заметил над боевыми порядками наших войск на острове Муху большую группу немецких бомбардировщиков Ю-88 и истребителей Ме-109. Бомбардировщики начали обрабатывать наши боевые порядки, а истребители устремились на нас. Мы быстро перестроились и приняли воздушный бой, который начался примерно над центром пролива и постепенно переместился на остров Муху. Мы с Мурашовым находились в группе прикрытия, поэтому основная тяжесть боя легла на нас. Над островом звено старшего лейтенанта Крайнова вошло в облака. Нас же успела перехватить другая группа «мессершмиттов», и нам пришлось вести бой вдвоем. Реактивных снарядов у меня больше не было, из четырех пулеметов работал только один нижний правый, в остальных весь боезапас был

израсходован при штурмовке десанта. В бою самолет Мурашова был подбит и начал терять высоту, я старался по мере возможности его прикрыть, отбиваясь от наседавших фашистов. Вдруг мой самолет содрогнулся от мощного удара. В кабине с приборной доски посыпались стекла. Ноги слетели с педалей, как будто по ним сильно ударили палкой. Через несколько секунд, придя в себя, я почувствовал сильную боль в левой руке и ноге. На полу кабины появилась кровь. Но самолет остался управляемым, мотор работал. Вражеских машин вроде сразу прибавилось, кругом мелькали только одни кресты. С каждой минутой управлять самолетом становилось все трудней, кончились патроны, и перестал работать последний пулемет. Самочувствие было отвратительным. В этот критический момент я заметил ниже себя бомбардировщик Ю-88, который бомбил наши боевые порядки, и мгновенно мелькнула мысль его протаранить. Не уменьшая скорости и не маневрируя, чтобы выбрать более удобную позицию для тарана, боясь, что фашист увернется от столкновения или меня раньше собьют его истребители, я врезался своей машиной в кабину верхнего стрелка-радиста. От удара наши самолеты сцепились и загорелись. Но все же у меня хватило сил, и я успел выбраться с парашютом. К счастью, самолеты упали на остров Муху в расположении наших войск. Я опустился на парашюте примерно в двадцати метрах от горящих машин и потерял сознание. Когда очнулся, меня приводили в чувство наши моряки, которых послал к месту падения самолетов командир батальона».

Подвиг советского летчика Гузова видели тысячи защитников острова Муху. Они храбро дрались с высадившимся десантом, но героизм летчика-истребителя придал им новые силы. И когда вернувшийся разведчик доложил, что фашисты прорвались у пристани Куйвасту, подполковник Охтинский сам повел моряков в бой.

Штыковая атака краснофлотцев была короткой и стремительной. Впереди бежал высокий черноволосый человек с наганом в руке. Осенний ветер сорвал с него фуражку, теребил пышные волосы.

Вражеские автоматчики не приняли боя, отошли к пристани.

Благодаря подоспевшему отряду подполковника Охтинского прорыв фашистской пехоты у Куйвасту удалось ликвидировать.

Напряженные часы переживали защитники острова. Гитлеровцы остановлены, но сил нет, чтобы сбросить десантников в море. Бомбардировка и штурмовые удары гитлеровской авиации продолжались. После полудня противник вывел многие наши батареи на Муху из строя. Между тем фашисты высадили севернее пристани крупные силы. Перед защитниками острова командование БОБРа поставило задачу: задержать наступление врага до темноты. Подкрепления с Сааремаа уже посланы, но в светлое время суток господствовавшая в воздухе вражеская авиация не давала двигаться по дорогам. Приходилось ждать вечера.

Западнее Куйвасту моряки и красноармейцы окапывались, стараясь зарыться в каменистый грунт острова. Готовясь к новой атаке, враги обрушили на них шквальный минометный огонь. Со стороны залива опять показались фигуры автоматчиков.

В разгар боя неожиданно смолк на правом фланге станковый пулемет. Несколько человек бросились к нему, но не добежали, сраженные осколками мины. Тогда среди разрывов поднялась высокая фигура. Человек сбросил черную шинель. Он перебежками приближался к «максиму». Новый взрыв заслонил человека, но невредимый подполковник Охтинский — это был он — уже укрылся за щитом пулемета.

Когда фашисты поднялись в новую атаку, «максим» на правом фланге снова действовал. Вокруг него рвались тяжелые мины, пулеметчика засыпало камнями, дважды задело осколками, но командир за пулеметом продолжал бить по наступающим.

Когда атака была отбита, стало известно, что подполковник Охтинский получил тяжелое ранение в голову. Бойцы перенесли его в подошедшую санитарную машину. В это время в кустах, где стояла машина, разорвался немецкий снаряд. Так 14 сентября 1941 года оборвалась жизнь отважного балтийца, коммуниста подполковника Алексея Ивановича Охтинского.

14 сентября 1941 года выдалось трудным для защитников Моонзунда. Вот как вспоминает этот день один из участников боя, командир роты 79-го стрелкового полка капитан Василий Георгиевич Исаев.

«Рота заняла оборону и вступила в бой. С моря к острову все шли шлюпки, моторные лодки, катера с десантом. Мы вели огонь по ним из пулеметов и винтовок.

Хорошо поддерживали нас артиллерийские батареи. Жаль, не знаю — какие именно. Часть шлюпок тонула, часть пустыми оставалась плавать на воде.

По нашим позициям сосредоточили огонь немецкие орудия с Виртсу, начались налеты авиации. Разгулявшийся осенний день померк от разрывов и дыма, словно наступил сумрачный вечер».

Весь день на Муху продолжались ожесточенные бои. Траурными факелами пылали подожженные авиацией хутора.

Подлинными героями показали себя защитники острова. Прямой наводкой расстреливала вражеские шхуны 100-миллиметровая береговая батарея, которой командовал лейтенант В. С. Потапочкин. Она располагалась близ пристани Куйвасту, главного района высадки фашистов, и поэтому досаждала им больше, чем другие. Только когда наступающие части противника окружили береговую батарею, а авиация вывела из строя два орудия, артиллеристы подорвали третье и с винтовками и гранатами пошли на врага. Им удалось пробиться к своим, однако при прорыве был убит командир батареи.

Выходящая на островах газета «На страже» в эти дни неоднократно рассказывала о массовом героизме красноармейцев и краснофлотцев на острове Муху. В числе героев острова газета называла политрука 202-й зенитной батареи Александра Зименкова. В бою, когда был тяжело ранен командир батареи, Зименков заменил командира, мужественно вел бой, а с отходом частей двинулся вместе с пехотой, умело выбирая позиции. Фашисты пытались окружить отходящую батарею. Зенитчики открыли огонь прямой наводкой, уничтожили большую группу гитлеровцев и, соединившись со своими частями, вновь приняли бой.

Ротой 37-го инженерного батальона командовал лейтенант Жуков. Заняв оборону у важного перекрестка дорог, умело расставив пулеметы, бойцы до подхода подкрепления стойко удерживали занятые позиции, не давая фашистам продвигаться.

Дважды, когда автоматчики подходили особенно близко, лейтенант Жуков поднимал людей и вел их в штыковую атаку. И оба раза фашисты бежали, не принимая бой.

Чтобы сбросить десант противника в море, командование Береговой обороны послало на грузовиках с ост-

рова Сааремаа по дамбе на Муху подкрепление, направило также туда и несколько оставшихся катеров МО. Вражеские самолеты обнаружили подходящие машины. Им удалось рассеять подкрепление, а машины сжечь. Два посланных катера МО на переходе потопила вражеская авиация. Последняя ниточка, связывающая Муху с Сааремаа, — Ориссарская дамба непрерывно находилась под обстрелом.

Подошел вечер, наступили сумерки. С Сааремаа стали прибывать новые отряды красноармейцев и краснофлотцев. Утром на Муху вновь разгорелись ожесточенные бои. В боевых донесениях неоднократно упоминается рота моряков. Мужественно сражались с врагом пулеметчики 46-го стрелкового полка.

Интересный эпизод рассказал офицер штаба 3-й отдельной стрелковой бригады Иван Яковлевич Двойных. Чтобы направлять огонь артиллерии, нужны были корректировочные посты. А их на Муху на хватало. Один из них расположился близ штаба полковника Ключникова в башне кирпичи. Она стояла на холме, и корректировщики заняли очень удобную позицию. Фашистские летчики скоро заметили их. Артиллерийские батареи открыли по кирпичи огонь, бомбардировщики рядом сбрасывали бомбы. Ничего не помогало. Наблюдатели были как заколдованные.

На второй день фашисты послали истребители. На бреющем полете они обстреляли кирпичи и подожгли ее. Дым от пожара закрывал от наблюдателей остров, слепил глаза, но корректировщики не спешили уходить. Они знали, как важны для всего гарнизона их целеуказания. Лишь когда огонь охватил все строение, два смельчака решили покинуть башню. Но только один из них успел спуститься. Второй артиллерист хотел вынести приборы, замешкался и погиб под обвалившейся кровлей.

Фашистские войска, устилая остров трупами, медленно продвигались. Сорвался их план обойти советские позиции с северо-запада, прорваться к Ориссарской дамбе и отрезать защитников Муху. Не имея сил задержать противника, советское командование приняло решение отводить войска с острова Муху на Сааремаа.

Дорогой ценой достался фашистам остров. В служебном дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Гальдера

записано, что только за первый день высадки на Муху из 90 сосредоточенных в этом районе специальных десантных судов фашисты потеряли 50 штурмовых ботов. Большие потери понесли и сами десантники.

Глава VII

ПОДВИГ 43-й БАТАРЕИ

В это же самое время на полуострове Кюбассари готовились к боям. Командир береговой батареи старший лейтенант Букоткин отпустил отдыхать вконец измученного дежурного, а сам остался у телефона. Командир чувствовал: назревали большие события. Уже рассветло, когда настойчивый телефонный звонок прогнал дремоту. В трубке раздалось:

— Оперативный, слушай. Один самолет другой на веревке тащит. Давай тревогу, пожалуйста.

Букоткин по голосу узнал татарина Тазлукова. Его пулеметный пост находился на восточном мысу полуострова.

Утро вставало хмурое. Противоположный берег Моонзунда затянуло мглой. Сквозь легкую дымку вдоль полуострова Кюбассари шли самолеты. А за ними, казалось, следовали их тени. Присмотревшись, командир понял, что это планеры. Сосчитал: семь штук, на крыльях хорошо заметны черные кресты.

«К нам», — безошибочно определил Букоткин. Замысел врага стал ему ясен. Не добившись уничтожения батареи бомбежкой, фашисты решили высадить на Кюбассари планерный десант.

— Боевая тревога! — приказал старший лейтенант.

На севере в нескольких километрах от огневой позиции батареи артиллеристы заблаговременно подготовили оборонительный рубеж. Пересекая наиболее узкое место полуострова Кюбассари, от воды и до воды протянулось проволочное заграждение в три кола. Подходы к нему саперы лейтенанта Г. В. Кабака заминировали. На холмах построили несколько дзотов. У артиллеристов такой рубеж назывался сухопутной обороной.

В случае угрозы с суши сюда от батарейцев направлялся пулеметный взвод старшины Чурова. Командо-

вать сухопутной обороной должен был помощник командира батареи лейтенант Смирнов. Но его отправили на Муху. Кого послать на перешеек? Букоткин не удивился, когда к нему подошел старший политрук Карпенко. Высокий, слегка сутулящийся, Григорий Андреевич был очень требовательным и строгим.

— Василий Георгиевич, на перешеек со взводом пойду я.

Карпенко когда-то кончил строевое училище. Он хорошо знал тактику, еще лучше — своих людей. Букоткин крепко пожал ему руку.

Пока взвод грузился на машину, загрохотал мотор мотоцикла политрука. «Индиану» хорошо знали на батарее. Сколько раз старенький мотоцикл из-за порчи мотора останавливался на дороге, и его на Кюбассари привозили на машине.

— Божко! — крикнул Карпенко одному из батарейцев. — Со мной на багажник.

Обогнув полуостров, пошли на посадку вражеские планеры. Вскоре с перешейка послышались пулеметные очереди и торопливый треск автоматов. Букоткин с удовлетворением подумал, что батарейцы успели занять оборону.

Между тем положение на батарее усложнялось. Возвращавшегося от опушки леса Букоткина встретил запыхавшийся командир огневого взвода младший лейтенант А. З. Кухарь.

— Товарищ командир, сигнальщик Березин доложил: с моря к полуострову идут катера и шхуны.

В то время батарейцы еще не знали, что против них выделены специальные силы полка «Бранденбург», что авиации поставлена задача подавить эту «наиболее опасную береговую батарею», а комбинированному десанту с моря и воздуха приказано захватить Кюбассари и уничтожить советских артиллеристов.

С площадки, где расположен дальномер, хорошо видна серая поверхность залива. На таком расстоянии силуэты вражеских шхун и катеров кажутся маленькими и безобидными. Но в бинокль видно, как осели они под тяжестью десанта. Катера и шхуны шли тремя отрядами, в кильватер, потом на ходу перестроились и строем фронта двинулись к берегу. Их насчитали свыше двадцати.

— К бою! — пронеслось по батарее.

С вражеских катеров был хорошо виден пустынный берег. Уже можно различить желтые пятна деревьев, несколько сараев, заросли кустарника. Совсем мирная картина, если б не отдаленная канонада на севере у Муху да редкие разрывы бомб где-то за рошей.

Фашисты на катерах и шхунах уже подумывали, что у зеленого лесистого полуострова они не встретят серьезного сопротивления. Но когда вражеский десант приблизился, раздалась команда Букоткина:

— Огонь!

Дрогнули, закачались деревья от оружейных залпов, со свистом рассекая воздух, понеслись снаряды. Орудия под маскировочными сетями били прямой наводкой. С третьего залпа вырвавшийся вперед крупный немецкий катер задымил, потом на нем взвился и тотчас погас язык пламени. Раздался взрыв. Когда дым взрыва рассеялся, на волнах плавали одни обломки.

Батарея вела беглый огонь. Обнаружив по вспышкам замаскированные орудия, вражеская авиация обрушила на них бомбовый удар. Первую восьмерку бомбардировщиков сменила вторая. Скоро от близкого попадания бомбы вышла из строя рация. Струйки сизого дыма от начавшегося пожара поползли на командный пост. Вышка, на которой находился дальномер, где ниже была радиорубка и КП, загорелась. Букоткин перенес управление огнем на второе орудие. Еще две шхуны погрузились в воду, но десант не отворачивал.

Взметнув фонтан земли, около оружейного дворика разорвалась бомба. Упал сраженный командир орудия сержант Григорий Герасимов, тяжелое ранение в голову получил замковый Иванов. При новом взрыве, последовавшем через несколько секунд, Букоткин почувствовал, как какая-то сила швырнула его на оружейный щит, жарким дыханием опалила лицо. Он потерял сознание. Когда очнулся, санитарный инструктор Писков перевязывал ему раны. Место убитого командира орудия заменил матрос Демин. Батарея продолжала вести огонь по десанту. Позднее подсчитали: одиннадцать осколочных ранений получил командир батареи. Но когда матросы хотели отвести его в санчасть, он отстранил их:

— Подождите, бой еще не кончился.

Только после того как седьмой фашистский катер исчез в волнах Рижского залива, гитлеровцы не выдер-

жали, повернули обратно, волоча за собой хвост дымовой завесы. Вскоре вражеский десант растаял в надвинувшемся тумане.

Придерживая раненую руку, наскоро перебинтованную матросами, Букоткин спустился в землянку санчасти. Первым, что бросилось в глаза, был переполненный таз с окровавленной ватой и бинтами.

У военфельдшера, немолодого, торопливого человека, призванного из запаса, нос заострился, глаза лихорадочно блестели.

— Что с вами? — морщась от боли, спросил Букоткин, когда военфельдшер трясущимися руками снимал бинты. Тот ответил не сразу. И, глядя на его небритую щеку, командир батареи подумал: «Здесь работы хватает, как и на всей батарее».

— Раненых у нас полно, а фашист все бомбит и бомбит, — заговорил наконец медик.

— Ничего, выстоим. Из штаба сообщили, что на помощь батарее выслана велорота.

Медик продолжал говорить торопливо, не поднимая глаз. Букоткину показалось, что от него пахивало спиртом.

— Товарищ командир, кругом вода. Отсюда ног не унесешь.

Закравшегося сочувствия к этому человеку как не бывало. Старший лейтенант зло спросил:

— Струсил?

— Товарищ командир, — медик отворачивался, старался не смотреть, — вы меня не так поняли...

А в это время в тылу батареи продолжался ожесточенный бой. Батарейцы под командованием Карпенко уже отбили несколько атак гитлеровцев. Они подожгли опустившийся в камышах планер.

Букоткин отправился на перешеек, чтобы лично проверить, как идут дела на сухопутной обороне. Через амбразуру дзота, в котором находился политрук, командир видел проволочные заграждения, пересекавшие единственную дорогу, соединяющую батарейцев с Сааремаа, зеленые кусты можжевельника. Над темной изгородью из плитняка, за которой укрылись гитлеровцы, вставали редкие дымки выстрелов.

В дзоте пулеметчики, готовясь к отражению новой атаки, набивали ленту. Вошедшему командиру батареи Карпенко скупо доложил:

— Отбили четыре атаки. Потери противника — до 20 убитых и приблизительно столько же раненых. У нас пять ранено. А как положение на батарее?

— Личный состав отлично дерется, Григорий Андреевич. Штаб сообщил, что на помощь выслана рота велосипедистов. Только раньше ночи их не жди — авиация мешает.

— Мы продержимся, — уверенно сказал политрук.

В дзоте раздался телефонный звонок. Оперативный дежурный докладывал, что в видимости батареи вновь показались вражеские транспорты. На этот раз они шли в сопровождении миноносцев. Обстановка снова обострялась. Букоткин заторопился обратно на батарею. Комиссар предложил ему свой мотоцикл.

— Возьми мою «Индиану». А я с тобой отправлю одного легко раненого. Пусть санчасть навестит да и тебя поддержит, если голова закружится.

— Кстати, Григорий Андреевич, не нравится мне наш медик. И разговоры у него какие-то нездоровые.

Густые брови Карпенко сошлись у переносицы, глаза зло блеснули.

— Давно я это за ним замечаю.

День разгуливался. На четко очерченной линии горизонта, словно вырезанные из жести, виднелись четыре дымящих транспорта. За ними на буксире тянулись катера и шлюпки. Еще дальше, едва различимые, держались четыре эскадренных миноносца.

Снова на батарее раздался сигнал боевой тревоги. Огневой взвод, понесший потери утром, пополнили за счет хозяйственников и прожектористов, и он приготовился к бою. Тихо над батареей. Лишь шумит в верхушках деревьев ветер, полощет обрывками маскировочных сетей над пушками. Можно подумать, что после усиленной бомбежки с воздуха батарея выведена из строя.

В тылу на перешейке перестрелка тоже затихла. Экономили ли фашистские десантники патроны или ждали сигнала, чтобы предпринять совместную атаку с моря и суши?

Транспорты приближались. Эскадренные миноносцы тоже подошли ближе. Еще несколько минут, и батарея сможет вести по ним огонь. Лестно в бою потопить миноносец, но не они главная цель. Нельзя допустить высадку десанта на Кюбассари, значит, стрелять нужно по транспортам.

На вражеских кораблях замелькали вспышки. Начался обстрел батареи. Букоткин не отнимал от глаз бинокля, следя за противником, когда прибежал кок Оливер Дубровский:

— Товарищ командир, Яценко принял радиogramму открытым текстом: «Кюбассари свободен».

— Спасибо, Дубровский. Идите на свое место. Сейчас мы их встретим.

Вражеские снаряды рвались в воде. Частые столбы, встающие в окулярах бинокля, подчас скрывали приближающиеся транспорты. Букоткин внимательно следил за ними. После уничтожения дальномера командиру стало трудней определить расстояние. Вот передний транспорт застопорил ход, к нему подошли катера и шлюпки, началась пересадка десантников. Видимо, фашисты считали, что батарея действительно подавлена.

Букоткин сообщил в штаб: «Вновь вступил в бой с морским десантом противника».

И тут же подал команду:

— К бою! По головному транспорту... огонь!

Желтым пламенем полыхнул залп сорок третьей. Внеся необходимую поправку, Букоткин приказал батарее вести огонь на поражение. Фонтаны воды вздымались у транспорта. В грохоте выстрелов артиллеристы не заметили, как снова над полуостровом появились фашистские бомбардировщики. Опять на батарею обрушились вражеские бомбы. Роца, в которой стояли орудия, вздрагивала от взрывов. Над ней непрерывно клубилась пыль, но огня батарея не прекращала. В разгар боя в нише орудийного дворика вспыхнул пожар. Огонь перекинулся на ящики с зарядами. Под пулеметным огнем истребителей ленинградский паренек краснофлотец Василий Травкин бросился в нишу, огнетушителем и собственной шинелью быстро погасил пожар.

Отличился в этом бою и расчет пулеметчика краснофлотца Тазлукова. Он находился в дзоте на мысу. По доносившимся выстрелам с перешейка и непрерывавшейся бомбежке моряки-пулеметчики догадывались, что происходит на батарее. Тазлуков предложил вести огонь по фашистским самолетам, которые над дзотом ложились на боевой курс, товарищи его с готовностью поддержали. Моряки вынесли пулемет, установили на перекрытие дзота и встретили передний вражеский самолет длинной очередью в лоб. Или прицел был неве-

рен, или очень волновался пулеметчик, но самолет, ревя моторами, прошел над ними так, словно внизу никого и не было. Только жарким пламенем полыхнули на опушке роши два новых разрыва бомб.

Тазуков вытер вспотевший лоб. Посоветовавшись, пулеметчики изменили прицел: навыка в зенитной стрельбе ни у кого из них не было.

Когда они обстреляли следующий самолет, на посту раздалось нестройное «ура». Запылавший вражеский бомбардировщик резко изменил курс, крылом вспахал воду и исчез в заливе.

— Налетался, гад фашист, — сказал ему вслед Тазуков и достал новую ленту.

Дорого обошлась фашистам вторая попытка высадить десант на Кюбассари. К семи потопленным в утреннем бою катерам и шхунам прибавились еще два транспорта и пять катеров, погрузившихся в воды Рижского залива.

Когда сгустились сумерки, батареи на перешейке вместе с подошедшим подкреплением атаковали десантников с планеров, загнали их в камыши*.

Скоро из Курессаре за ранеными прибыли на батарею машины. Букоткин не хотел оставлять товарищей, но от потери крови ему стало плохо, и комендант Береговой обороны приказал командиру немедленно следовать в госпиталь.

В командование батарей вступил командир взвода управления лейтенант И. С. Мельниченко.

Хотя артиллеристы 43-й вышли из боя победителями, обстановка оставалась серьезной. Рассеянные в камышах десантники представляли для батареи неприятное соседство. Ночью вылавливать их вышел специальный отряд. Руководил действиями в камышах командир пулеметного взвода Чуров, человек, неоднократно ходивший на ночные поиски шпионов и диверсантов.

На батарею артиллеристы вернулись лишь под утро, выполнив боевое задание. Пришли они с трофейными автоматами и флягами, полными рома. Рассказывали, что не только перебили фашистов, но и подорвали планеры,

* В 1960 году в Западной Германии вышла книга участника боев на Моонзунде Вальтера Мельцера «Борьба за Балтийские острова в 1917—1941—1944 гг.» Говоря о комбинированных действиях в этом районе, он писал: «Операция, предпринятая против береговой батареи Кюбассари, была ошибкой и закончилась полной неудачей».

на фюзеляжах которых были нарисованы носороги и тигры. Говорили, что с этих планеров высаживался немецкий десант на остров Крит.

В числе отличившихся в ночном бою в камышах называли артиллериста Грузина, сигнальщика Березина, младшего сержанта Логунова.

Через три дня о бое на Кюбассари генерал-майор Елисеев радиogramмой доносил в штаб Краснознаменного Балтийского флота: «В героической борьбе с противником особенно отличилась береговая батарея № 43. Выдержала штурм с моря и воздуха... Эту часть ходатайствую наградить орденом «Красное Знамя».

На следующее утро хоронили погибших. Батарейцы собрались у землянки санчасти. На земле белели свежими досками двенадцать гробов. Молчали.

— Прощайте, дорогие товарищи, — нарушил тишину политрук Карпенко, — вы отдали свои жизни за Родину, за правду, за светлую победу. — Он передохнул и, возвысив голос, неожиданно добавил по-украински: — За дило партии мы вси попремо...

Батарейцы знали, только сильно волнуясь, Григорий Андреевич переходил на родной украинский язык.

Карпенко махнул рукой. Нестройный винтовочный залп рванул воздух. Еще больше ссутулившись, тяжело ступая, с непокрытой головой, политрук направился к раненым.

14 сентября 1941 года фашистам не удалось высадиться на полуострове Кюбассари. Зато в тот же день, используя до 400 малых судов — шхун, баркасов, штурмовых ботов, — крупные силы противника ценой огромных потерь захватили небольшой плацдарм на острове Муху. А еще через три дня после ожесточенных боев фашисты форсировали мелководный пролив Вяйке-Вяйн между Муху и Сааремаа и начали наступление на остров в трех направлениях: на Триги, Курессаре и полуостров Кюбассари. Снова 43-я батарея оказалась отрезанной от своих частей.

За эти несколько дней на батарею было сброшено до 500 бомб. Таяли ряды защитников полуострова. Теперь по ночам больше не делали гробов, а хоронили погибших в братской могиле недалеко от маяка. Подходил к концу боезапас. Однако днем, когда после обстрела и новой бомбежки фашисты попытались захватить ба-

тарею, они вновь получили достойный отпор. Артиллеристы вместе с армейской ротой лейтенанта Александра Голяны, отступившей от Ориссаре на полуостров, сожгли три вражеские бронемашины и отбросили противника.

Подошел вечер. За лесом, где-то в стороне бухты Кейгусте, вражеские пикировщики сбрасывали бомбы. Было хорошо видно: в лучах солнца сверкнет белым холодным огнем маленький самолет, потом упругие клубы дыма и облака пыли взметнутся над деревьями, чуть вздрогнет земля от удара.

А над полуостровом Кюбассари установилась тишина. Отброшенные от перешейка вражеские части больше не предпринимали атак.

Старший политрук Карпенко приказал собрать оставшийся личный состав у развалин казармы.

17 сентября на 43-й батарее с утра царило оживление. Над баней, топившейся по-черному, валил дым, но, как ни странно, на этот раз он не привлекал внимания вражеской авиации. Тяжело гудя, самолеты проплывали на юг к Курессаре и где-то там сбрасывали бомбы. Видимо, фашисты решили ждать, когда отрезанные на полуострове советские артиллеристы сами поднимут белый флаг.

Воду для бани по очереди таскали из колодца. Тут же под дубом батарейный парикмахер брил всех желающих. Распаренные, помолодевшие, уходили моряки и пехотинцы на сухопутную оборону сменить товарищей.

— Эй, Петро, бельишко приготовил?

— Для бани, что ли?

— Само собой. Только не знаю, для которой — дневной или ночной? Знаешь, когда русский человек белье чистое надевает?

— Не каркай, Гришка, типун тебе на язык!

Карпенко собрал коммунистов. Внимательно осмотрел каждого.

— Савельев где?

— Убит утром во время бомбежки.

— Слушайте внимательно, товарищи. Из штаба получена радиограмма: «Расстрелять весь боезапас и действовать, как указано». Значит, сегодня ночью мы пойдем на прорыв. Немцы, видимо, не ожидают этого. Командование приказало прорваться на Сырве. Если что с нами случится, враг не должен воспользоваться пар-

тийными документами. Поэтому партбилеты всем уничтожить. Останемся живыми — партия поверит нам, скажет, что мы поступили по-партийному. Ясно, товарищи?

Эх, политрук, политрук, каково тебе сказать такое? А каково коммунистам выполнить?

В ранних осенних сумерках у развалин казармы собрались защитники Кюбассари. У многих в темноте белеют повязки. А пятен крови на шинелях и не различишь — темно. Батарейный писарь Осадченко, лучший чечеточник на вечерах самодеятельности, пристроившись на пустом патронном ящике, вертит в руках новенький костыль.

Пожалуй, кроме бойцов, оставшихся с Мельниченко на сухопутной обороне, да лежачих раненых, — все в сборе. Хотя нет, надо срочно вызвать медика. Отправить раненых на лодках будет не так-то просто.

— Срочно фельдшера сюда. Пусть за ранеными пока присмотрит санинструктор.

— Уже пошли за ним.

Батарейцы не выпускали из рук оружия. Карпенко заговорил:

— Положение на батарее нелегкое. Боеприпасы на исходе. Фашисты отошли от перешейка и стали окапываться.

Политрук оглядел усталые, сосредоточенные лица артиллеристов и вдруг заметил бежавшего старшину. Придерживая на груди автомат, тот перепрыгивал через воронки от снарядов. Карпенко понял: что-то случилось. Почувствовали это и окружающие. Стало совсем тихо. Лишь где-то у маяка совсем по-мирному лениво брехала собака, словно не было никакой войны.

Подбежав вплотную к Карпенко, старшина негромко начал:

— Фельдшер бросил раненых. Заперся у себя. Выходить отказывается.

На бледных щеках политрука проступил румянец.

— Громче! Пусть все слышат.

Спокойного, медлительного старшину словно подменили:

— Фельдшер заперся в своей землянке. Говорит — немцы цивилизованные люди. Кого с оружием не возьмут, того не тронут. Его призвали, он беспартийный.

— Ах, поскуда!

— Старшина, а разве твой автомат без патронов? — крикнул кто-то.

— Шура, — вскочил похожий на цыгана комсорг Иван Божко, — о плене мечтает.

— Тихо, товарищи! — возвысил голос Карпенко. — Прекратить базар! Предатель и трус получит по заслугам. А сейчас по приказанию штаба Береговой обороны всем готовиться к прорыву.

Позднее среди балтийцев ходил рассказ, что в тот же день в сумерках молодая эстонская женщина Мария Кааль, минуя вражеские заслоны, на лодке пробралась на батарею. Ее отец, старый эстонский рыбак Василий Алексеевич, прислал дочь, чтобы сообщить артиллеристам, где расположены вражеские засады.

К вечеру с севера напоззли тучи и начал моросить дождь. Быстро стемнело. Батарейцы молча простились с убитыми товарищами. У развалин казармы зарыли железный ящик с нехитрой документацией батареи и деньгами. Попрощались с группой, оставшейся взрывать орудия, и теми, кого отправляли в госпиталь на рыбацких лодках. Двух лодок даже для поредевшего личного состава батареи было слишком мало.

Карпенко с карабином на плече еще раз обошел батарею. У землянки, где размещалась санчасть, брезгливо поморщился, увидев распростертый труп фельдшера.

В вершинах деревьев шумел ветер. Когда он замирал, было слышно, как монотонно шуршал дождь в листве. Выслав вперед охранение, батарейцы шли осторожно, ожидая внезапного нападения. Темень, чавканье грязи под ногами, напряженная тишина, готовая ежеминутно встретить прорывающихся огнем.

Рядом с политруком шагал комсорг Иван Божко. Ступал он легко, крадучись, словно не было за плечами тяжелого вещевого мешка с патронами. Когда впереди неожиданно залаяла собака, чавканье грязи, как по команде, прекратилось. Словно услыша чужих, собака лаяла злобно и надсадно. «Выдала, проклятая», — подумал Карпенко, сжимая ложу карабина. Но раздались немецкие голоса, короткая очередь, собака несколько раз взвизгнула и смолкла. Фашисты сами прикончили надоевшую им собаку.

И снова темень, осторожные шаги, шум дождя и грязь под ногами. Охранению удалось незамеченным по-

дойти к пулемету, установленному посреди дороги. Однако здесь их обнаружили. Прогремел выстрел, показавшийся неожиданно громким. Вместе с ним в темное небо взлетела ракета. Карпенко увидел рядом бледное от света лицо комсорга. Тот держал винтовку наперевес и изменившимся голосом крикнул:

— Вперед, за мной!

Раздались новые выстрелы. Батарейцы кинулись вперед. Политрук перепрыгнул через окоп. Кажется, он был пустой. Едва не потерял равновесия, скользнув по липкой грязи.

Ракета быстро опускалась. Черные тени от раскидистых деревьев стремительно неслись навстречу прорывающимся, обещая помочь, укрыть, спасти. Справа совсем близко показались темные фигуры. Оранжевой вспышкой раскололась граната. Комсорг обогнал Карпенко. Он бежал навстречу вражеским солдатам. Политрук видел, как на бегу комсорг ловко сделал выпад винтовкой, и фашист со стоном повалился. К Карпенко бросились сразу трое. Почти в упор он выстрелил. Кто-то со стороны налетел, тяжело дыша, вцепился в карабин, потянул к себе. Нет, не зря до прихода во флот старший политрук работал в кузнице трамвайного парка. Вот когда ему пригодилась сила бывшего молотобойца. Карпенко легко отшвырнул солдата в сторону, наотмашь прикладом ударил другого. Не оглядываясь, знал: больше не поднимутся.

Сзади слышались крики, стоны, треск ломаемых сучьев. Стреляли редко. В такой темноте легко было перебить и своих. В небо взвились еще две ракеты, но в лесу от них было мало проку. Прорвавшиеся батарейцы уходили все дальше от дороги. Противник их не преследовал: боялся напоротья на засаду.

Не все смогли прорваться к лесу. Раненые через кусты ползком пробирались к морю. Они не теряли надежды уйти на шлюпках. Но были и другие. Когда раздалась команда политрука: «Вперед!» — одинокая темная фигура отделилась от общего строя.

— Ты что, к фашистам попадешь!

— Будет с меня. Отвоевались... — зло ответил отделившийся.

— Значит, остаешься, Гришка?

— Иди войуй, а я свое кончил.

— Пули на тебя жалко, гад!

Скоро, отраженные в воде залива, заплясали на берегу языки пламени. Опасаясь нового нападения со стороны полуострова Кюбассари, фашисты зажгли сарай. На ветру пожар усилился. Утром запылали деревья на берегу. Решив, что батарея брошена, гитлеровцы бросились тушить лесной пожар. Тут вновь заговорила молчавшая 43-я. На ней ведь еще находились наши артиллеристы. Она выпускала последние снаряды. Там, где недавно копошились фигурки в зеленом, все заволокло дымом и пылью.

Командир огневого взвода Кухарь хотя и был молод, но успел получить боевое крещение. Недаром первой правительственной наградой, медалью «За боевые заслуги», он был награжден во время войны с белофиннами в отряде лыжников капитана Гранина.

Как вспоминает Андрей Зосимович, остались подрывать орудия старший сержант Василий Рубцов, дальномерщик Иван Павлов, бойцы Шилов, Рыжов и еще несколько артиллеристов. Балтийцы уложили тол на основаниях орудий, рядом рассыпали аммонит. Осталось поджечь бикфордовы шнуры, но туляк Рубцов неожиданно попросил:

— Стойте, товарищ младший лейтенант. Дозвольте проститься с пушкой.

Он обхватил толстый ствол, отвернулся от товарищей. Артиллеристы по очереди прощались с орудиями. В это время на сухопутной обороне началась стрельба, и младший лейтенант поджег шнур.

Однако тол не сдетонировал, взорвался только аммонит. Орудия были хорошо укреплены, поэтому от такого взрыва они не пострадали. Тогда в ствол, горячий от недавнего обстрела, насыпали песку, положили камни, крепко завернули дульную пробку.

Отправив товарищей в щель, вырытую на случай воздушных налетов, младший лейтенант Кухарь сам произвел последний выстрел. С воем понеслись над головой осколки. Когда пороховое облако рассеялось, все увидели исковерканные орудия с поникшими обрубками развороченных стволов. Батареи, которую пришлось самим строить, на которой служили, воевали, героической 43-й больше не существовало.

С моря от лесного пожара тянуло гарью. «Какой едкий дым от пожарища. От него режет глаза и першит

в горле». Младший лейтенант оглянулся на своих товарищей. По их лицам катились слезы.

И они не стыдились их.

18 сентября радисты на острове Хийумаа приняли радиограмму: «Окружены, батарею взорвали, отомстите за нас». По почерку безошибочно определили, откуда была послана радиограмма. Это была последняя весточка с 43-й.

Забрав замки орудий, семь батарейцев отошли к маяку Кюбассари. Там со шлюпками их ждал краснофлотец Демин. Карпенко поручил ему уничтожить маячную аппаратуру и отходить вместе с группой Кухаря.

Демин рассказал, что от маяка в направлении на Кюрессаре ушли несколько рыбацких лодок, на которых были раненные батарейцы. С ними отправилась часть сигнальщиков с поста СНиС.

Пройти на рыбацкой лодке 30—40 миль вдоль берега, большая часть которого занята противником, задача не из легких. Но другого выхода не было. Решили идти только ночью, а днем укрываться на берегу. Иначе вражеская авиация расстреляет людей на переходе.

В море вышли в сумерки. Было туманно, шел дождь. Не было даже шлюпочного компаса. Кто-то предложил двигаться вдоль берега, чтобы не потерять ориентировку. Так и сделали. Вот когда артиллеристы убедились, что Моонзундский архипелаг состоит из тысячи островов. Лодка то налетала на камни, то выскакивала на мель, то приходилось обходить какие-то островки, о существовании которых никто из них раньше не подозревал. Когда на рассвете выбившиеся из сил, промокшие батарейцы вышли на берег, они увидели вдали черно-белую башню маяка. Это был Кюбассари. За ночь прошли всего километров пятнадцать.

День батарейцы провели в сарае, видели, как фашисты и эстонские националисты прочесывают кусты, вылавливая защитников острова. Но к их сараю они не подошли, видимо, проверили его накануне. Наступили сумерки. Поднялся ветер. Море заштормило. Дальнейший путь единодушно решили продолжать по острову. Двигались ночами, днем прятались в сене. За продуктами заходили на хутора. Видимо, это и погубило их. Батарейцев обнаружили. Они приняли бой. Несколько раненых оказались в плену.

Позднее жители Кюбассари рассказывали, что гитле-

ровцы на полуострове долго не задержались. А когда фашисты ушли, близ сожженного дома семьи Қаалей осталось девять трупов. Они были в матросской и красноармейской форме.

Восемь расстрелянных лежали головами к морю, и только девятый, с простертыми руками, тянулся к дороге, где в грязи остались автоматные гильзы. Он словно молил о чем-то палачей.

Что, Гришка, далеко ты прополз на брюхе?

Глава VIII

БОИ НА ПОЛУОСТРОВЕ СЫРВЕ

В ту ночь, когда начался отвод наших войск с Муху на Сааремаа, группа старшины Григория Андреевича Егорычева заканчивала минирование дамбы. Чтобы преградить путь противнику, мощные фугасы заложили в трех местах. Подорвать дамбу старшина должен лишь после того, как дадут зеленую ракету.

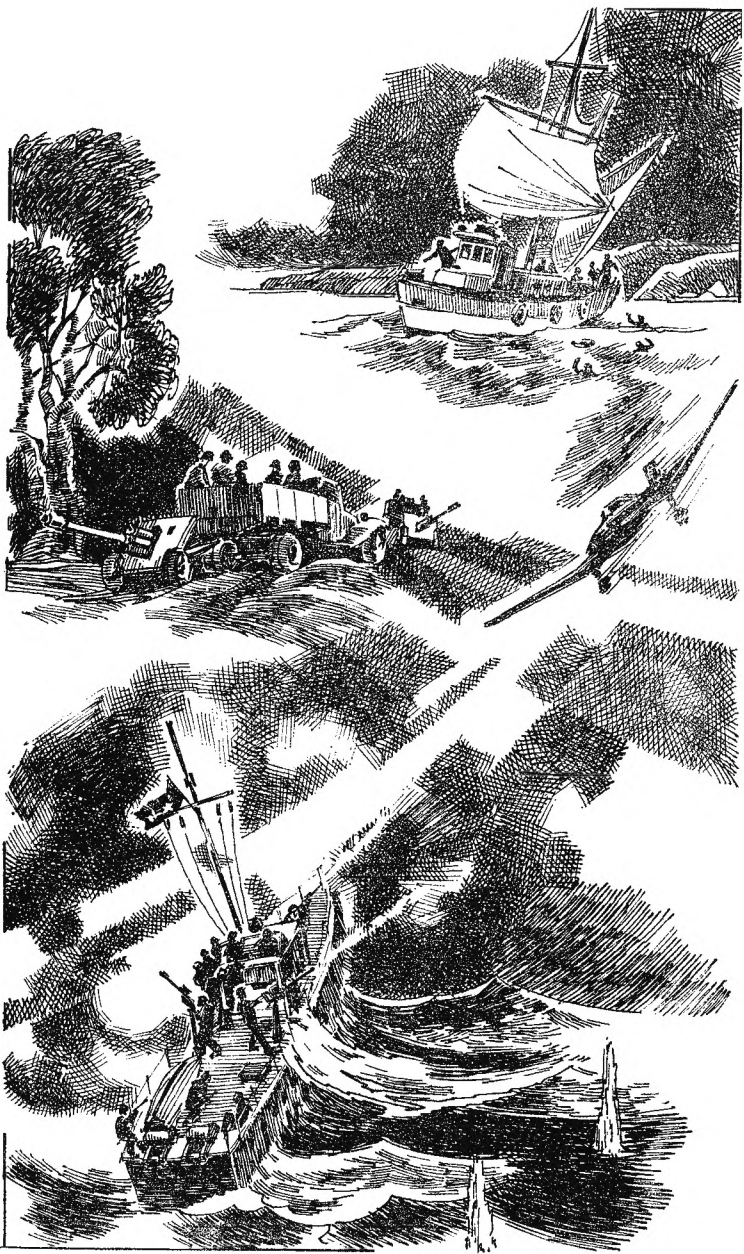
Не до сна было в ту ненастную ночь защитникам ориссарской позиции. Бой приблизился к берегу. Проходили по дамбе поредевшие в непрерывных трехдневных боях роты. В ночной темноте белели повязки раненых. Только перед рассветом дамба опустела. В это время звуки боя донеслись откуда-то с севера, с Сааремаа.

Старшина Егорычев у дота на берегу с нетерпением ожидал сигнала.

Вскоре над темной стеной леса в Сааремаа поднялась зеленая ракета. Один за другим прогремели взрывы. Клубы пыли поднялись над дамбой, и, как бы дожидаясь этого, на севере, в тылу ориссарской позиции, вновь заговорили умолкнувшие было минометы и орудия.

Утром на берегу появились первые вражеские солдаты. Их встретил меткий огонь советских воинов. Ни бомбежки, ни артиллерийский обстрел не могли сломить стойкости защитников в районе Ориссаре. В этих боях особенно отважно действовали 85-я флотская рота и саперы старшины Егорычева.

17 сентября фашистские части вброд перешли мелководный пролив Вяйке-Вяйн и захватили плацдарм на

Сааремаа. За день при поддержке авиации им удалось сосредоточить на захваченном плацдарме значительные силы.

Командование БОБР, убедившись, что наступающих на широком фронте фашистов не задержать, приняло решение отходить на юго-запад. Там, на узком полуострове Сырве длиной около 30 километров, под руководством начальника инженерной службы майора С. С. Навагина заблаговременно были созданы оборонительные позиции.

Тяжело приходилось островному советскому гарнизону, но они знали: каждый день обороны здесь, на островах, облегчал положение под Ленинградом. Об этом говорили специальные радиопередачи из города на Неве, адресованные моонзундцам.

В эти трудные дни на Сааремаа вновь забил родник смекалки и находчивости. Не хватало артиллерии — защитники острова делали у дорог камнеметы. Они должны были поражать врага не только силой взрыва фугаса, но и камнями, положенными на него. Не было танков — в танки превращали обычные гусеничные тракторы. Вместо мин замедленного действия применяли подвешенные к деревьям осколочные авиабомбы.

Для маневра силами по предложению начальника вооружения воентехника 1-го ранга А. О. Лейбовича создали подвижную артиллерийскую батарею: в кузовах автомашин установили найденные на складе 45-миллиметровые пушки.

Эта батарея, усиленная спаренными пулеметами, могла немногочисленным зенитчикам бороться с воздушным противником, а после высадки вражеского десанта участвовала в боях под Ориссаре, расстреливая фашистов прямой наводкой.

Враги быстро наращивали силы на Сааремаа. Они начали наступление вдоль северного побережья — на Триги-Памману, в центре — на город Курессаре и вдоль южного побережья — на бухту Кейгусте. Части гарнизона, ведя бой с крупными силами противника, вынуждены были отходить на юго-запад, к полуострову Сырве.

Подразделения 46-го стрелкового полка, которым командовал майор А. С. Марголин, располагались на северном побережье Сааремаа. Двое суток в районе бухты Триги сдерживали красноармейцы наступающую

группировку противника. Флотские береговые батареи поддерживали обороняющихся огнем. Артиллеристы-корректировщики находились в окопах вместе с пехотинцами, и не раз им тоже приходилось браться за винтовки, отбивая очередную атаку гитлеровцев.

В уже упоминавшейся книге В. Мельцера подчеркивалось: «Особенно сильное сопротивление противника пришлось преодолеть на южном берегу бухты Триги».

19 сентября начальник штаба 3-й отдельной стрелковой бригады полковник Виктор Матвеевич Пименов сообщил майору Марголину о том, что гарнизон Сааремаа отходит для дальнейшей борьбы на полуостров Сырве. Передовым подразделениям 46-го полка ставилась задача задержать наступление северной группировки фашистов, чтобы дать возможность организованно отвести войска на юго-запад.

И все-таки, несмотря на героизм оборонявшихся, ряды которых пополнили моряки из бухты Триги и с береговых батарей, полк отходил. Отходил, имея значительные потери, без связи, не зная обстановки на соседних участках. Уничтожив военный городок у озера Куруярви, созданный своими руками, отступали на Кихельконну.

Звуки боя доносились с юга, а где-то впереди, куда ушли роты и куда ехал командир полка, тоже раздавалась редкая стрельба. Марголин знал, что сутки назад, стремясь отрезать дорогу для отхода на юг, в районе Мустьялы фашисты сбросили парашютный десант. Все 150 парашютистов приземлились в расположении 39-го артиллерийского полка и вскоре были уничтожены. Но это было сутки назад. Отсутствие связи больше всего беспокоило майора Марголина. Утром он отправил велосипедиста, надеясь определить, где находятся соседи справа, но красноармеец обратно не вернулся.

За поворотом дороги показалась машина. Это был камуфлированный автобус в желто-зеленых пятнах. Задними колесами он съехал в кювет. Дверца кабины распахнута.

«Наш клубный», — узнал Марголин. Машина командира полка подкатила поближе, и майор увидел, что кабина пуста, а смотровое стекло прошито двумя перекрещивающимися очередями. Пулевые пробоины напоминали головки заклепок с аккуратными краями в паутине мелких трещин.

На подножке темнела кровь. Такое же пятно было и у переднего колеса на дороге. Тут же поблескивали стреляные гильзы, еще не присыпанные пылью. Гильз было много. Видимо, шофер стрелял из ручного пулемета.

Пробитый корпус автобуса в нескольких местах топорщился щепками. Но большой красочный плакат на нем сохранился: красноармеец штыком прокалывал удава со свастикой. Осенний ветер шевелил бумагу. От этого движения штык колебался, а змея корчилась, будто ей и в самом деле было больно.

Боец! Настало время драться!
Вопрос теперь решается свинцом.
Точней стреляй! Учись маскироваться!
Будь стойким, верным Родине бойцом!

Майор прикрыл усталые веки и хорошо представил себе, что произошло на этой дороге. Ему показалось даже, что он слышит знакомый голос, нараспев читающий свои стихи. Это красноармеец Георгий Ладонщиков, их полковой поэт:

Перед тобой теперь одна задача:
(Других путей уже не может быть)
Громить врага везде. А это значит:
Во что бы то ни стало — победить!

Шофер объехал на дороге трупы двух гитлеровцев, притормозил у канавы: там без движения лежали еще трое.

— А вон и еще один, — указал на придорожные кусты шофер.

— Неплохая «премьера» для наших артистов!

Командир полка почувствовал гордость за красноармейцев его полка. Пожалуй, прав был комиссар, уделяя много внимания клубу. Теперь он сам убедился: музыканты и певцы не только успешно выступали на сцене, но и умело действовали винтовками и гранатами.

От опушки леса, размахивая револьвером, бежал человек.

— Стойте, стойте!

Майор поставил автомат на предохранитель. Но чем это так взволнован командир роты связи?

— Немцы перерезали дорогу. С минуты на минуту их танкетки выйдут сюда!

Взвизгив пыль, помчалась назад машина. Надо скорее предупредить командира роты, которая прикрывает отход полка, о появлении противника.

Отойдя за каменный барьер, командир полка видел, как несколько раз подбросило машину у штабного автобуса. Он представил трупы в серо-зеленых мундирах на дороге. объезжать их уже не было времени.

Вместе с командиром роты связи Марголин отходил все глубже в лес. В мозгу складывался новый план прорыва с оставшимися людьми. А за сосняком уже лягзали гусеницы вражеских танкеток, и пули срезали ветки с деревьев, да где-то далеко рвались снаряды. Это расстреливали боезапас по наступающим береговые батареи. Тяжелые снаряды крушили сосны и ели, разметывали щебень шоссе.

317-я береговая башенная батарея старшего лейтенанта Дзофера Османова на мысу Ниназе прикрывала подходы к бухтам Тагалахт и Кюдемалахт, где в 1917 году войска кайзера тоже высаживались на остров Эзель (Сааремаа).

Но теперь, в 1941 году, враги пришли не с моря, а с суши, зайдя в тыл батарее. Пока фашисты были в секторе обстрела, советские артиллеристы вели по ним огонь. Но когда гитлеровцы приблизились и вошли в мертвую зону, дальнобойные орудия оказались бесполезными.

Старшина взвода связи Андрей Николаевич Белов вспоминал, что гитлеровцев встретили огнем винтовок и пулеметов краснофлотцы хозяйственного взвода под командованием интенданта Пискуна, рабочие механической мастерской, краснофлотцы воентехника Серебрякова.

До темноты в районе батареи шел бой. К вечеру фашисты отошли, но сил преследовать противника у защитников батареи не было. Утром атаки возобновились. Артиллеристы уничтожили всю документацию, взорвали орудия и командный пункт, отошли в лес на мыс Ниназе.

Высланная разведка донесла, что все пути отхода на юг отрезаны, без боя на полуостров Сырве не прорваться. Отвлечь внимание фашистов решил командир взвода наблюдения и связи лейтенант Попов. С ним пошли

старшина Николай Лисин, пулеметчик Дмитрий Кочнев и радист Алексей Воропаев.

Через час с юга послышались пулеметные очереди. Видимо, фашисты не ожидали этого. Они ответили беспорядочным огнем. И долго еще на берегу рвались мины и снаряды. Маневр удался, батареи прорвались к своим.

Но это было лишь начало пути к полуострову Сырве. В ежедневных стычках с противником редела группа. Лишь немногим, в том числе и Дмитрию Кочневу, удалось прорваться к своим. От него-то товарищи и узнали, что лейтенант Попов погиб в бою, Лисину осколком оторвало руку, Воропаев был тяжело ранен. Здесь же стало известно, что раненого Пискуна фашисты захватили в плен, а Серебрякову с другой группой артиллеристов все-таки удалось прорваться в лес.

Встретив сильное сопротивление в районе ориссарских позиций, фашисты решили в тыл обороняющимся советским частям высадить морской десант. Местом высадки они выбрали бухту Кейгусте, близ которой проходила шоссейная дорога на Курессаре. Корабли артиллерийской поддержки должны были подавить береговую батарею № 1 старшего лейтенанта Евгения Павловича Будаева, установленную в этом районе.

Когда фашисты приблизились, помощник командира батареи младший лейтенант Соловьев настолько удачно скорректировал огонь, что с первых залпов были отмечены попадания.

Потеряв несколько шхун, большое количество катеров и лодок с десантом, фашисты отказались от высадки с моря. Им на помощь пришла авиация. Бомбы обрушились на 45-миллиметровую зенитную батарею № 515, которой командовал лейтенант Данилкин. Шесть вражеских пикирующих бомбардировщиков перепахали позиции батареи. Одно за другим выходили из строя орудия. Тяжелое ранение получил командир. Среди зенитчиков появились убитые.

Подавив 515-ю батарею, авиация принялась бомбить позиции береговых артиллеристов. От прямого попадания загорелся склад боеприпасов — длинная траншея близ орудий. Подойти к складу рискованно, а остаться без боеприпасов еще хуже.

Первым из укрытия выскочил командир батареи комсомолец Будаев. За ним бросились старшина Архангель-

ский, артиллерист Рыбкин, командир огневого взвода Видякин.

Через дым и пламя, под разрывами вражеских бомб выносили мужественные люди тяжелые ящики с боезапасом, которые ежеминутно могли взорваться. Пожар ликвидировать не удалось, зато часть боезапаса все-таки спасли. И он очень пригодился, этот боезапас.

Утром над батареей, пострадавшей от бомбежки, установилось необычное затишье. Пустынно было море, перестали кружиться самолеты. Только где-то у Ориссаре все еще гремело и ухало.

Артиллеристы восстановили одно из орудий. Когда они узнали, что фашисты скопились в районе Пейде, израненная батарея вновь заговорила.

Недолго оставалось пустынным небо над Кейгусте. Снова начались ожесточенные налеты. Во время одного из них вражеская бомба упала возле КП. Осколки бомбы раздробили ноги командиру батареи Будаеву.

У бухты стали собираться разрозненные подразделения от Ориссаре. Вот подошла стрелковая рота, прибыла группа краснофлотцев во главе с политруком. Они попытались преградить путь фашистам на юг. И опять несколько часов продолжался бой. Рассказывают, что кто-то из 515-й зенитной батареи (к сожалению, фамилию бойца до сих пор установить не удалось), когда кончился боезапас, вывез на грузовой машине единственную уцелевшую пушку.

Когда фашистские части прорвались к пирсу Кейгусте, группа советских бойцов на восточном берегу бухты оказалась отрезанной от своих. Неширокая водная полоса отделяла их от товарищей. Продолжая отстреливаться, они готовились к переправе на западный берег. На плотках и вплавь красноармейцы и моряки перешли через бухту к своим.

Хмурый осенний рассвет наступал медленно. Казалось, в такой день солнце раздумывало, стоит ли вообще вылезать из пухлых низких туч. И вот когда оно наконец решилось подняться и серая облачная пелена на востоке заалела, летчик заметил впереди выложенное светящееся Т — знак посадки.

Не первый год водил он самолеты. Не раз приходилось садиться в тайге и на размокших от дождей пло-

щадках, но на этот раз он волновался. Так далеко в тыл противника летчику не доводилось забираться. Еще бы! В четырехстах километрах на восток от островов остановился фронт. Да и остановился ли?

Земля шла навстречу машине, приближаясь с каждой минутой. В глаза бросились дома — несколько длинных казарм, здание поменьше. «Военный городок», — безошибочно определил летчик. Невысокий лес вокруг стоял полуголым, желтея лишь сохранившейся листвой дубков да лаская глаз упругими зелеными конусами елок.

Делая разворот, самолет прошел над маяком. Потом внизу под крылом поплыли волны Рижского залива. Штормило, и по темной воде тянулись белесые полосы пены. На самом берегу на круглых, словно вычерченных циркулем основаниях он увидел пушки, а когда колеса коснулись грунта и побежали по траве посадочной площадки, зоркие глаза летчика заметили у опушки леса замаскированные зенитные орудия.

Видимо, самолет ждали. Откуда-то вынырнули красноармейцы и побежали навстречу. Единственный пассажир в кожаном пальто спустился на землю, по-хозяйски оглянулся. В нескольких десятках метров от самолета среди кустов виднелась мокрая гряда валунов. Их свозили сюда, расчищая посадочную площадку. У опушки — несколько темных крестов, а дальше к морю — орудия.

В Ленинграде прибывший слышал о прославленной батарее капитана Александра Моисеевича Стебеля. Он снова с интересом взглянул на длинные стволы, устремленные к морю, и догадался: пушки деревянные. Вот поэтому они плохо замаскированы. Да и место выбрано открытое, на самом берегу. Для ложной батареи это удачно.

От городка на дороге показалась камуфлированная машина М-1. Полковник не спеша направился к ней.

На КП БОБР, вырытом в поросшем сосняком песчаном холме, собрались командиры. Здесь же был и прилетевший из штаба флота. Он прибыл специально, чтобы на месте ознакомиться с положением на Сааремаа.

Где-то в соседнем помещении погромыхивает движок. Звуки отдаленной канонады приглушенно доносятся через толстые перекрытия бревен. Перед полковником топографическая карта полуострова Сырве.

По своему очертанию полуостров несколько напоминает Камчатку. Правда, он значительно меньше, длиной всего тридцать километров. Южнее Сальме, в наиболее узкой части полуострова, воды Балтики от Рижского залива отделяет перешеек чуть более двух километров.

Докладывал обстановку начальник штаба БОБР майор Иван Петрович Шахалов. Он был заместителем подполковника Охотинского и после его гибели возглавил штаб.

На карте Сырве легко прикрыть ладонью. Но начальнику штаба хорошо известна эта узкая полоса земли, вдающаяся в море, с болотцами, с песчаными холмами, поросшая смешанным лесом. Создавая оборонительные рубежи на Сырве, он вместе с начальником инженерной службы облазил ее вдоль и поперек.

Поэтому и голос звучит уверенно:

— С высадкой вражеского десанта на остров Муху авиация противника особенно ожесточенно бомбардировала наши катера и шхуны в районах Триги, Кейгусте, Ромассар и из-за отсутствия зенитного прикрытия большую часть их потопила. Когда стало ясно, что удерживать в своих руках остров Муху нам не удастся, а эвакуировать гарнизон на Хийумаа нечем, комендант БОБР приказал форсировать подготовку оборонительных рубежей на полуострове Сырве.

После произведенной рекогносцировки предложения по защите свелись к следующему: оборонительные позиции необходимо создать в северной, наиболее узкой части полуострова.

На Сырве возводятся три основные оборонительные линии. Первая — по берегу реки севернее населенных пунктов Сальме-Мельдри. Вторая — в пяти-семи километрах южнее, по линии Ансекюля — мыза Лыу. Третья, главная позиция — еще на три-четыре километра южнее, в районе Каймри — Рахусте.

За короткий срок на полуострове вырыты стрелковые окопы и пулеметные гнезда. Установлены проволочные заграждения в три кола. На второй и третьей позициях поставлены надолбы. Подходы к ним заминированы. На восточном берегу начато сооружение противотанкового рва. Кроме ранее построенных на побережье дотов, создано тридцать три легких дзота, служащих защитой личному составу от пуль и осколков.

— Почему легких? — спросил полковник, изучая карту.

— В этом районе на глубине восьмидесяти сантиметров обнаруживаются грунтовые воды. Поэтому командование отказалось от дотов. К строительству оборонительных позиций привлекалось местное население. Сюда же были собраны 137 пулеметов и 32 орудия калибром от 37 до 76 миллиметров. В районе Рахусте на временном деревянном основании установлено 130-миллиметровое орудие, перевезенное с 25-й береговой батареи. Оно получило название 25-А батареи. Ведутся работы по снятию еще двух таких же пушек с острова Абурука. 22 сентября передовые части противника вышли в район Сальме. С тех пор на Сырве не прекращаются бои.

— Есть ли оборонительные позиции южнее линии Кайми — Рахусте?

— Сплошной обороны нет. Имеются отдельные узлы, главным образом на перекрестках дорог. Создана сухопутная оборона береговых батарей. Минирована часть побережья.

— Благодарю вас. Товарищ генерал, может быть, детали обороны мы уточним на местности?

Поглаживая седую бородку, поднялся комендант береговой обороны А. Б. Елисеев. За ним встали командиры. Слово дожидаясь этого, ухнула земля от близких разрывов.

— Тяжелая батарея противника?

— Нет, это стреляют стебелевцы. Видимо, снова к Сырве подошли фашистские корабли.

В то время как на КП проходило это совещание, рота старшего лейтенанта А. Г. Киселева после боя с вражескими автоматчиками отошла на оборонительный рубеж к Сальме. Красноармейцы вброд перешли неглубокий ручей, вышли к проволочным заграждениям. Какой-то старшина, выскочив из блиндажа, замахал им фуражкой:

— Стойте, дальше минировано.

Рота укрылась в орешнике в ожидании дальнейших приказаний. Красноармейцы чистили винтовки, поругивали куда-то запропастившегося старшину, обещавшего выдать харч сразу за три дня. Здесь-то и обнаружилось, что нет одного из командиров взвода — лейтенанта Василия Федоровича Куксенка. Кто-то из красноармейцев

сказал, что во время артиллерийской подготовки видел, как командир взвода пробежал в свою землянку, а потом в нее попал вражеский снаряд. Сомнений больше не оставалось — лейтенант остался на территории, занятой противником. Может быть, он жив и ему нужна помощь? Командир отделения Михаил Гузеев вызвался разыскать командира. Шансов на успех было немного. Поредевшая в боях рота, кроме взводного, рисковала потерять еще и командира отделения. И все-таки командир роты разрешил Гузееву поиск.

К вечеру фашистские части вновь пытались атаковать позиции советских бойцов. Потеряв до роты солдат и убедившись, что здесь не прорваться, они снова отошли. Весь день бойцы старшего лейтенанта Киселева с нетерпением ожидали Гузеева. Прошла ночь, снова начались атаки, бомбежки. Уже кое-кто стал считать, что командир отделения погиб или попал в плен. В сумерках измученный, обессиленный Гузеев вернулся. Он нашел в полуразрушенной землянке раненного в лицо командира, оказал ему медицинскую помощь и пригласил к проходу через минное поле. Так, рискуя своей жизнью, командир отделения 34-го инженерного батальона Михаил Гузеев спас жизнь своего боевого товарища.

В эти дни находившегося на излечении командира 43-й береговой батареи старшего лейтенанта Букоткина вызвал на командный пункт генерал-лейтенант Елисеев. Узнав, что раненый офицер чувствует себя удовлетворительно и готов снова вернуться в строй, комендант Береговой обороны послал его в армейские полевые батареи. Моряку-артиллеристу поручили познакомиться с основными положениями стрельбы по морским целям. Фашистские боевые корабли все чаще и чаще подходили к берегам Сааремаа.

Вернувшись из этой поездки, Букоткин попросил назначить его командиром новой береговой батареи № 25-А, а точнее, единственного 130-миллиметрового орудия, установленного в районе бухты Лью. Состояла она из артиллеристов, вместе с которыми на Сааремаа начинал свою службу Букоткин. Здесь же служили его хорошие товарищи — И. И. Федотов, командовавший спаренными зенитными пулеметами, и парторг М. М. Шашелев. В состав батареи вошли и четырнадцать бойцов, прорвавшихся с Кюбассари из 43-й ба-

тарей во главе с сержантом Логуновым. От них Букоткин узнал, что, пробиваясь к своим, где-то на пути к Курессаре батареицы завязали бой с врагами. Старший политрук Карпенко разбил своих подчиненных на два отряда. Вступив в бой с основной группировкой фашистов, Карпенко создал благоприятные условия для прорыва второй группы. Сам он под давлением врага вынужден был отходить к заливу. О дальнейшей судьбе отряда Г. А. Карпенко и самого старшего политрука артиллеристы ничего не знали.

Стремясь любой ценой прорваться на Сырве, противник нес огромные потери. Только в районе Сальме выросло кладбище из 600 березовых крестов. Ряды защитников тоже поредели. На передовую были посланы сводные роты, сформированные из личного состава тыловых учреждений. Встретив сильное сопротивление на полуострове, фашистское командование стало широко привлекать для обстрелов рубежей боевые корабли. Как признают сами немцы, в обстрелах Моонзундского архипелага участвовали три легких крейсера — «Кёльн», «Эмден» и «Лейпциг» — и несколько эскадренных миноносцев.

Утром 27 сентября наблюдатели 25-А береговой батареи в районе Рахусте доложили старшему лейтенанту Букоткину, что на горизонте замечены дымы. Вскоре стали видны военные корабли, приближавшиеся к бухте Лыу. Зная, что русских кораблей здесь нет, а несколько оставшихся самолетов-истребителей не представляют серьезной угрозы, вражеский отряд, не ожидая противодействия, подошел близко к берегу.

Для более точного ведения огня крейсер стал на якорь, а шесть эскадренных миноносцев ходили к северу от него, прикрывая флагман от атак подводных лодок. Поддерживая свои наступающие части, корабли открыли огонь по позициям островного гарнизона на полуострове Сырве. В бой с вражескими кораблями вступили батареи Стебеля и Букоткина. Фашисты перенесли огонь по ним. На батарее 25-А, не имевшей надежных укрытий, появились раненые, погиб радист Иван Левашев.

Атаковать противника командование послало все исправные торпедные катера под командованием старшего лейтенанта В. П. Гуманенко. Для их прикрытия вылетели три истребителя.

Обогнув полуостров Сырве, катерники увидели вражеские корабли. Тяжелые фонтаны вставали возле них. Это вели огонь береговые батареи. Близкие разрывы заставили фашистов сняться с якоря. И вот как раз в это время врага атаковали наши торпедные катера.

Первым вышел в атаку катер лейтенанта Б. П. Ущева. Прикрывая товарищей, умело поставил дымовую завесу катер главного старшины А. И. Афанасьева.

Все четыре советских катера сблизилась на дистанцию торпедной атаки и выпустили торпеды. Несколько мощных взрывов снова прогремело над водами Балтики. Запарил один из миноносцев, на другом были замечены языки пламени.

Но противник не прекращал огня. Через несколько минут, когда катера, прикрывшись дымовой завесой, начали отход, вражеский снаряд попал в моторный отсек катера лейтенанта Н. Н. Кременского. Находившегося у пулемета краснофлотца Демидова сбросило в воду. Потеряв ход, катер стал медленно погружаться. На помощь ему вышел катер лейтенанта Б. П. Ущева.

Контуженый моторист, пошатываясь, вылез на палубу. За сносимой ветром поредевшей дымовой завесой виднелись очертания вражеского эсминца. Корабль прекратил огонь. Над его полубаком тянулось к небу облако дыма. Остальных вражеских кораблей за завесой не было видно, но орудийная стрельба продолжалась. Всплески разрывов уходили все дальше и дальше от поврежденного катера в сторону берега. Видимо, фашисты стреляли вслепую. Катер покачивало на легкой волне. Он заметно погружался носом в воду. Невдалеке плавал пулеметчик.

— Демидов, — позвал его моторист, ответа не последовало. Рядом послышалось гудение моторов. Краснофлотец безошибочно определил: идет наш катер. Действительно, прорезав дымовую завесу, к ним подходили товарищи. У форштевня белел номер — 111.

— Личному составу покинуть катер! — раздалось приказание командира.

Моторист с трудом направился к рубке. Он-то хорошо знал: спасти под огнем противника свое суденышко нет никакой возможности. Надо быстрее отходить к берегу, пока фашисты не пришли в себя после атаки и не вывели из строя остальные катера. Соседний катер при-

близился к ним. «Катер Ущева, — узнал моторист. — Этот не подведет».

После контузии ноги слушались плохо. Он не сразу понял, что же все-таки произошло. Словно в замедленном кино, моторист видел, как на подошедший катер перепрыгнули двое, и он, взревев моторами, быстро направился прочь. Шевельнулась мысль: «Неужели бросили? Неужели не снимут?» Силы оставили, он тяжело опустился на палубу. Где-то недалеко послышались пулеметные очереди, нарастающий рев самолетного мотора, уходившего ввысь.

К нему подбежал командир:

— Старшина, ранен? Прыгай в воду!

В холодной балтийской воде ему пришлось пробыть недолго. Через несколько минут весь личный состав подняли на катер лейтенанта Ущева. Отбив атаку «мессершмитта», Ущев вернулся за своими товарищами. Вытащили и пулеметчика Демидова, но он был уже мертв.

На отходе с торпедных катеров видели черное облако над миноносцем. Крейсер медленно удалялся в сторону моря. Из трубы его поднимался густой желтый столб дыма.

Вылетевший в район боя летчик доложил, что в результате действий торпедных катеров и батарей Береговой обороны два вражеских эскадренных миноносца потоплены, а еще один миноносец получил повреждения. Обстрел наших позиций на полуострове Сырве прекратился.

За этот бой с фашистскими кораблями комендант Береговой обороны представил его участников к правительственным наградам. Многим, в том числе и Букоткину, досрочно присвоили очередные воинские звания.

Упорнейшие бои на Сырве продолжались. На 6-й день обороны на участке Сальме — Мельдри из 137 пулеметов осталось 11, из 32 орудий — 3. Потери в личном составе были очень большими. Поредевшие роты отошли на вторую позицию. Именно в эти дни прибывший на острова представитель из штаба флота радировал в Ленинград: «На месте убедился в тяжелом положении. Командованием БОБР приняты меры к удержанию Сырве. Личный состав несет большие потери от авиации противника. Нужна немедленная помощь самолетами, которых до сего времени нет, несмотря на сообщение о вылете. Шлите самолеты, снаряды, мины, станковые и

ручные пулеметы, ускорьте вывоз раненых самолетами «дуглас».

30 сентября части гарнизона отошли на последний рубеж обороны — Каймри — Рахусте. С Ханко на помощь гарнизону выслали все исправные истребители, но их было всего восемь.

Изнуренные непрерывными боями, не получая пополнения, ряды защитников Сааремаа таяли. На передовую ушли все тыловые подразделения. Вместе с командами торпедных катеров, чьи катера погибли в боях, возглавляемые политруком секретарем партбюро А. И. Сухановым, с винтовками в руках ушли на передовую десять комсомольцев — артистов театра КБФ. Прощаясь с товарищами, артисты не обошлись без шуток. «Погибать, так с музыкой», — заявил один из них.

Каждый метр земли, скупой, каменистой эстонской земли полуострова доставался фашистам дорогой ценой. Недаром все тот же В. Мельцер писал, что на Сырве «пехота вынуждена была буквально прогрызть расположенные одна за другой оборонительные полосы».

Днем после непрерывной бомбежки и обстрелов вражеские солдаты врываются на полуразрушенный рубеж и занимают его. Ночью штыковой атакой советские моряки и солдаты возвращали обратно свои позиции.

О героях этих ночных боев рассказывали удивительные истории. Выделенный отряд коммунистов и комсомольцев 76-го стрелкового полка направлялся для ночной атаки противника. Командовал отрядом лейтенант Ворона, военкомом назначили Манченко. В полку молодого политработника с орденом Красной Звезды на гимнастерке хорошо знали. Сколько раз выступал он перед бойцами с воспоминаниями о боях в Финляндии, рассказывал о дерзких рейдах советских лыжников по тылам врага.

Они сосредоточились в лесу близ оборонительного рубежа. Сюда же подошли кухни. Ели прямо из касок. Котелков в такую вылазку не брали.

С наступлением темноты, скрытно для врагов пройдя минное поле и углубившись на территорию, занятую противником, отряд внезапно атаковал фашистов. Гитлеровцы не ждали нападения с тыла. После короткого боя они бросили позиции и бежали. Стрельба послужила сигналом для атаки наших частей и с фронта. В ту ночь, понеся большие потери, фашисты отошли на не-

сколько километров. Отряд Вороны — Манченко в этом бою потерь не имел.

Только днем, подтянув резервы и бросив на перешеек большое число бомбардировщиков, фашистам удалось вернуть захваченные позиции.

С началом боевых действий на Сааремаа оба госпиталя гарнизона рассредоточились по хуторам. В этом было известное неудобство, но достигалось главное — в небольших крестьянских домиках, часто расположенных в лесу, раненые находились в большей безопасности, чем в крупных зданиях, привлекавших внимание вражеских летчиков.

Особенно много раненых оказалось на полуострове Сырве. Туда в ожидании эвакуации на Большую землю их заблаговременно начали вывозить. Начальнику госпиталя В. И. Бондаренко и его помощникам крепко доставалось. Хирурги по двадцать часов работали у операционных столов. Чтобы экономить время, медики спали здесь же.

Но отправить на Ханко или в Ленинград удавалось немногих. Слишком опасен был путь по минным полям Финского залива. Еще рискованней лететь на тихоходной громоздкой машине, представляющей хорошую цель для вражеских истребителей и зениток.

Там, где когда-то был клуб 34-го инженерного батальона, теперь тоже находились раненые. На севере шла бомбежка. Вздрагивала земля. Красные всполохи разрывов гуляли по небу, и края низких взлохмаченных облаков наливались зловещим багрянцем и снова меркли.

Вечер выдался по-летнему погожим. Раненые выбрались во двор. В темноте белели повязки. Слышался сдержанный говор, позвякивание котелков. Изредка мелькал огонек сигарки и исчезал так же быстро в натруженных солдатских ладонях. Прошла крытая машина и остановилась у дома.

— Пополнение к нам, — невесело пошутил кто-то.

Маленький санитар в каске выскочил из кабины, помог первому раненому сойти на землю. Подошли еще несколько.

— Откуда, ребята?

— Дорогу, дорогу! — совсем по-мальчишески крикнул санитар. — Люди чуть держатся, а они с распротами.

— Кто это? — спросил красноармеец с перевязанной головой, когда дверь за ранеными закрылась.

— Санитар-то? Воспитанник муззвода Юра Трошнев. Весной в шестой класс ходил. А теперь с сумкой на боку на передовой раненых подбирает. И не гляди, что мал. Лезет в самое пекло и, говорят, даже к ордену представлен.

Неожиданно раздавшаяся песня прервала разговор. Голос певца был несильный, но разговоры и даже звяканье котелков прекратилось. Раненые прислушались к простым, близким их сердцу словам, исполняемым на мотив «Каховки»:

У выхода в море, где ветры норд-оста
Холодную гонят волну.
Наш Эзель-красавец надежным форпостом
Лежит, охраняя страну.

— Наша островная песня, в редакции ее сложили, — тихо произнес кто-то в темноте.

Дальше говорилось о подвиге моряков с Цереля, оставшихся взрывать в 1917 году свою батарею. Пел кто-то, а люди, всего несколько часов покинувшие поле боя, с жадностью ловили каждое слово.

Недалеко гремел бой. Фашисты захватили почти весь остров, а песня вселяла бодрость, звала на подвиг.

И снова война маяки погасила,
И снова пришли к нам враги,
Но в наших руках небывалые силы,
Наш остров давно стал другим.
Тут меткие залпы морской батареи
И верный «максим» — пулемет
Помогут фашистов отбросить обратно,
Списать навсегда их «в расход».

Смолк певец, и, словно ожидая этого, громовым раскатом рвануло сзади. Со свистом над головами раненых понеслись снаряды.

— Батарея капитана Стебеля бьет! — крикнул кто-то. — Держитесь теперь, фашисты!

Какой-то человек с пачкой газет появился в кустах. Видимо, раненые его хорошо знали. Послышались возгласы.

— Товарищ политрук, сюда!

— Сюда газету!

Это в небывалых по сложности условиях продолжа-

ла выходить, уменьшаясь и размером и тиражом, островная газета «На страже». Маленький коллектив редакции, возглавляемый политруком Михаилом Дмитриевичем Крыловым, проявлял чудеса изобретательности, стремясь сделать свою газету боевой, острой, злободневной. На страницах «На страже» приводились сводки Информбюро, перепечатывались наиболее интересные материалы из центральных газет, информация корреспондентов газеты «Красный Балтийский флот» политруков В. Максимова и В. Лебедева, выходил сатирический уголок «Прямой наводкой». Под взрывы бомб и снарядов в землянке, где помещалась типография, художник на линолеуме вырезал хлесткие карикатуры. Это в газете был помещен стихотворный фельетон ленинградского поэта, тоже попавшего на Сааремаа, Всеволода Веденского (Вальде) «Открытое письмо». Особенной популярностью пользовалось четверостишие о фашистских летчиках, сбрасывавших свои бомбы в воду:

Говорят, вчера салаки
Тебе послали протест.
Не участвуем мы в драке,
Не бомби ты наших мест.

Газета быстро разошлась по рукам. Несколько человек забрались в шалаш. Вспыхнул затемненный фонарик. Стало слышно, как кто-то начал читать:

— От Советского Информбюро. Утреннее сообщение от 1 октября. В течение 1 октября наши части вели упорные бои с противником на всем фронте».

— А что про наш остров пишут?

— Погоди. Вот есть и про остров. «Герой боев — комсомолец Бородулин», — прочел тот же голос. — Член Всесоюзного Ленинского комсомола старшина Бородулин смело вступил в бой с прорвавшимися гитлеровцами. Фашистская пуля пробила грудь воина, намок от крови комсомольский билет, а отважный балтиец не выпускал из рук ручного пулемета. Меткими очередями он уничтожил четыре вражеские машины и большую группу солдат. Когда подоспела помощь, Бородулин был трижды ранен, но продолжал стрелять. Защитники Эзеля, берите пример со старшины Бородулина!»

Над головами раненых проносились снаряды послед-

них пушек капитанов Стебеля и Букоткина *. Подходил к концу боезапас. 315-я вынуждена была перейти на стрельбу отдельными башнями, а затем — поорудийно. Выстрелы фугасных снарядов артиллеристы чередовали с бронебойными. Предназначенные для поражения боевых кораблей, защищенных толстой броней, эти снаряды при стрельбе по наступающему на суше противнику оказывали главным образом моральное воздействие.

Измотанные тяжелыми боями советские воины находили в себе силы и с винтовками и гранатами в руках бросались в атаки на врага. За последние дни боев остатки гарнизона 45 раз контратаковали противника, задерживая его продвижение.

Днем 2 октября фашисты прорвали последний оборонительный рубеж Кайми — Рахусте. Вражеские снаряды и мины стали рваться у пристани Мынту, где под дощатым навесом укрывалось пять оставшихся торпедных катеров.

Штаб БОБР пытался эвакуировать с острова хотя бы часть раненых. После одного из вражеских налетов на риф у маяка Сырве выбросился поврежденный буксир «Лиза». Для осмотра буксира направили старшего лейтенанта В. П. Дыкого с группой катерников. Это были ремонтники, ранее лишившиеся своих катеров и после боя приводившие в порядок катера товарищей. Посланные моряки должны определить, можно ли снять буксир с камней, залатать его пробоины, ввести в строй машину и использовать «Лизу» для перехода на Хийумаа.

Из пяти торпедных катеров, оставшихся на острове, только четыре могли выходить в море. Да и на тех моторы были изношены до предела, а многочисленные пробоины заделаны в импровизированной мастерской, под которую приспособили мастерскую строительства, ведавшего оборонительными работами. Пришлось позвонить механику дивизиона К. Д. Добровольскому, чтобы на пирсе сделать подъемник для осмотра корпуса, смены винтов и погрузки торпед и множества других, не менее важных приспособлений. Пятый катер старшего лейтенанта А. Н. Ткаченко, возвращаясь с боевого задания, получил серьезные повреждения и выходить в море уже не мог.

* В последних числах сентября комендант БОБР досрочно присвоил воинское звание «капитан» командиру 25-А батареи В. Г. Букоткину.

Старший политрук дивизиона Д. М. Грибанов, вернувшись от маяка, куда ездил вместе с Дыким, по лицам товарищей увидел: что-то случилось. Так оно и было. Только что к катерникам приезжал комендант БОБР. На КП в просторной землянке на берегу залива он собрал командиров.

Осмотрев всех, достал из сумки телеграмму. Громко, чтобы все слышали, прочел: «Шесть самолетов с подвесными бачками, если позволит погода, высылаем завтра утром. Отобраны лучшие летчики. За вашей борьбой с фашистской сволочью внимательно следим. Гордимся вашими боевыми успехами. Отличившихся представляем к правительственным наградам. Крепко жмем ваши руки. Жуков, Жданов».

Генерал-лейтенант замолчал, но все присутствующие хорошо понимали, что приехал он по какой-то другой, более важной причине. Так оно и было.

— Обстановка очень серьезная, товарищи. Пока помощь подосплет, мы должны быть готовыми ко всему.

— Командир дивизиона, — обратился Елисеев к Богданову, — подготовить один катер для ночного перехода на Хийумаа с партийными документами. На нем пойдет начальник политотдела Копнов.

Ночью несколько машин подошли к береговой базе в Мынту. Прибыл штаб Береговой обороны. Началась посадка на катера.

3 октября 1941 года в 1 час 20 минут четыре перегруженных торпедных катера покинули пристань Мынту. На каждом из них, кроме команды, находилось по 40—45 человек вместо положенных 15.

Пятый катер старшего лейтенанта Алексея Никифоровича Ткаченко продолжал ремонтироваться. На нем осталась ремонтная бригада во главе с воентехником 2-го ранга П. А. Агеевым.

Да, катера нуждались в ремонте. Но они еще могли наносить удары по противнику. Наконец, на них можно эвакуировать хотя бы часть гарнизона, пускай сто — сто двадцать человек. Взорвать катера можно, но это крайняя мера.

Своими мыслями военком дивизиона старший политрук Грибанов поделился с командиром. Капитан-лейтенант порекомендовал доложить об этом в штаб. В штабе предложение молодого политработника нашли дельным. Старшим на полуострове назначили командира

3-й отдельной стрелковой бригады полковника Петра Михайловича Гаврилова.

Днем 3 октября бои на Сырве разгорелись с новой силой. Фашисты вели наступление вдоль дороги, не рискуя заходить глубоко в лес. Это облегчало положение обороняющихся.

В этот день в штабе Краснознаменного Балтийского флота получили с Сааремаа радиограмму: «Командование БОБР выбыло на Даго. Отправил туда же трех специалистов. Сам остался со Снимщиковым до последнего. Видимо, отсюда не вырваться. Мы прижаты к воде. Отступать некуда, помощи тоже не ждем. Если удастся — мелкими группами будем пробиваться на материк. Настроение здоровое. Еще раз прошу: за документы не беспокойтесь, уничтожим, в руки врагу не дадим. Привет всем».

Радиограмму подписал начальник шифровального отделения штаба БОБР техник-интендант 2-го ранга Александр Дмитриевич Пантелеев. Вся жизнь этого мужественного человека была связана с флотом, с Балтикой.

Во время призыва молодой слесарь зерносовхоза попросил, чтобы его направили служить на корабли. Учебный отряд, подводные лодки. Нелегкой в первое время показалась военно-морская служба, но коммунист Пантелеев не искал легкой жизни. И когда подошло время увольнения в запас, он сообщил родным: «Остаюсь на сверхсрочную». Александр Дмитриевич хотел окончить среднюю школу и поступить в военно-морское училище. О самоотверженной службе его несколько раз писала флотская газета. Война помешала осуществлению его планов.

Как вспоминает командир комендантской роты, оборонявшей командный пункт, техник-интендант 2-го ранга Алексей Николаевич Борисов, 3 октября противник усилил артиллерийский и минометный огонь по КП. В этот день Пантелеев со своим помощником В. Н. Снимщиковым уничтожил секретные документы. Поблизости на костре начальник административно-хозяйственной части бригады Александр Иванов сжигал штабные дела. Красноармейцы закапывали сейф с деньгами и облигациями. На приметной сосне делали зарубки. Рота Борисова получила приказание отойти на юг. При расставании со своим другом Пантелеев сказал:

— В прошлую войну мой отец натерпелся в германском плену. Я сдаваться не буду.

Из штаба флота послали радиogramму: «Эзель, Пантелееву. Комфлота приказал документы уничтожить немедленно, самим переходить на Даго». Была в этой радиogramме еще одна фраза, говорившая о беспокойстве за судьбу шифровальщика: «Почему не ушел с командованием?» Однако и без ответа было ясно: связь с гарнизоном должна поддерживаться. Для этого и остался коммунист Пантелеев. Помощник начальника отдела связи КБФ майор Демешко, посылавший радиogramму, вычеркнул эту фразу.

Старшина из штаба БОБР А. М. Манаков в письме родным Пантелеева после войны сообщал: «Последний раз я его видел в 10 часов вечера 4 октября. На радиостанции он уничтожил последние документы».

Во время войны отцу и матери Пантелеева кто-то переслал записку. Направлена она была с попутчиком, покидавшим Сааремаа на самолете незадолго до окончания боев. В ней Александр Дмитриевич сообщал: «Подробно писать нет возможности. Время очень серьезно. Мы находимся в полном окружении. В плен сдаваться не будем и, если нужно, то умрем за Родину. Что бы ни случилось, обо мне не беспокойтесь. Войны без жертв не бывает. Очень жаль детей. Объясните им, когда вырастут, где я был и что делал.

Ваш сын Александр».

Позднее товарищи рассказывали, что, разделившись с документами, Пантелеев вместе с другими защитниками отбивал атаки автоматчиков. Последний патрон он приберег для себя.

Обстановка на фронте не позволяла перебросить самолеты на помощь защитникам Сааремаа. Тяжелое положение складывалось под Ленинградом. На острове приближался трагический финал. С наступлением темноты у маяка Сырве и на пристань Мынту стали собираться остатки островного гарнизона. Много было ходячих раненых. Ждали обещанных с Хийумаа катеров. Ночью бой затих. Лишь упруго раскатывались залпы с моря. Вражеские корабли снова обстреливали полуостров. Батарея Стебеля на этот раз не отвечала. Артиллеристы берегли боезапасы до последнего дневного боя.

Около 8 часов утра оставшийся на Мынту полковник

Гаврилов приказал командиру катера № 154 заводить моторы и выходить в море. Вместе с Гавриловым на торпедном катере ушли военком 3-й отдельной стрелковой бригады батальонный комиссар Кулаков, капитан 3-го ранга Фадеев, начальник политотдела Батраков, инженер Гинзбург и ряд других командиров и политработников. За себя на Сырве Гаврилов оставил боевого офицера, участника войны с белофиннами полковника Николая Федоровича Ключникова.

Утром этого же дня наши бойцы от маяка видели, как в Ирбенском проливе два вражеских самолета атаковали какой-то катер. Скоро густой черный дым окутал его. Когда поредевшее облако поднялось над водой, ни людей, ни обломков уже не было заметно.

В боях на полуострове Сырве огромную роль сыграла башенная 315-я береговая батарея, которой командовал известный на Балтике командир капитан Александр Моисеевич Стебель. Правда, основным назначением батареи была борьба с морским противником, а на деле вести огонь артиллеристам пришлось не только по кораблям, но и по наступающим гитлеровцам.

Нелегко приходилось стебелевцам. Один отряд добровольцев за другим уходили с батареи на сухопутный фронт. Оставшиеся заменяли своих товарищей и продолжали вести огонь по врагу. До 300 бомб сбросили гитлеровцы на батарею капитана Стебеля. Но благодаря отличной маскировке и умело подготовленным ложным позициям 315-я оставалась в строю, пуская на дно вражеские корабли, поднимая в воздух вражеские укрепления.

На острове рассказывали, что сбитый на Сырве фашистский ас просил показать ему, где находится эта неуловимая и невидимая с воздуха тяжелая батарея, наносившая гитлеровцам такие потери.

По оценке генерал-лейтенанта Елисеева, «капитан Стебель прекрасно организовал управление. Широкая сеть наблюдательных постов позволила 315-й батарее наносить своим огнем сокрушительные удары по врагу».

И вот существование и этой батареи подходило к концу. Около 22 часов к КП — крутому зеленому холму, где под толстым слоем бетона разместился целый подземный городок, подошла легковая машина. У артиллеристов оставалось всего по несколько снарядов на орудие. Дежурил секретарь парторганизации батареи

коренастый, похожий на цыгана младший сержант Николай Николаевич Пушкин. Приехал начальник артиллерии майор Харламов.

— Где командир?

— На маяке, товарищ майор.

— Немедленно вызвать сюда. Подготовить батарею к взрыву.

Днем 4 октября полковой комиссар Михаил Захарович Шкарупо, оставшийся за начальника политотдела БОБР, приказал редактору газеты «На страже» политику Крылову вместе с сотрудниками редакции срочно перейти на Хийумаа.

Они разбили типографскую машину, высыпали шрифт в воронку от бомбы и тщательно перемешали его с землей. По лесной дороге от госпиталя работники редакции прошли к батарее капитана Стебеля. Там им разыскали старенькую рыбацкую лодку с подвесным моторчиком. В ночь на 5 октября шлюпка с редакционными работниками вышла в море.

С докладом о положении на батареях в штаб гарнизона вызвали представителя Береговой обороны. Отправился полковой комиссар Шкарупо. Начальник артиллерии майор В. М. Харламов и начальник штаба майор И. П. Шахалов были где-то на передовой. Не оставалось сомнений, что бои на Сырве заканчивались. Артиллеристы выпускали по наступающим последние снаряды. Даже патроны и те были на исходе. Многие красноармейцы и краснофлотцы вооружались трофейными винтовками и автоматами. К ним боеприпасов хватало.

До доклада оставалось полчаса, когда полковой комиссар в рощице увидел походную кухню. Кок с перебинтованной головой ожесточенно чистил миски. Длинные дощатые столы стояли под соснами, и осыпавшаяся хвоя покрывала их. Только возле кухни доски были вытерты. Видимо, там недавно обедали люди. Лицо краснофлотца показалось комиссару знакомым. Конечно, это его в начале боев принимали в партию. И фамилия даже припомнилась: Кузьменко.

— Здравствуйте, товарищ Кузьменко. Давно ли стали коком? — Краснофлотец удивленно взглянул на подошедшего, застегнул ворот гимнастерки.

— Здравствуйте, товарищ полковой комиссар. В боях под Техумарди осколком зацепило, с тех пор вот и кашеварю. Не хотите ли отведать?

Полковой комиссар вспомнил, что с утра ничего не ел, и охотно согласился. Моряк полотенцем протер миску, щедро зачерпнул половником из котла. Рассыпчатая рисовая каша, наполнив посудину, попала на стол, просыпалась на землю. Заметив осуждающий взгляд Шкарупо, краснофлотец сказал:

— Все едино — немцам достанется. Поверьте, товарищ комиссар, закладка в котел — на всех, а есть придут — четвертой части народа не наберется.

Каша была хорошая, маслянистая. Полковой комиссар ел с аппетитом, а кок, пригорюнившись, присел напротив.

— Как вы думаете, придут этой ночью за нами шхуны?

— Должны прийти.

В рощице гулко ухнуло орудие. Только сейчас Шкарупо заметил замаскированную зенитную пушку. Хвоя с сосен снова посыпалась на столы.

— Не вешай носа, Кузьменко. По всему берегу ребята сколачивают плоты, чинят шлюпки и рыбацьи баркасы. Если не придут этой ночью катера, будем переходить на латвийский берег. А он не так далеко, каких-нибудь 30—40 километров.

Сказал так полковой комиссар, а у самого на сердце легче не стало. Сколько из остатков гарнизона смогут забрать шхуны с Хийумаа? А что делать остальным? И если они все-таки переберутся через Ирбенский пролив, там тоже оккупированная фашистами территория, а до линии фронта добрых 500 километров? В тяжелом, очень тяжелом положении оказался советский гарнизон.

У Ключникова в штабе собралось человек десять командиров. Были здесь начальник штаба бригады полковник Пименов, начальник связи майор Кузнецов, капитан Двойных, несколько моряков из Береговой обороны.

Полковник коротко обрисовал обстановку: снарядов и мин больше нет, потери личного состава достигают 70—75 процентов, раненых эвакуировать некуда, пристань Мынту занята противником. Шансов на то, что шхуны прорвутся к Сырве, очень мало.

— Наш командный пункт заминирован, — закончил Ключников, — если фашисты прорвутся — все взлетит на воздух. Один я не вправе решать судьбу оставшихся. Давайте сделаем это сообща.

Мнения выступавших командиров разделились. Одни предлагали перейти на плотках и рыбацких лодках на латвийский берег, а оттуда пробиваться к линии фронта. Другие считали, что лучше прорываться в глубь острова, уйти в лес, а с наступлением морозов по льду перейти на материк.

Сошлись на одном: всем командирам разойтись по местам и сделать все, что в их силах, чтобы еще хоть на день задержать противника. Ночью, оставив на дорогах заслоны, отвести людей к маяку, где ожидается посадка на катера. Если помощи с Хийумаа снова не будет, объявить красноармейцам и краснофлотцам о прекращении боевых действий, уничтожить всю технику, материальные ценности и на подсобных средствах переправляться в Латвию или мелкими группами просачиваться на север острова. Последний снаряд оставить для подрыва пушки, последний патрон — для себя.

4 октября в Москве была принята радиограмма с Сааремаа, имевшая гриф: «Вне всякой очереди». Она была дана открытым текстом. «Радиовахту закрываю, иду в бой, в последний бой». На вопрос принимающего радиста, каково положение на Эзеле, было отвечено: «Прощайте, прощайте...» В 16 часов 10 минут связь с героическим гарнизоном, находившимся на Сырве, прервалась.

В ночь на 5 октября 1941 года катера с Хийумаа вновь не пришли. Утром бои возобновились, главным образом южнее пристани, в районе аэродрома и по дороге на Церель.

Интересные подробности об этом дне, последнем дне обороны полуострова Сырве, рассказал офицер штаба ПВО капитан Михаил Федорович Морковкин.

День стоял теплый и солнечный. На севере продолжалась перестрелка, но вражеской авиации в воздухе не было. Машины ЗИС-5 легко тащили за собой уцелевшие зенитные орудия. Батарея отходила к маяку. Пушки расставили в орешнике. В отличие от прошлых дней никто не рыл укрытий. Не требовали этого и командиры. Многие перебирали свои вещи, рвали фотографии и письма.

Красноармеец у окопа чистил винтовку. Руки его действовали быстро и уверенно, а взгляд был отсутствующий, и мыслями он был далеко-далеко, может быть, дома, с близкими.

На юг тянулись журавли. Зенитчики с завистью провожали их. Вот бы тоже подняться и полететь. А краснозвездных журавлей, давно обещанных гарнизону, все не было и не было.

Около девяти утра командиров вызвали в штабную землянку.

— Боевые действия на Сааремаа закончены. Все взорвать и уничтожить. Затем действовать по своему усмотрению. Объявите это бойцам.

Слова последнего приказа поползли от одного к другому. То там, то здесь начали раздаваться взрывы, вспыхивали яркие костры. От склада военторга местное население уносило продукты: сахар, крупу, муку. Их раздавали населению, чтобы не оставлять противнику.

У вещевого склада солдаты и матросы переодевались в новое обмундирование. Кое-кто натягивал на себя по две пары — зимой сгодится. Вскоре, облитый бензином, запылал и этот склад.

Не по сезону выдался теплый день на Сырве, не по настроению — светлый и тихий день. Словно солнце напоследок хотело обогреть уцелевших героев.

Где-то совсем близко сухо щелкнул одиночный выстрел. Кажется, никто не обратил на него внимания. Только ветер зашевелил ветки можжевельника. Под кустом, похожим на маленький кипарис, аккуратно расстелил на земле черную шинель молодой командир. В перевернутой фуражке распечатанная пачка папирос. Рядом на земле два изжеванных окурка — следы последних мучительных раздумий. Кажется, еще дымится один, или это идет пороховая гарь от выпавшего из руки пистолета?

Этот сделал свой выбор, пусть ошибочный, поспешный, но его уже не изменить.

Соседи метрах в тридцати в кустах заделывают пробоину в смоленной рыбацкой лодке. Рядом красноармеец, с руками, до локтя перемазанными маслом, колдует над подвесным мотором. Им не до мертвых. Они собираются жить и выживут. Другие, наиболее нетерпеливые, рассаживаются на плоту.

— Что вы делаете, ребята? Разве вы забыли про авиацию? Зачем быть мишенью фашистским летчикам? А если вы и пройдете Ирбен, на латвийском берегу уже

несколько дней как подняты на ноги айсарги*. Подождите до вечера.

Но нет, не слышат или не хотят слышать.

Матрос в бушлате отталкивается шестом. Солдат из брезента мастерит что-то вроде паруса. Остальные сидят нахохлившись, но у каждого в руках винтовка.

Медленно, словно неохотно, выходит в море плот с бойцами. Ой недалеко в такой солнечный день можно уйти. Вернулись бы лучше, ребята!

На КП 315-й батареи, куда перешел штаб бригады, полковник Ключников вновь собрал командиров. В их числе был начальник штаба БОБР майор И. П. Шахалов. Ключников объяснил, что радиостанция вечером 4 октября разбита. Связи с командованием нет. Личному составу приказано с боями прорываться на север Сааремаа.

— Сегодня мы собрались вместе в последний раз, — говорит полковник.

Люди молча стояли, слушая своего командира.

— Мы вместе вели тяжелые бои, теряли товарищей, но войны без жертв не бывает. Однако все мы — советские люди и, что бы ни случилось, всегда останемся ими.

— Что же дальше — плен? — послышался чей-то голос.

— Плен — великое несчастье. Позади нас Балтика, впереди — германские штыки. Но можно, хотя и трудно, продолжать борьбу.

Шумит ветер в деревьях, срывая последнюю листву. Где-то еще идет стрельба, а на поляне все притихли.

— Легких рецептов уберечь себя не подскажу.

— Трудных не испугаемся, — раздается тот же голос.

— Хорошо, слушайте. Партизанить на Сырве негде. Предлагаю группами по три-пять человек просачиваться на север. Там леса. Такими группами легче уйти, укрыться. Местные крестьяне помогут. Дождемся зимы, а потом на Большую землю — партизанить. Все орудия и машины сейчас же уничтожить, а винтовки — как совесть подскажет. Это каждый решает сам. Все, товарищи.

* Айсарги — профашистская националистическая организация в Латвии.

Однако уходили с Сырве не только мелкими группами. Вечером часть бойцов и командиров, собрав несколько грузовых машин, установив на них пулеметы, на большой скорости устремились на север. Находились среди прорывавшихся командир пограничных катеров А. В. Василенко, комсорг дивизиона краснофлотец Николай Трошин, старший политрук из артиллерийской части Сергей Свинухов.

Фашисты, уверенные, что русские в создавшихся условиях не предпримут активных действий, пропустили машины. Только где-то у Сальме им удалось перекрыть дорогу. Встреченные на повороте пулеметным огнем в упор, машины полетели в канавы, прорывающиеся в большинстве своем погибли. Немногих раненых фашисты отправили в лагерь для военнопленных.

Командиры-зенитчики лейтенанты А. А. Чепраков, А. С. Малофеев и политрук П. М. Жуков вместе с краснофлотцем-мотористом Романовым с 315-й батареей перебрались через Ирбен на маленькой рыбацкой лодке. Чепраков до военного училища обучался в морском техникуме, плавал на паруснике «Товарищ», три года был бесшумным старшиной шлюпки. Правда, одно дело — надежная устойчивая морская «шестерка», совсем другое — ветхая лодка. Пришлось идти на риск. Другого выхода не было. Шли всю ночь под парусом и на веслах, каской вычерпывая льющуюся через щели воду. Прекратился начавшийся с вечера дождь, стих ветер. Артиллеристы надеялись, что к рассвету доберутся до берега. Но в наползавшем густом тумане исчезли огни пожаров на Сырве, и они потеряли ориентировку.

Утром, когда туман рассеялся, они оказались в открытом море. Не видно берегов, на горизонте изредка показывались корабли, пролетали самолеты. Чтобы не привлекать внимания, парус пришлось спустить. Лодка медленно дрейфовала к востоку. В дымке открылся латвийский берег. Вновь надежда затеплилась у людей. Но земля, поросшая лесом, приближалась быстрее, чем они хотели бы. С наступлением темноты легче высадиться, укрыться от наблюдения береговых постов.

Сейчас больше всего артиллеристы опасались встречи с самолетом. И эта встреча произошла. Фашистский гидросамолет — «лапотник», как его называли на островах за поплавки, — заметил лодку. Артиллеристы пошли на хитрость: залегли на дне в самых неудобных

позах, притворились убитыми. Спустившись до бреющего полета, самолет дал несколько очередей и ушел на север. За эти минуты лодка наполнилась водой. Артиллеристы взялись ее вычерпывать, и, увлеченные работой, не сразу заметили опасность. Был ли это тот же самый «лапотник» или ему на смену прилетел другой, только самолет прошел над водой, чуть ли не задевая поплавками за гребни волн, и стал расстреливать людей. Три винтовки били по самолету. Эти редкие выстрелы заставили фашиста подняться выше. Все же одна очередь попала в лодку. Сидевший на средней банке политрук Жуков со стоном схватился за голову и упал. С левого борта срезало верхнюю доску обшивки. Хлынула вода. Лодка перевернулась, и все четверо оказались в ледяной воде. Винтовки, патроны, небольшой запас продуктов — все пошло на дно. К счастью, лодка не затонула. Тянула вниз намокшая одежда. Артиллеристы держались за лодку. Выпустив еще несколько очередей и дав ракету, «лапотник» улетел.

Их медленно сносило к берегу. Тело политрука его товарищи привязали ремнем к рыму на носу. Фашистская пуля попала Жукову в голову, и он, не приходя в сознание, скончался.

Вскоре показался сторожевой катер. Артиллеристы уничтожили свои документы, а минут через тридцать их и убитого политрука подняли на палубу.

Писарь 34-го инженерного батальона Дмитрий Иванович Дрожак вместе с бойцом этого же батальона Иваном Земляным и другими переправился через Ирбен на большой рыбацкой лодке. Им удалось незамеченными пересечь пролив. Гребли посменно. К утру, когда в сумерках появился берег, сильный удар чуть не перевернул шлюпку. Камни. Они подстерегали красноармейцев всюду. Невидимые в темноте, укрывшиеся под водой, замедляли движение, грозили перевернуть лодку, плеском выдать врагу. Пришлось прыгать в воду и брести к берегу. Через дюны углубились на материк.

Октябрьский ветер разгуливал в лесу. Холодило мокрое обмундирование. Дрожак чувствовал, что начинается озноб, болело плечо, но продолжал идти с товарищами. Где-то в лесу они нарвались на фашистов. Разгорелся короткий ночной бой. Группа рассеялась. Когда выстрелы затихли, с Дрожаким остался лишь один Земляной. Что стало с товарищами, они не знали.

Шли несколько суток, питаюсь капустой и брюквой. Чтобы получить продукты и узнать дорогу, решили заглянуть на одинокий хутор. Из осторожности на разведку пошел Земляной. Вскоре Дмитрий Иванович услышал выстрелы. Товарищ назад не вернулся. Ориентируясь по звездам, пришлось идти на восток одному.

Так прошел он еще два-три дня. Болезнь окончательно свалила с ног. Очнулся он в сарае, куда забрался на ночевку, разбитым и ослабевшим. Идти Дрожак не мог. На помощь балтийцу пришли местные жители. Старушка, пасшая корову, принесла ему одеяло, пищу, рассказала, что большой лес находится километрах в сорока. Затем в сарай пришел молодой латыш. Он пообещал связать Дмитрия Ивановича с партизанами. Когда Дрожаку стало лучше, двое товарищей зашли за ним. Переодетый в гражданское, бывший писарь инженерного батальона с острова Сааремаа с помощью латвийских друзей ушел в леса Белоруссии и стал бойцом партизанского отряда имени Суворова.

Часть защитников Сааремаа достигла берегов нейтральной Швеции и там оказалась интернированной. В лагере Бюринген группа командиров во главе с майором Марголиным, воентехником 2-го ранга Могилевым и подполковником Анисимовым составили краткий обзор боевых действий на острове.

Сорок пять суток укрывались работники курессарской милиции Лабо и Герасимов на острове. Несколько дней вечерами в районе командного пункта БОБР они слышали выстрелы. Там шли расстрелы. Фашисты вооружили националистические банды — омакайцев, и они помогали вылавливать остатки гарнизона. Однажды в лесу было схвачено несколько политработников. Когда их привели в Курессаре в комендатуру, немцы удивились.

— Зачем вели? Политруков расстреливать на месте.

Представление о том, как оценивал оборону острова наш противник, дает статья участника боев финского капитан-лейтенанта И. Вирки «Захват островов Рижского залива», опубликованная в декабрьском номере «Морского журнала» за 1941 год в Хельсинки.

Отмечая, что вся территория Эстонской ССР к моменту высадки фашистских войск на Моонзунде оказалась давно захваченной гитлеровцами, автор пишет: «Можно было ожидать понижения боевого духа русских

на этих изолированных островах». Но на деле оказалось иначе. И. Вирки констатирует: «Русские защищали свои позиции фанатически, поэтому от наступающих требовалось максимальное напряжение всех сил». Русские «особенно яростно оборонялись на полуострове Сырве и в окрестностях поселка Кихельконна».

Пока мы не знаем, какие части удерживали Кихельконну. Ни сохранившиеся документы, ни уцелевшие участники боев не говорят об этом. Видимо, это была какая-то отрезанная группировка островного гарнизона, прорваться которой на полуостров Сырве не удалось.

5 октября 1941 года прекратилось организованное сопротивление на полуострове Сырве.

В этот день начальник генерального штаба сухопутных сил Германии генерал-майор Гальдер в служебном дневнике сделал следующую запись: «Остров Эзель занят нашими войсками».

Операция «Беовульф II» закончилась.

Однако бои отдельных групп продолжались. По свидетельству того же И. Вирки, только 11 октября последние защитники острова были обезоружены.

Мнение советских людей хорошо выражено в дневнике капитана 2-го ранга М. А. Нефедова*, эвакуированного с острова вместе с ранеными бойцами. Эта запись сделана 12 октября 1942 года в блокированном Ленинграде: «В той гигантской борьбе, которую ведет Советский Союз с оголтелым фашизмом, борьба на Эзеле есть лишь маленький славный героический эпизод. Слава и вечная память героическим защитникам Эзеля. Они своей беспримерной борьбой оттянули силы противника и тем самым выполнили честно свой долг перед Родиной. Слава им, слава!»

Глава IX

СУДЬБЫ ЛЮДСКИЕ

Остров Сааремаа медленно отступал во тьму в зареве пожаров, в светящихся трассах снарядов и пуль. Огневые полосы перекрещивались, вставали на земле

* После Моонзунда М. А. Нефедов служил на Ладожской военной флотилии. Это о нем в мае 1943 года В. Вишневский писал: «Убит... Миша Нефедов, которого я знал с 1923 года. Умница».

багровыми всполохами разрывов. С севера, со стороны фашистов, трассы шли чаще и гуще. Сквозь грохот моторов на торпедные катера доносились раскаты боя.

Вскоре темень поглотила все. Остался гул моторов, белесая стена всплесков у форштевня и крупные брызги, гулко бьющие о брезент. Четыре торпедных катера, эвакуировавшие части штаба БОБР и группу раненых, шли к Хийумаа переполненными. Люди заняли не только все кубрики, забили окатываемую волной палубу, сидели в желобах торпедных аппаратов.

Опасались встречи с вражескими кораблями. При такой перегрузке катера вряд ли смогли бы уйти от противника. Только ночь могла их спасти.

О том, что обогнули Церель и вышли в Балтику, узнали по ветру, изменившему направление. Теперь уже не всплески, а сплошная стена воды с правильными промежутками времени обрушивалась на палубу. Промокли люди и брезент, которым они укрывались. Сбавили скорость, изменили курс, ничто не помогало. Катер все так же тяжело зарывался в волнах. Но вот моторы стихли, и голос командира в темноте скомандовал:

— Все вещи за борт!

Люди сбрасывали немногие захваченные с собой свертки и узелки, выворачивали карманы.

Только когда в воду тяжело плюхнулись два крупнокалиберных пулемета, дополнительно установленные на базе, и были выпущены торпеды, облегченный катер смог продолжать переход.

С рассветом штормовое море предстало перед глазами людей. Клубящиеся низкие тучи космами дождя словно старались пригладить вздыбленную холодным ветром застывшую воду, а она вставала все выше и выше.

Как позднее вспоминала киноактриса В. Н. Телегина, бывшая в числе пассажиров катера, утром ей все чаще и чаще стали вспоминаться рассказы бабки о грешниках в аду, слышанные в детстве. Вокруг утлых суденышек вздымались свинцовые горы. Только они были не раскаленные, а ледяные. Утром 3 ноября сигнальщики наблюдения и связи в Калесте заметили в море две черные точки. Вскоре было установлено, что к острову Хийумаа приближаются торпедные катера. Шли они медленно, и даже невооруженным глазом было видно, как глубоко осели в воду. На шлюп-

ке эвакуированных доставили на берег. Замерзшие, затекшие ноги плохо слушались. Каменистая почва острова ходила под ногами, словно непослушная палуба катера. Еще бы! Восемь часов провели люди в штормовом море.

Здесь же, на берегу, разожгли костры. Прибывшие сушили одежду, ели, спали. Только одна Щербакова, та самая, что одной из первых приехала на остров к мужу, как опустилась на землю, так и осталась сидеть безучастной ко всему. Мысли ее были на покинутом Сааремаа. Там вместе с другими защитниками был ее муж, а в детском доме осталась пятимесячная Зина. Удастся ли их увидеть когда-нибудь?

Через час к пристани Лехтма подошли еще два торпедных катера. На одном из них прибыл комендант БОБР генерал-лейтенант Елисеев. Позднее механик дивизиона К. Д. Добровольский, совершивший переход на этом же катере, вспоминал: «В море была сильная волна. Выйдя из моторного отсека в рубку, я увидел сидящего у турели пулемета Елисеева. Холодная октябрьская вода окатывала генерала с ног до головы. Я взял брезентовый чехол от пулемета и укрыл плечи коменданта. Переживая горечь отступления, от ничего не замечал».

Видимо, раздумывал, правильно ли он сделал, переходя на Хийумаа. Да, разрешение на переход от командующего флотом было получено. В дезертирстве его никто не упрекнет. Но не лучше ли было разделить судьбу бойцов оставшегося гарнизона?

Около 170 человек, не считая экипажей катеров, эвакуировались на этих катерах на Хийумаа.

Днем 3 октября на командный пункт Северного укрепленного сектора срочно вызвали командира и штурмана ОБРа. Как вспоминает лейтенант Т. М. Кудин, их встретил полковник А. С. Константинов. Здесь же находились перешедшие с Сааремаа комендант БОБР и его комиссар.

Приказ был краток. В ночь на 4 октября на катерах, базировавшихся на Хийумаа, выйти к Церелю — южной оконечности Сырве, в районе кирки Ямая снять штаб 3-й отдельной стрелковой бригады и максимальное число бойцов, а в следующую ночь вернуться обратно.

На острове собрали восемь катеров КМ. Это были небольшие тихоходные катера, вдобавок с изношенными

ми моторами. Многие имели повреждения от налетов авиации, были залатаны на скорую руку. Из навигационного оборудования катера имели всего лишь магнитные компасы.

Командиром отряда КМ назначили капитана 3-го ранга П. А. Яковлева.

От Лехтмы до Цереля по прямой более 70 морских миль (более 125 километров). А морем этот путь увеличивается почти в два раза. Если учесть, что катера, приняв людей, должны были совершить обратный переход на Хийумаа, совершить его в штормовых условиях, ведя борьбу с вражеской авиацией, станут понятны трудности этого боевого задания.

Вечером собранные в Лехтме катера вышли в море. На Балтике не стихал осенний шторм. Старые, выдавшие виды моторы часто выходили из строя. Ожидая устранения неисправностей, весь отряд ложился в дрейф или становился на якорь.

К утру 4 октября отряд смог пройти лишь четверть пути и укрылся от шторма у полуострова Кыпу. Катера были замечены вражеской авиацией и подверглись ожесточенным налетам. Часть из них получила новые повреждения.

Одновременно со сбором катеров КМ в Лехтме 3 октября в бухте Рейги инженер-капитан 3-го ранга В. С. Кравченко передал находившимся там командирам мотобота № 1 и катера «Свеаланд» приказание коменданта следовать на Церель. «Свеаланд» — речной трамвай, до войны поддерживающий сообщение между островами Моонзунда, с началом боевых действий превратился в сторожевой катер, несший дозорную службу у Хийумаа. Сейчас командование Береговой обороны надеялось, что с помощью речного трамвая можно будет снять часть оставшегося на Цереле гарнизона.

У мотобота № 1 пошаливал мотор. В районе пролива Созлавейн он вышел из строя. Повреждение удалось быстро устранить, и мотобот продолжал следовать в кильватере за «Свеаландом». Прошло еще несколько часов. Вновь мотор мотобота отказал, на этот раз окончательно. Семь человек команды вместе с командиром, затопив свое суденышко, перешли на «Свеаланд».

Разные люди служили на островах Моонзунда. Много среди них было подлинных героев, но нашлись и

такие, которые ради спасения своей жизни махнули рукой на судьбу товарищей. Таким оказался командир речного трамвая.

Утром 4 октября, находясь, по его рассказу, в 30—40 километрах от Цереля, вместо того чтобы выполнить боевое задание и снять часть гарнизона, он малодушно повернул к берегам Швеции, где и был интернирован. Позднее командир пытался оправдать свои действия тем, что считал весь остров Сааремаа занятым фашистами, а на обратный переход у него не хватило бы горючего.

Вечером того же дня командование Береговой обороны выслало к Церелю два торпедных катера под командованием капитан-лейтенанта Осипова, буксир «Этта» и небольшой металлический катер МБЛ-3. Определив по скоплению плавсредств на Хийумаа, что готовится эвакуация, гитлеровцы сосредоточили у Соэлавейна и западного берега Сааремаа миноносцы.

Ветер стих, но мертвая зыбь раскачивала посланные катера. Вскоре были обнаружены силуэты вражеских кораблей; чтобы избежать с ними встречи, торпедные катера отвернули. По орудийным всполохам, отраженным облаками, установили, что бои на Цереле продолжались. Катерники надеялись, что смогут обойти вражеские корабли с запада, но неожиданно впереди заметили силуэт миноносца. Пришлось вновь менять курс. Для увеличения дальности плавания на специальных стеллажах были установлены бочки с бензином. После того как горючее из них расходовалось, их сбрасывали за борт. Во время одного резкого поворота с кормы сорвало бочки с бензином и унесло в море. Разыскивать их ночью было делом бесполезным.

Несколько раз фашистские корабли открывали огонь, пытаясь потопить прорывающиеся на юг катера. Советским морякам приходилось менять курс. К тому же начали перегреваться подшипники, подходило к концу горючее. Проведя в море около четырех часов и убедившись в невозможности прорваться к оставшемуся гарнизону, в час ночи 5 октября капитан-лейтенант Осипов принял решение возвращаться в базу.

Утром противник заметил и потопил буксир «Этта», на котором находился лейтенант Петров, командир катера Васильев и 7 человек команды. Личный состав выловили из воды и отправили в лагерь для военнопленных.

Между тем катер МБЛ-3, погромыхивая дизелем, продолжал движение к Сааремаа. Штурманское обеспечение перехода было поручено гидрографу, одному из участников проводки крейсера «Киров», лейтенанту Т. М. Кудинову. Чтобы на переходе старенький дизель работал бесперебойно, был послан инженер-механик К. К. Роговцев. На катере вышел в море военный комиссар охраны водного района на Хийумаа политрук И. А. Кострикин. Расчет экипажа катера был прост и правилен. Они решили со стороны моря обойти вражеские корабли, спуститься до параллели Церельского маяка, а затем повернуть к Сырве. Фашисты вряд ли будут искать советские катера вдали от берега. Предполагалось, что под утро катер подойдет к полуострову, замаскируется в камнях у берега, а с наступлением темноты, забрав людей, выйдет обратно. Несколько раз и на МБЛ-3 замечали на горизонте вражеские корабли. Те вспышками фонаря запрашивали их позывные, пускали ракеты, но маленький кораблик, который вели простые мужественные люди, под покровом ночи настойчиво продолжал движение на юг. Шли по компасу. Видимые вспышки разрывов, пожары на полуострове помогали ориентироваться.

Утром, когда берег полуострова Сырве был уже совсем близко, советский катер атаковали «лапотники» — вражеские гидросамолеты. С головной машины выпустили две ракеты, требуя в ответ опознавательные. Взяв курс на берег, маленький катер бесстрашно открыл огонь из пулеметов. Перевес сил был явно на стороне противника. Первым на МБЛ-3 тяжело ранило матроса-пулеметчика. Затем от взрыва топливного бака получили сильные ожоги мотористы. Загоревшийся катер, отстреливаясь из единственного неповрежденного пулемета, приближался к берегу.

Сделав над катером до двадцати заходов, сбросив на него несколько бомб, вражеские самолеты улетели. От близкого взрыва заклинило руль. МБЛ-3 в клубах дыма выскочил на камни.

Один из участников этого перехода, Константин Кондратьевич Роговцев, в своих воспоминаниях приводит интересные подробности о судьбе катера и его личного состава.

«В ледяной воде мы снесли на берег убитых и раненых и погасили пожар. Катер до того накалился, что

на палубе кипела вода. При осмотре оказалось, что, если нам удастся стащить МБЛ-3 с камней, заделать пробоины и достать немного бензина для запуска мотора, задачу свою мы еще сможем выполнить.

Вскоре над катером появился очередной вражеский самолет. Снова поврежденный катер был подожжен. От огня взорвался второй топливный бак. С этим взрывом рухнула последняя надежда на возвращение. На берегу к нам подошли командиры и политрук зенитной батареи, недавно взорванной ими. С ними было трое краснофлотцев. Командир сообщил, что в километре находится лазарет, и рекомендовал везти раненых туда. В кустах орешника стояла замаскированная машина-полуторка.

Один из краснофлотцев сел за руль. Мы посадили людей на машину, но она успела отойти метров на триста, как была атакована вражеским истребителем. Шофер свернул в кусты. Какова судьба раненых, я не знаю, так как в это время мы заметили фашистов, идущих навстречу нам двумя цепями. Нас было шестеро, их до роты. Исход боя был ясен. Поэтому, отойдя к ближнему дзоту, мы прежде всего уничтожили наши документы, а затем решили драться до последнего патрона. Кроме пистолетов да двух ручных гранат, другого оружия у нас не было. Прибрежная полоса, на которой находился дзот, видимо, когда-то была заболочена. Для осушки ее к морю метрах в десяти от дзота проходила канава. По этой канаве фашисты обошли нас с правого фланга, а мы ждали тех, которые двигались по открытой местности. Первым немцев в канаве заметил командир батареи, зарывший в землю свои ордена. Он швырнул в них гранату. Немцы ответили тем же и обстреляли нас из автоматов. В этом коротком бою командир батареи был убит, я осколками гранаты ранен в ногу и голову, лейтенант Кудинов получил ранение в голову».

Так мужественный экипаж маленького МБЛ-3, проравшись к Сааремаа, сам оказался в плену.

Через несколько дней к Сырве вновь вышли балтийцы. Правда, из-за недостатка горючего командование послало только один торпедный катер. Советские моряки обошли корабли противника со стороны моря, миновали вражеские дозоры и достигли полуострова. Однако на берегу, в районе Цереля, было темно и тихо. При-

ближался рассвет. У моряков, стремившихся спасти своих товарищей от фашистского плена, не оставалось другого выхода — пришлось безрезультатно возвращаться обратно в Лехтму.

Между тем рыбацкая лодка, вышедшая от полуострова Сырве в ночь на 5 октября с сотрудниками редакции газеты «На страже», все еще находилась в море, пытаясь добраться до Хийумаа. Кроме редактора Крылова и его помощников Максимова и Веденского, в лодке находились политрук Егоров, техник-интендант 2-го ранга Борисов, шофер младший командир Смирнов и несколько человек из Береговой обороны.

Вскоре подвесной мотор на лодке скис. Пришлось идти на веслах, по очереди сменяя друг друга. На рассвете лодка подошла к небольшому островку. Днем двигаться на север было рискованно. Решили высадиться на островке, спрятать шлюпку, в кустах отсидеться день, а ночью двигаться дальше. Вышли с оружием: никто не знал, что это за остров, есть ли на нем противник.

Когда стало совсем светло, оказалось, что моряки за ночь прошли менее половины пути. Они высадились близ Кихельконны. При погрузке в спешке забыли о продуктах. На лодке оказалось всего несколько селедочек. Для двенадцати мужчин, которые провели часть ночи за веслами, такая пища была каплей в море. После селедки стала мучить жажда. Кто-то пошел разыскивать на островке воду. С маяка Вильсанди моряков заметили, обстреляли из винтовок. Вскоре от маяка к Сааремаа отошла шлюпка. Моряки в кустах протирали винтовки, готовили гранаты к бою. Они ждали, что скоро придут фашисты. Но до ночи положение не изменилось. С наступлением темноты моряки стащили в воду шлюпку и опять двинулись на север. Ночь была хмурая, моросил дождь. Полярной звезды не было видно. Утром лодка подошла к высокому гористому берегу. Радость наполнила сердца защитников. Еще бы! Опасный путь остался позади. Они у своих на Хийумаа.

Каменистый берег не позволил лодке подойти близко. Метрах в ста моряки выпрыгнули в холодную воду и, таща за собой на берег шлюпку, промокшие, но бодрые, вышли на остров.

Рассветало. Невдалеке виднелись домики. Чтобы быстрее разыскать штаб Северного укрепленного секто-

ра, они разбились на две группы и двинулись по берегу в разных направлениях.

Оборванный телефонный провод, лежавший поперек дороги, насторожил всю группу. Появились опасения: а если они ошиблись?

Крылов предложил товарищам зайти в наиболее бедный дом, откуда поднимался дымок. С оружием в руках они осторожно постучали. Открыла хозяйка, в страхе отступила перед вооруженными, потом, узнав советских моряков, обрадовалась, пригласила в дом.

Их опасения полностью оправдались. По ошибке лодка подошла не к Хийумаа, а к северной оконечности острова Сааремаа. Хозяйка подбросила дров в печь, накрыла на стол, предложила снять мокрое обмундирование, обсушиться. Фашисты были здесь два дня назад и ушли обратно на восток. Они были милях в восьми — в Триги.

Моряки посовещались. Было решено позавтракать, днем укрыться в лесу, а с наступлением темноты перейти через Соэлавейн на Хийумаа. Но их планам не удалось осуществиться. Когда все они, полураздетые, сидели за столом, в доме зазвенели разбитые стекла. На моряков направили стволы автоматов. Видимо, враги заметили, как подходила шлюпка, и выследили их.

Связанных, избитых балтийцев вытащили из дома и повели под охраной автоматчиков к машине. Через неширокий пролив всего в нескольких милях они увидели берега острова Хийумаа.

Глава X

БОИ НА ОСТРОВЕ ХИЙУМАА

К началу войны на острове Хийумаа — втором по величине острове Моонзундского архипелага, находился Северный укрепленный сектор БОБР, который возглавлял полковник А. С. Константинов. Военкомом был полковой комиссар М. С. Биленко.

К боям на острове готовились. Именно поэтому старались на попутных самолетах вывезти на Большую землю раненых при обстрелах и бомбежках. С медиками на острове было негусто, поэтому и распорядился

комендант в качестве сопровождающих раненых отправить женщин, прибывших на остров на торпедных катерах. Так Мария Яковлевна Щербакова, оставившая на Сааремаа мужа и пятимесячную дочь, оказалась сперва в Тихвине, а потом и в Северном Казахстане. Туда отправили эвакуированных с Моонзунда.

Командование Краснознаменным Балтийским флотом считало, что в случае высадки крупных сил противника небольшой гарнизон острова не сможет долго бороться с врагом. Было приказано штабу военно-морской базы Ханко разработать план эвакуации защитников острова Хийумаа.

Бои здесь могли лишь сковать значительную группировку противника, ослабить, задержать ее переброску на восток. Но и это было очень важно в ту тяжелую осень.

Хотя ценой огромных потерь гитлеровцам удалось захватить остров Сааремаа, но еще долго на оккупированном острове продолжали сопротивление разрозненные группы. Они думали не только о себе. Они пытались помочь и товарищам. Так, 12 октября 1941 года, за несколько часов до высадки вражеского десанта на остров Хийумаа, кто-то с северного берега Эзеля на еще не занятый остров передал электрическим фонарем: «Ждите немцев сегодня». Текст этот остался записанным в журнале боевых действий Северного укрепленного сектора. Но кто, рискуя жизнью, его передал, так и осталось неразгаданным.

На рассвете 12 октября, сосредоточив крупные силы, фашисты начали высадку на юго-восточное и юго-западное побережье острова Хийумаа. На западе, в районе Нурсте, подошел на тридцати катерах усиленный батальон. Пост наблюдения и связи, находившийся в этом районе, вступил с десантом в бой, но задержать противника, конечно, не смог.

Одновременно в районе Теркма с пятнадцати самоходных барж начала высадку восточная группировка численностью до усиленного полка. Так началась операция «Зигфрид» по захвату острова Хийумаа.

Гул ночного боя медленно нарастал. Командир 44-й береговой батареи старший лейтенант Михаил Александрович Катаев пытался по этому гулу определить, с какой стороны надо ждать врага.

Вместе с глухими ударами разрывов авиационных

бомб и тяжелых снарядов уже отчетливо слышались пулеметные и автоматные очереди, отдельные винтовочные выстрелы, заглушаемые частыми хлопками вражеских мин.

Высаженный на острове Хийумаа фашистами десант старался зайти в тыл оборонительному рубежу и уничтожить батарею, чтобы обеспечить успех наступления на север острова.

Последние несколько дней орудия Береговой обороны, прикрывающие вход в пролив Созлавейн, подвергались атакам с воздуха. Часто фашисты их обстреливали и с соседнего, уже занятого ими острова Сааремаа.

Вражеские самолеты бомбили и штурмовали берег. А 44-я батарея пока вынуждена была молчать. Темно-та скрывала противника.

Сзади за лесом, разгораясь и затухая, несмело поднялось колеблющееся зарево. Горело где-то в районе поселка Эммасте. Среди вершин деревьев то выступал, то снова таял в темноте шпиль кирки.

Командир был спокоен за батарею. Подходы к ней заминированы. Доты преграждают путь к огневым позициям. Проволочные заграждения протянулись через всю территорию. Недаром с началом войны весь личный состав, стирая руки в кровь, работал день и ночь, достраивая батарею, создавая сухопутную оборону. Да что личный состав — жены командиров и сверхсрочников во главе с энергичной женой военкома Антониной Ивановной Паршаевой тоже вышли укладывать бетон.

Позиция батареи была выбрана удачно — на небольшой возвышенности в молодом лесу. А сейчас вот сиди и жди, когда наступит рассвет. Корректировщик батареи лейтенант Стефан Шалаев ничего не видел в море.

Сзади пожар разгорался. Теперь можно было заметить, что горит не один дом. Или глаза командира привыкли к темноте, или от багрового зарева посветлело, только старший лейтенант стал различать деревья и впереди себя. Листьев на них почти не осталось. Пока здесь мирно пахло прелью и грибами. А весной воздух на батарее был напоен ароматом ландышей. Столько ландышей, как на Хийумаа, старший лейтенант еще нигде не видел.

Он мечтал перевезти сюда своих стариков из Кировской области и младшего братишку Витьку — вот было

бы ему раздолье в здешних местах у моря. Но война изменила все планы.

Из-за деревьев показался человек. По высокой богатырской фигуре Катаев безошибочно узнал старшину батареи С. П. Антонова.

— Товарищ старший лейтенант, получено донесение: инженерный батальон отходит. Фашисты сосредоточили крупные силы в районе кирки.

Старший лейтенант направился к командному пункту. Над его головой с воем пронесся вражеский снаряд и разорвался где-то на берегу. «Начинается!» — возбужденно подумал Катаев, взглянув на светящийся циферблат часов. Было семь часов утра.

Наступал хмурый осенний рассвет. Нелегким выдался этот день для батарейцев. И раньше, обстреливая вражеские войска на Сааремаа, они неоднократно подвергались налетам фашистской авиации, по ним была артиллерия. Но такого еще никогда не бывало.

Снаряды выворачивали деревья, поднимали в воздух горы песка. Вражеские истребители на бреющем полете проносились над огневыми позициями. Мирных запахов прели и грибов как не бывало. Теперь после частых разрывов тянуло дымом и горькой гарью.

Когда рассвело, артиллеристы увидели вражеские корабли. Часть из них вела огонь по батарее, а на горизонте крейсер и четыре эскадренных миноносца обстреливали маяк Ристну.

Между тем к 44-й стали отходить остатки инженерного батальона капитана А. П. Морозова, занимавшего оборону в районе Эммасте.

Десантники рвались к береговой батарее. Они надеялись одним броском захватить орудия, огонь которых не давал возможности подбросить подкрепления*.

Теперь перед автоматчиками на пути к батарее встали несколько пулеметных дотов, которые прикрывали отход батальона на север.

Военком батареи старший политрук Иван Васильевич Паршаев по боевому расписанию руководил сухопутной обороной.

Днем запыхавшийся политрук появился на команд-

* В. Мельцер писал, что огонь русской батареи был настолько точен, что «соединение вынуждено было отойти, не закончив высадки». И только к 10 утра ему снова удалось приблизиться к берегу.

ном пункте. Где-то за деревьями рвались бомбы, и при каждом ударе струйка песка с потолка сочилась на цементный пол.

— Михаил Александрович, — обратился Паршаев к командиру, — из крайнего дота доложили, что фашисты с десантом направляются к пирсу Сыру.

— К Сыру, говоришь? Обнаглели, гады. Думают, что удалось подавить нашу батарею.

Вскоре первые вражеские катера, переполненные десантниками, действительно приблизились к пирсу Сыру, расположенному близ 44-й батареи. Видимо, враги рассчитывали, что, высадив здесь десант, они обойдут пулеметчиков и прорвутся на огневую позицию.

Но этого не случилось. Батарейцы открыли огонь как раз тогда, когда фашистские солдаты появились на пирсе. В воздух полетели обломки дощатого настила и катеров. А тех немногих, кому удалось все-таки достичь берега, навсегда уложили из дотов пулеметчики.

Не добившись успеха у Сыру, гитлеровцы снова вызвали на помощь авиацию. Опять выли над головами артиллеристов бомбы и сотрясалась земля. Отряд фашистских кораблей приблизился к батарее. Это были сторожевые корабли и тральщики.

44-я теперь вела огонь по ним.

С первых же залпов у борта флагмана взметнулись белые столбы всплесков. Пытаясь затруднить пристрелку, фашистский корабль изменил курс. Но на батарее были опытные артиллеристы. Снова всплески разрывов встали у флагмана. Фашистам пришлось поставить дымовую завесу и отходить в море. Позднее они были вынуждены признать, что в головной корабль попал снаряд русской береговой батареи.

Тем временем и на 44-й появились первые потери.

Патроны по дотам разносил скромный повозочный краснофлотец Дуров. Несколько дней назад во время налета была убита его лошадь. Поэтому Дуров на себе перетаскивал цинки с патронами, пулеметные диски. У пролива осколок вражеской мины оборвал его жизнь. Осколком снаряда был ранен шофер Михаил Денисенко, получили тяжелые ранения и еще несколько человек.

После новой бомбежки и интенсивного артиллерийского обстрела фашистские автоматчики пошли на

штурм батареи. И тут навстречу врагу поднялся младший лейтенант Михаил Логунов:

— За мной, товарищи!

Рядом с ним встал комсорг батареи Рахманов. Дружно вскочили на ноги защитники батареи и бросились на врага.

Автоматчики не приняли штыкового боя и отошли, потеряв много убитых, оставив на месте боя раненых.

Подходы к дотам были заминированы. Только ценой огромных потерь фашистам удалось занять первую линию обороны. Особенно много вражеских трупов осталось на проволочном заграждении. Батарейцы вынуждены были отойти к своей огневой позиции.

Командир батареи доносил в штаб: «Нахожусь в окружении. Противник занял городок. Веду бой. Подвергаюсь обстрелу, бомбит авиация. Коды сжигаю. Давайте открыто».

Командование обороной острова разрешило мужественным артиллеристам с наступлением темноты взорвать батарею и прорываться для соединения со своими частями на север к полуострову Тахкуна, где проходил главный оборонительный рубеж.

Когда об этом стало известно командиру центрального артиллерийского погреба сержанту Федору Попову, он заявил, что никуда не уйдет и погибнет вместе со своей батареей. Можно понять этого человека, вложившего столько труда в свою батарею, воевавшего на ней, человека, который решил до конца не покидать своего поста.

Он подготовил погреб, где хранились боеприпасы для взрыва. Как рассказывали его товарищи, комсомолец Попов перед взрывом погреба закурил и сам задрал за собой бронированную дверь.

Когда фашисты вступили на батарею, глыбы бетона взлетели в воздух. Они крушили орудия батареи, разрушали уцелевшие приборы. Вместе с батареей геройски погиб сержант Федор Попов.

Подошли сумерки. Темнота помогла батареяцам собраться вместе для прорыва и в то же время позволила нескольким вражеским автоматчикам незамеченными просочиться к самому командному пункту. Стоило только приоткрыть дверь КП, как поблизости раздавалась короткая очередь, и разрывные пули, разбрызгивая искры, дробно били о броню.

На помощь пришли старшина батареи Антонов и пулеметчик краснофлотец Есиков. К командному пункту они выкатили пулемет «максим». Тщательно прицелившись, дали несколько очередей. Одна за другой, ломая ветви, вражеские «кукушки» сорвались на землю. Путь отхода с командного пункта был свободен.

Уничтожив документы 44-й, Катаев передал последнюю радиограмму: «Связь с вами кончаю. Командир батареи». Часы показывали 18 часов 20 минут. Почти двенадцать часов вела батарея бой с фашистами.

Оглохшие от непрерывной канонады, штыками и гранатами пробившись батарейцы на север к своим товарищам. Раненых они вынесли с собой. Да и не только раненых. Даже пулемет могучий старшина батареи Антонов вынес на своих плечах.

Прикрывая отход товарищей, краснофлотец Серебрянский оказался окруженным вражескими солдатами в доте. Видя, что спасения нет, моряк подпустил врагов поближе, а потом бросился на них со связкой гранат.

Сообщая о боевых действиях на юге Хийумаа, командование Северным укрепленным сектором представило к наградам многих уцелевших защитников 44-й батареи. В числе первых для награждения орденом Красного Знамени были названы старший лейтенант Катаев, старший политрук Паршаев, старшина батареи Антонов.

Кроме артиллеристов 44-й батареи, южное побережье острова обороняли подразделения 33-го инженерного батальона. Утром им пришлось вступить в бой с десантниками. Произошло это у хутора Винтри. Стойко дрались советские бойцы, но фашисты обошли их. Пришлось с боем прорываться на север. В ночь на 13 октября рота лейтенанта И. Ф. Найденова заняла оборону у местечка Яусы, прикрывая с юга подходы к крупному населенному пункту Кяйна. Дальше находился островной аэродром. Именно туда ждали обещанную с Большой земли помощь.

Местность была удобной для обороны: с одной стороны море, с другой — болото. Фашисты могли идти только по дороге. К тому же рубеж строила их рота — бойцы знали здесь каждую тропинку.

У развилки дорог рожим осенним холмом возвышался дзот. Его заняли пулеметчики сержанта Понтуса. Времени произвести пристрелку хватило. Поэтому, ког-

да на дороге появились фашистские солдаты, их встретили метким огнем.

Начальник штаба батальона старший лейтенант Родовский передал командиру: «Задержать продвижение немцев по дороге на Кяйну». И бойцы мужественно отбивали все атаки фашистов. Уже перестрелка раздалась где-то в тылу в направлении Кяйны, а они не оставляли рубежа. Фашисты предприняли еще две атаки. В одной из них погиб пулеметчик Понтус. Лейтенант Найденов выслал на север разведчиков. Прошло несколько часов, как пропали во мраке сержант Криворученко с бойцами, а известий от них не было. Наконец мокрые, замерзшие, четыре разведчика появились перед командиром. Вести, которые они принесли, не радовали. Фашисты по другой дороге обошли Яусу и вели бой уже где-то у Нымбы. Аэродрому грозила опасность, а рота оставалась отрезанной от своих. Криворученко доложил, что в соседней деревне разместился штаб немецкой части. Разведчики установили места, где стоят часовые. Командир роты внимательно выслушал Криворученко, подробно расспросил его бойцов. План прорыва уже вырисовывался перед ним.

Ночью рота оставила рубеж и, соблюдая меры предосторожности, вышла к берегу. Только небольшая группа во главе с Криворученко снова отделилась от всех и скрылась в темноте. Через час бойцы слышали два сильных взрыва. Багровое пламя взлетело в небо, на низких облаках затрепетало зарево. Потом стали слышны беспорядочные выстрелы. Дерзкий налет на штаб отвлек внимание гитлеровцев. Рота лейтенанта Найденова пробилась к своим.

Упорные бои продолжались по всему острову Хийумаа. Особенно ожесточенными они были у острова Кассар, соединенного с Хийумаа дамбой, у поселков Кяйна и Нымба. Тут фашистов удалось остановить на несколько суток.

Среди отличившихся при обороне южного берега Хийумаа скупые строчки боевых донесений называют капитана Георгия Антоновича Горюнова и его бойцов. Долгое время считалось, что сам капитан погиб в холодных волнах, раненным пытаясь переплыть на остров Кассар. За отвагу посмертно он был награжден орденом Красного Знамени. Подлинными героями этих же боев стала рота капитана Михаила Ивановича Голованя.

Ведя упорную борьбу с танкетками противника, она отошла в район Нымбы. Головань принял командование над разрозненными группами, прорвавшимися с юга.

Вот что писал в те дни комендант Северного укрепленного сектора: «Двое суток сдерживали натиск врага бойцы капитана Голованя. 15 октября, уничтожив свыше 300 гитлеровцев, несколько противотанковых орудий и до 5 танкеток, они перешли в наступление... На следующий день, когда немцы бросили батальон в тыл отряда Голованя, ему было приказано отходить на Тахкуну. В ночь на 17 октября с боем через вражеское кольцо прорвался отважный командир со 120 бойцами и одной 76-миллиметровой пушкой. В боях за Кяйну и Нымбу противник потерял убитыми свыше 700 человек».

Говоря об операции «Зигфрид» (так фашисты называли захват острова Хийумаа), Вальтер Мельцер в своей книге отмечает, что наступающий в районе Нымбы батальон «был остановлен и даже с помощью 176-го и 151-го пехотных полков оказался не в силах сломить вражеское сопротивление».

12-я береговая батарея стояла на северо-восточном побережье острова. Во время сентябрьских боев она вела огонь по Вормси, позднее стреляла по кораблям противника и высадившемуся десанту. Когда враги подошли вплотную, орудия ее были взорваны, личный состав занял сухопутную оборону. Несколько дотов и дзотов, заблаговременно созданных на территории батареи, теперь особенно пригодились.

Противник отрезал все дороги. Перед боем личному составу батареи было передано: «Батарея в окружении. Наша задача — израсходовать весь боезапас и уничтожить побольше врагов».

Бой длился весь день. С наступлением темноты политрук батареи М. С. Кравец вывел из разбитого дзота раненых Т. А. Хейнолайнена и А. Я. Чистякова. Они едва двигались и просили оставить их, не рисковать. Но Кравец был настойчивым и мужественным человеком, он не бросил товарищей. Им удалось незамеченными пробраться через вражеский заслон, выйти на безлюдную дорогу. Горечь и гнев переполняли сердца артиллеристов. Они дрались неплохо, но разве остановишь противника, имея лишь личное оружие, — пришлось отступить. Они шли к Тахкуне, туда, где еще кипели бои.

Около месяца назад лейтенант Александр Яковлевич Чистяков воевал на острове Вормси. Небольшому гарнизону этого острова, усиленному подкреплением с Хийумаа, в числе которых был и Чистяков, не удалось сбросить фашистский десант в море. Раненый Чистяков вместе с уцелевшими на Вормси вернулся обратно на Хийумаа.

Он лежал в госпитале. Но обстановка заставила всех, кто мог носить оружие, выписаться досрочно и вернуться на свои посты.

В это время в жизни Чистякова произошло важное событие: лейтенанту прямо на передовой вручили новенькую красную книжечку — партийный билет.

И вот теперь молодому коммунисту, чей партийный стаж измерялся днями, приходилось тайком пробираться по лесу, опасаясь вражеской засады.

Шум приближавшихся машин заставил всех троих залечь в кустах. С включенными фарами, словно у себя дома, по дороге двигались две крытые вражеские машины.

— У кого есть гранаты? — спросил политрук.

Чистяков протянул ему гранату. Вторая оказалась в кармане у Кравца.

Не сговариваясь, товарищи укрылись в кустах. В темноте лязгнули затворы винтовок. И когда до первой машины остались считанные метры, на дорогу полетели одна за другой две гранаты. В свете фар было видно, как кувыркались они в воздухе, как подняли пыль на дороге. Шофер заметил, затормозил. Фары передней машины погасли. Кто-то выскочил из кабины, закричал, раздались два взрыва, особенно громкие в лесной тишине.

Крики, стоны, беспорядочная стрельба. Вторая машина, остановившись, тоже выключила свет.

Минут десять солдаты, залегшие у машины, безрезультатно били по темным деревьям. Чистяков и Хейнолайн хотели ответить им из винтовок, но политрук пригнул стволы к земле: три винтовки не нанесут большого вреда двум взводам автоматчиков, а только выдадут их.

Когда стрельба прекратилась, фашисты, не зажигая фар, перетасили убитых и раненых из первой машины во вторую. Вторая развернулась, взяла поврежденную машину на буксир и двинулась обратно.

Замер гул моторов. Три артиллериста снова вышли на дорогу и двинулись к Тахкуне. И странно, или раны стали у них меньше болеть, или сил прибавилось, но шли они бодрей, уверенные, что пробьются к своим.

17 октября советский гарнизон отошел на главный рубеж обороны в северной части Хийумаа. 12 дотов пересекли весь 9-километровый полуостров Тахкуна. Перед ними для лучшего обстрела вырубил лес, поставили проволочные заграждения, заминировали лесные завалы. Здесь защитникам Моонзунда предстояло дать последний бой.

В эти дни командир одной из зенитных батарей лейтенант Александр Алексеевич Иванов был послан в разведку. Вместе с ним пошли матрос его батареи и рекомендованный штабом опытный моряк-разведчик, показавший себя во время боев храбрым и находчивым бойцом.

Собрав важные сведения, моряки отходили к своим. По болоту они пересекли линию обороны. Неподдалеку находился разрушенный хутор. Попутно решили осмотреть его. Лейтенант вышел из-за деревьев к колодцу. В это время разведчик выскочил вперед, заслонил Иванова и вскинул винтовку. Два выстрела прогремели одновременно. Разведчик качнулся, его бескозырка упала в колодец. Иванов бережно опустил раненого на землю.

Оказалось, что на хуторе находился вражеский наблюдатель. Пуля, предназначенная командиру, попала в матроса. Положив раненого моряка на плащ-палатку, моряки принесли его к своим и поместили в госпиталь. Позднее он был эвакуирован на Большую землю. Установить фамилию этого самоотверженного балтийца, заслонившего собой офицера, пока не удалось.

* * *

Коротки слова приказа.

— Раненых необходимо отправить на Ханко. Осмотрите шхуну «Мария». Нужно подготовить ее к плаванию. С вами пойдет взвод бойцов.

На остров Хийумаа инженер-механик Дмитрий Иванович Тананыкин попал не как военный человек, а как один из строителей Береговой обороны. Но началась война, и он вместе со своими товарищами-строителями

стал делать то же, что и весь островной гарнизон. И сейчас приказ подготовить шхуну был отдан ему так, как любому военному.

«Мария» стояла у пирса Лехтма. Это была довольно вместительная шхуна, машины ее были исправны. Хоть сейчас выходи в море. Не было только пассажиров. Вскоре и они начали прибывать. Первая машина привезла раненых.

Посадка на шхуну затянулась. Заканчивать ее пришлось уже в открытом море, куда «Мария» вышла, подвергаясь сильному артиллерийскому обстрелу. Грузили со шлюпок и катеров не только раненых. Началась эвакуация всего гарнизона.

Ночью «Мария» вышла, держа курс на остров Осмуссар. Идти прямо на Ханко мешали минные поля.

Вместе с другими подразделениями островного гарнизона учебная рота 36-го инженерного батальона, которой командовал Михаил Петрович Троязыков, размещалась на восточном берегу полуострова Тахкуна. Перед ними стояла задача: прикрыть дорогу, ведущую с Кярдлы пристань Лехтма осталась единственной на острове, куда еще могли подойти катера с Ханко для эвакуации гарнизона.

Дот у перекрестка дорог занимал пулеметный расчет старшего сержанта Гетманцева. Перекресток был минирован, а провода от минных полей вели в дот. Проявив исключительное хладнокровие, Гетманцев выждал, когда фашисты с сопровождающей их бронемашинной вступили на минированный перекресток, и замкнул контакт. Группа гитлеровцев вместе с машиной взлетела на воздух.

Фашисты подтянули пушки и принялись прямой наводкой расстреливать дот. Снаряд попал в амбразуру. В расчете Гетманцева появились раненые. Оставив полуразрушенный дот, Гетманцев вытащил пулемет в траншею и приготовил его к отражению атаки. Когда цепь гитлеровцев с гиканьем и свистом поднялась из придорожной канавы, их снова встретил меткий огонь пулемета. У оглохшего пулеметчика сочилась кровь из ушей и носа, но он вместе с ранеными товарищами не оставил боевого поста.

Участники боев рассказывают о мужестве старшего лейтенанта Лосянникова из того же 36-го инженерного

батальона. Здесь же, у Лехтмы, шесть фашистов окружили советского командира. Гитлеровцы не сомневались, что русский сдастся. Но в руках у старшего лейтенанта была винтовка. Он разрядил ее в гитлеровцев.

С утра 19 октября фашисты начали наступление по всему фронту. Особенно большие силы они бросили для захвата Лехтмы. С потерей последнего пирса эвакуация гарнизона становилась очень сложной. Оборону в этом районе держала рота Владимира Тихомирова. Командира роты хорошо знали на Хийумаа. Он выступал на всех концертах самодеятельности, пел цыганские романсы.

В этом бою командир был смертельно ранен. Зная, что его дни сочтены, он тем не менее и в госпитале подбадривал товарищей, шутил, что не сможет больше петь, так как фашистская мина разбила его гитару.

Позднее вражеским солдатам удалось прорваться к Лехтме. Уцелевших защитников они оттеснили в лес. Оказался среди них сапер Павел Алексеевич Козырев. Они решили пробиваться на Тахкуну, где еще продолжался бой. Но на дороге наткнулись на проходившую вражескую колонну, пришлось снова укрыться в лесу. На дорогу больше выходить не рисковали. Шли вдоль берега. И вдруг за мысом увидели шхуну. Она стояла на якоре. Людей на ней не было видно. Высланные вперед разведчики сообщили, что впереди немцы. На связанном из нескольких бревен плоту бойцы стали переходить на шхуну. Она стояла без команды. При осмотре оказалось, что и мотор ее неисправен. Но на шхуне был старый брезент. А среди отступивших находилось несколько моряков. Ночью они приспособили старое полотно вместо паруса, выбрали якорь. Младший лейтенант Федоров взял на себя откачку воды. За штурвал стал моряк с нашивками старшины 1-й статьи. Шхуна, подгоняемая попутным ветром, двинулась на север, туда, где находился полуостров Ханко.

Когда на Хийумаа начались бои на последнем оборонительном рубеже, Военный совет Краснознаменного Балтийского флота приказал снять оставшихся защитников и доставить их на полуостров Ханко.

В эвакуации участвовал дивизион сторожевых катеров типа «морской охотник», которым командовал капитан-лейтенант Г. И. Лежепеков. С наступлением темно-

ты в строю кильватера* катера дивизиона вышли в море. Замыкал строй МО-239. На нем находился командир звена старший лейтенант К. И. Шевченко. Шли без огней. Кругом стояла темень, лишь слабой звездочкой впереди покачивался затемненный кильватерный огонь. Приближался шторм. Волны все чаще и злее взлетали над катерами. Немало усилий прилагал опытный рулевой, чтобы точно держать катер на курсе. «Только бы не потерять из виду кильватерный огонь», — всматриваясь в спустившуюся темень, думал он. А волны, словно нарочно, старались сбить его с курса. И то, чего так опасался рулевой и все на катере, случилось. В ночи бесследно растаяла синяя точка, указывавшая путь МО-239. Позднее на катере узнали, что он погас во время шторма. Так МО-239 близ своей базы отстал от дивизиона. Идти к Хийумаа самостоятельно он не мог: сигналы для связи с берегом не были известны. И даже в базу моряки до рассвета не могли войти, так как входные створы не горели. Пришлось дожидаться утра.

Раздосадованные, вернулись они к пирсу. Скоро пришли тяжело груженные катера дивизиона. За ночь они успели пройти к Хийумаа, снять часть защитников и вернуться обратно. Днем МО-239 получил задание самостоятельно идти на Хийумаа за оставшимися на острове.

Учитывая, что вражеская авиация господствовала в воздухе, поход предстоял нелегкий. Но после неудачи ночью хотелось не отстать от товарищей.

Осеннее неприветливое море было пустынно. Только раз из-за облаков вынырнул «юнкерс» и направился к катеру, но, встреченный пулеметной очередью, отвернул, сбросил бомбы в стороне.

Неожиданно сигнальщик доложил:

— Слева по носу шхуна!

Действительно, на горизонте показалось небольшое суденышко. Катер изменил курс, направился к шхуне. «Наша или вражеская? Флага не видно, и на палубе ни единой души». Подозрительно. На мачте шхуны полочется парус странной формы. В бинокль рассмотрели, что это старый брезент со множеством дыр и заплат.

На МО-239 раздался сигнал боевой тревоги. Увеличив ход до полного, наведя орудия на шхуну, катер по-

* Строй кильватера — строй кораблей, идущих один за другим в одну линию и на одинаковом расстоянии.

шел на сближение. И когда до шхуны оставалось несколько кабельтовых, на палубе ее показались люди. Они бежали к мачте. Порывистый балтийский ветер развернул над суденышком красный флаг нашей Родины.

Это была та самая шхуна, которая вечером вышла с Хийумаа. О положении на острове они ничего сообщить не могли. Вчера на подходах к пристани Лехтма шли ожесточенные бои. Фашисты любой ценой пытались захватить единственный оставшийся в руках гарнизона пирс. Но это было почти сутки назад. А положение на острове менялось быстро.

Старший лейтенант Шевченко предложил кому-либо со шхуны перейти на катер. Один из моряков охотно прыгнул на палубу МО.

Посоветовав оставшимся на шхуне держать курс на остров Осмуссар, где находился советский гарнизон, «морской охотник» продолжал движение к Лехтме. По прогнозу к вечеру снова ожидалось ухудшение погоды. Когда подходили к Хийумаа, ветер засвежел. Остров открылся дымными столбами пожаров. Уже издалика стало ясно, что в северной части продолжались бои. Взлетали султаны взрывов, горели какие-то постройки на берегу. Только разве с катера различишь, где свои, а где фашисты?

Пирс Лехтма длинной стрелой вдавался в море. К нему вел узкий фарватер, проходящий между камней и банок. Уже можно различить ящики на пирсе. По берегу к катеру бежали какие-то люди. Командир звена замахал им руками, указывая на голову пирса, куда направлялся катер.

Зазвучал сигнал аврала. Быстро разбежались по своим местам краснофлотцы. Подходить было нелегко: крутая навальная волна могла разбить катер о пирс или повредить его.

Помощник командира катера младший лейтенант С. Г. Гончарук на баке руководил швартовкой. Тщательно подготовлены концы и кранцы. Застыли краснофлотцы, готовые выпрыгнуть на пирс.

Младшему лейтенанту хочется посмотреть, что делается на берегу, но воздух над головой временами почему-то гудит, а до пирса остаются считанные метры. Вот уже пятнадцать, десять. Заглушая все звуки, ревели моторы катера, переведенные на надводный выхлоп.

И в это время сильный толчок, взрыв. «Что произошло?» Младший лейтенант оглянулся. Над мостиком расходилось плотное облако гари. Потом он увидел фигуру политрука К. Погребинского. Пошатываясь, он что-то кричал Гончаруку.

На мостике никого не было видно. Моторы смолкли, и катер сносило на пирс. Младший лейтенант бросился к машинному телеграфу, рванул рукоятки на «полный вперед». Только сейчас он заметил, что пирс безлюден, а тот взвод людей, которые бежали по берегу, метрах в ста от катера ведет огонь из автоматов по МО-239. «Фашисты!»

Набирая ход, катер удалялся от пирса. Нужно было развернуться, чтобы лечь на обратный курс и выйти на чистую воду. Задача не из легких, если учесть, что вокруг встают вихри воды от разрывов мин и снарядов, а берег настолько близко, что даже очереди автоматов решают тонкие борта катера.

Только здесь, на мостике, младший лейтенант понял, что произошло. Вражеская мина попала в главный компас. Наповал был убит командир катера лейтенант А. П. Терещенко. На его груди капковый бушлат был разорван, а лицо залито кровью. Получил смертельное ранение в голову командир звена К. И. Шевченко. Были ранены еще несколько старшин и краснофлотцев.

Во время обстрела вышла из строя рация. Правда, радист Путов обещал установить связь с базой, но когда это еще будет!

— Прямо по курсу шесть катеров! Идут на нас!

Испытания для МО-239 продолжались. С катера запросили позывные, но ответа не последовало. Вскоре советские моряки определили, что к ним приближаются шесть вражеских катеров. Избежать боя поврежденный МО-239 не имел возможности. Лехтма была занята врагом, оставалось только одно — вступить в бой.

В это время на мостик взбежал радист:

— Есть связь с базой!

Гончарук приказал:

— Передайте: «Вступаю в бой с шестью вражескими катерами. Имею убитых и раненых. Лехтма занята противником».

О предстоящем бое младший лейтенант успел предупредить мотористов.

Катера противника приближались строем фронта. МО-239 стремительно шел на сближение с ними. Гончарук решил прорезать середину вражеского строя. С правого фашистского катера взлетела ракета. Сейчас же нити трасс понеслись навстречу «морскому охотнику».

— Поставить дымзавесу!

У пирса молодой офицер в пылу боя забыл о дымовых шашках. Сейчас он чувствовал себя уверенней, так же как точнее и увереннее действовал весь комсомольский экипаж МО-239.

Молочно-белый хвост, подхваченный ветром, пополз за катером. Советские моряки сосредоточили огонь на головном фашистском катере. Кипела вода вокруг «охотника». Воздух был наполнен свистом пуль и надсадным воем осколков. МО-239 несколько раз встряхнуло, но хода он не сбавил. Мотористы во главе с воентехником 2-го ранга К. И. Смирновым и старшиной группы мотористов С. П. Кулагиным оказались на высоте положения.

Прорезав строй, МО-239 стремительно разошелся с катерами противника. Зная, что фашисты непременно будут продолжать преследование, Гончарук положил МО-239 на обратный курс. Фашисты тоже повернули «все вдруг». Только теперь их три катера были скрыты за дымовой завесой и не могли вести огня, не рискуя нанести повреждения своим.

Снова на полном ходу МО-239 полетел навстречу противнику. Младший лейтенант решил повторить удавшийся маневр: прорезать строй фашистов, отсечь дымовой завесой один катер и на нем сосредоточить огонь.

Опять как на рытвинах подбрасывало «охотник». Снова звенели стекла разбитых иллюминаторов, пули решетили борта, стонали раненые. Но советским морякам блестяще удалось осуществить свой план: они отделили фашистского флагмана, и метрах в ста от МО-239 он взлетел на воздух. «Ура!» — прокатилось на катере.

Прорезав свою дымовую завесу, «охотник» снова устремился на противника. Еще один фашистский катер погрузился в воды Балтики. Третий от полученных повреждений потерял ход, на нем вспыхнул пожар. Не пытаясь больше продолжать бой, фашистские катера начали отход.

Между тем спускались сумерки. Посланные с Ханко

наши самолеты не нашли МО-239. Они заметили только четыре катера противника, отходивших к Хиуймаа.

После боя Гончарук осмотрел катер. Из трех моторов в строю остался только один. Через многочисленные пробоины, наскоро заделанные пробками, поступала вода. Вышли из строя все компасы, исковеркан проектор, едва держалась мачта.

Весь личный состав храбро вел себя в этом бою. Но подлинными героями были командиры отделений носового и кормового орудий старшины 1-й статьи Петр Черных, Александр Подлевский и краснофлотец-пулеметчик Василий Андруцкий. При всем личном составе Гончарук на верхней палубе расцеловал отличившихся.

Но и на этом испытании личного состава «охотника» не закончились. Предстоял переход в базу. А как это сделать без навигационных приборов, с окончательно выведенной из строя рацией, под одним мотором, с личным составом, среди которого было много раненых?

Как вспоминает Семен Григорьевич Гончарук, переход к Ханко в таких условиях был ничуть не легче самого боя. Стемнело, маяки не горели. Контуженный в бою молодой командир больше всего боялся вылететь на камни где-нибудь у финского берега и оказаться в плену.

Но советским морякам не в первый раз приходилось выходить победителями из трудных положений. Выдержали они и это испытание. Мотористы, возглавляемые Смирновым и Кулагиным, ввели в строй сперва один, а потом второй мотор. Поврежденный катер, зарываясь на волне, медленно направился в свою базу.

Ночью МО-239 вошел на рейд Ханко, донес о бое и о своих потерях и попросил оказать помощь. К пирсу «морской охотник» подвели на буксире.

На следующий день, когда осматривали катер, обнаружили большое число пробоин. Неравный бой МО-239 с шестью фашистскими катерами — это подвиг не только артиллеристов и пулеметчика «охотника». Это была победа всего комсомольского экипажа катера МО-239.

Большую помощь в обороне острова Хиуймаа и, в частности, в обороне Тахкуны оказала 180-миллиметровая башенная батарея капитана А. А. Никифорова.

Когда фашисты высадились на остров, батарея вела огонь сокращенными расчетами. Многие уже сражались на сухопутном фронте. Каждому артиллеристу приходилось управляться за двоих.

20 октября к 316-й батарее отошли все оставшиеся на полуострове. Бой на главной линии обороны продолжали отдельные окруженные доты. Рассказывают, что, когда капитану Никифорову было предложено эвакуироваться, он ответил: «Командир уходит последним».

Как вспоминает артиллерист Н. П. Кузьмин, в 20-х числах октября комсомольцы решили провести последнее комсомольское собрание. На него собралось немало бойцов из других подразделений, воевавших в районе батареи. Собрание состоялось близ командного пункта.

Где-то недалеко громыхало, клубился песок, поднятый взрывами бомб, над верхушками деревьев ползли рваные осенние тучи, а здесь защитники острова в последний раз собрались вместе. Было их около ста человек. Поручили вести собрание Курочкину.

На повестке дня стоял один вопрос: «Положение на острове Даго». Речей не говорили. На собрании решили — держаться до последнего! Если катера с Ханко для эвакуации ночью не придут — уцелевшим прорываться в глубь острова.

Кто-то предложил написать клятву. На КП нашли лист бумаги, развели высохшие чернила, единогласно приняли текст, который по поручению товарищей подписали Курочкин, Орлов, Конкин *. Бумагу вложили в бутылку и надежно заткнули пробкой.

А потом был последний бой. Подробности о нем рассказал мне А. И. Быков:

«Капитан Никифоров дал приказ заложить взрывчатку в подбашенное отделение.

Часть товарищей вела бой на дороге с мотоциклистами. Другая оставалась на самой батарее. Мы сражались врукопашную с немцами в подземном тоннеле, который вел к башне. Дрались всю ночь. Кровь от убитых немцев темнела на цементном полу. Часов в шесть через запасные выходы мы вырвались из башни. Фашисты бросились в нее. В это время сержант Иванов и еще

* Фотокопия клятвы опубликована во втором томе «Истории Великой Отечественной войны».

кто-то взорвали башню. Взрыв задержал фашистов. Мы, человек 25—30, отошли к маяку Тахкуна.

Часть батарейцев гитлеровцам удалось прижать к морю. Оказались в этой группе Курочкин, Орлов, Антонов, Питерский, Веркин, Апполонов, Кузьмин и еще несколько человек. Восточнее маяка их окружили. Батарейцы решили прорываться в лес. С криком «ура!» в штаны бросились балтийцы на врага. Их поддержал единственный пулемет Антонова. Но недалеко удалось пробиться морякам. Заградительный огонь вырос у них на пути. Близкий разрыв мины швырнул Кузьмина на землю. Очнулся артиллерист за колючей проволокой. Вместе с ним были ранены Апполонов и Питерский. О судьбе остальных товарищей они ничего не знали.

Недалеко от 316-й батареи над лесистым северным берегом острова Хийумаа возвышается белая чугунная башня маяка. Почти 100 лет огонь Тахкунского маяка светил балтийцам, помогал взять верный курс. Но в 1941 году, когда мощный луч погас и толстые маячные линзы надолго закрыли темными шторами, ярче маяка осветил весь полуостров Тахкуна подвиг балтийцев.

Катера и мотоботы с Ханко направлялись сюда, чтобы с этого последнего, еще не занятого фашистами клочка советской земли снять оставшийся гарнизон. Побережье в районе маяка каменистое, близко к берегу подойти невозможно. Добираться до катеров и мотоботов приходилось на рыбацких лодках.

Штормовое море в ярости вздымало в небо столбы брызг над гранитными валунами. Частенько среди катеров вставали всплески разрывов. Это фашистская артиллерия била с берега.

Здесь, у маяка, артиллеристы 44-й батареи последний раз видели своего командира Михаила Катаева. Передав комиссару батареи свой комсомольский билет и удостоверение личности, он сказал:

— Иди, Иван Васильевич, принимай людей на катерах. А я буду руководить отправкой с берега.

И, видя, что Паршаев хочет возразить, решительно произнес:

— Иди! Если что случится, так я холостой, а у тебя дети.

Кто знает, о чем, отправляя шлюпку, в те минуты думал молодой командир. Может быть, он вспоминал невесту — студентку Веру, которая так и не приехала к нему на остров, или прощался со своими стариками?

Только в сумерках шлюпка с артиллеристами подошла к катерам. На ней заменили гребцов и отправили обратно на остров. Но налетел шторм, по катерам передали: «Сниматься с якоря, следовать в базу». Они ушли, не дождавшись возвращения оставшихся.

К утру у маяка собрались остатки гарнизона. Среди них было много раненых. Ветер стих, и погода заметно улучшилась. В разрывах облаков засветились первые звезды, а раненые мечтали о затяжном дожде, сплошной облачности, тумане. В плохую погоду легче укрыться на переходе морем от вражеской авиации.

С рассветом люди у маяка приободрились: показались долгожданные катера. Пока из палаток и шалашей санитары переносили тяжелораненых к воде, с юга, от оборонительной линии, где снова начался бой, пришла группа краснофлотцев. Были они молчаливы и сосредоточенны. Старший, скуластый, в пробитой плащ-палатке, доложил военврачу 3-го ранга, руководящему эвакуацией, что группа автоматчиков по болоту обошла заслон балтийцев и вскоре может появиться у маяка.

Матросов было всего восемь человек. Они пришли с двумя ручными пулеметами и винтовками. И все-таки это была помощь.

Старший в плащ-палатке осмотрел два дзота и небольшой окоп на холме. Перед ними торчали кольца для проволочных заграждений, но самой проволоки не было. Видимо, саперы не успели ее поставить. Моряки заняли дзоты.

Больше часа с грузовой машины, по кузов загнанной в воду, переносили раненых. Часов около девяти из леса по дороге к маяку показались гитлеровцы. Видимо, они не рассчитывали встретить здесь серьезное сопротивление.

Кто-то с маяка просемафорил на катера. Первые снаряды пронесли над головами раненых и разорвались перед строем фашистов. Они укрылись в лесу.

В амбразуру дзота была хорошо видна пустынная дорога от маяка к лесу: белая ровная лента пожелтевшей травы. Их было двое в этой наскоро оборудованной ог-

невой точке: пулеметчик из Казахстана и русский моряк-стрелок. Оба они хорошо знали, что фашисты не уйдут, что они готовятся к атаке и она скоро начнется.

Ракета описала дугу над лесом. Не успел ее дымный стебель растаять в воздухе, как он загудел от посвиста мин. Первый султан взрыва взметнулся на дороге, за ним второй, третий. Фашисты били наугад. И когда за огненным валом из леса высыпали автоматчики, из дзотов дружно заговорили оба пулемета.

Моряки отбили две атаки. Легкораненые пополнили их ряды. Стреляные гильзы густо устлали пол дзота. Казах-пулеметчик собирался зарядить запасной диск, но не успел. Опять, перепахивая землю, вздымая облака пыли, на балтийцев обрушился шквал огня. Яркая вспышка ослепила пулеметчика, что-то горячее и упругое отбросило стрелка к двери. Когда он пришел в себя, дзот был наполнен пороховой гарью, а пулеметчик, вытянувшись, лежал на полу. «Убит», — подумал он и наклонился к товарищу. Рядом, отброшенный взрывом, лежал искорверканный пулемет.

Балтиец выглянул в амбразуру — автоматчики отошли. На месте правого дзота клубилась пыль да торчали обломки бревен. Окопа между дзотами тоже не было видно.

Моряк прикрыл лицо мертвого бескозыркой и проверил затвор. Его запыленная винтовка действовала.

Он стрелял по наступающим до боли в плече. А когда цепь автоматчиков приблизилась метров на двести к маяку, балтиец нащупал в цинковой коробке последнюю обойму. Нет, он не дастся врагу в руки. Расстреляв последние патроны, моряк выскочил из полуразрушенного дзота, но тут же близкий разрыв мины чуть не сбил его с ног. Взвизгнули осколки, ожгло левую руку у локтя. Вскинув на плечо винтовку, правой рукой он зажал рану и побежал к постройкам на берегу. В глаза бросилась раскрытая тяжелая дверь маяка. Спасительный полумрак огромного сооружения обещал укрытие.

Поднявшись по каменным ступеням, он вбежал в маяк, с трудом захлопнув за собой массивную металлическую дверь, задвинул засов. Другого выхода не оставалось, плыть он не мог, патроны кончились. В кармане уцелела единственная граната. Несколько вражеских

солдат забарабанили в закрытую дверь. Маяк недовольно и глухо загудел от ударов.

Все выше и выше поднимался балтиец по винтовой чугунной лестнице. Еще виток, и еще один. Подкашивались ноги, кружилась голова. Казалось, тяжелая маячная башня с каждым поворотом лестницы раскачивается все сильнее. Привалившись к перилам, полоу бушлата он вытер вспотевшее лицо. А внизу удары в дверь все настойчивей и сильнее.

Выше трап становится уже и круче. В башне полумрак. Свет проникает лишь в продолговатые окна, похожие на бойницы. Вот и последние ступени, площадка, с которой дверь ведет на балкон, что опоясывает голову башни. Выше холодно и строго поблескивают линзы маячного аппарата.

Ударом ноги матрос распахнул дверь. Заметил: внизу, сквозь отверстия ажурной чугунной решетки виднелись вражеские солдаты. Тяжелым бревном они старались выбить дверь.

Внутри маяка от фонарного сооружения и до основания в площадках были врезаны отверстия для подьема грузов. Решение созрело мгновенно.

Балтиец вставил в гранату запал. Вместе со скрежетом сорванной с петель двери на темную нижнюю площадку маяка ворвался дневной свет. Моряк подождал, пока войдет побольше гитлеровцев, и, встряхнув гранату, бросил ее вниз. Взрыв, необычно громкий, как в пустой бочке, оглушил его. По крикам и стонам снизу он понял: последняя граната потрачена не зря. И все-таки несколько пар ног громыхали по ступеням, поднимаясь к нему.

Балтиец вышел на площадку, приблизился к перилам. Маяк словно парил над каменной косой. Катила стальные воды Балтика. Виднелись катера, уходившие на север. За домом маячника тянулись ввысь ели. Сверху их зеленые пушистые конусы казались упругими. В распахнутой двери показались фигуры фашистов.

— Рус, сдавайсь!

И здесь произошло неожиданное. Вместо того чтобы поднять руки, моряк швырнул вниз ненужную винтовку. Лицо его было решительным и суровым. Придерживая раненую руку, он перемахнул через чугунные перила и бросился туда, где чернели огромные валуны.

Лежало долго на камнях
Его израненное тело.
В прилив балтийская волна
Те раны зализать хотела.
Любя свободу, пленным он
Не захотел пройти и мили.
И немцы мужества занять
К нему своих солдат водили.

Фашисты захватили Моонзундский архипелаг. Но в боях на каменистой земле эстонских островов, в водах пролива потеряли они полторы дивизии. 50 тысяч вражеских солдат в самые напряженные дни боев за Ленинград и Москву оттянул на себя советский островной гарнизон.

Только в начале декабря потрепанная в боях на Моонзунде 61-я пехотная дивизия появилась на фронте под Тихвином.

Но, и овладев островами, фашисты не решили основной задачи. Вход в Финский залив все еще прикрывали береговые батареи Осмуссара и полуострова Ханко.

Глава XI

ТЫСЯЧА ЧЕРНЫХ ДНЕЙ

Тяжелое время наступило на островах, захваченных врагом. Из попавших в плен фашисты отбирали политработников, коммунистов и евреев. Их тут же расстреливали. На Сырве часть раненых была собрана гитлеровцами в клубе 34-го инженерного батальона и сожжена. Местные жители, которых оккупанты согнали хоронить останки, насчитали свыше сотни обуглившихся трупов.

Легкораненых отправляли в сборный лагерь под Курессаре. Вместе со всеми шел начальник военно-морского госпиталя военврач 2-го ранга В. И. Бондаренко. Еще во время первой мировой войны он зимовал во льдах, потеряв раздавленным свой тральщик, в годы гражданской войны пришлось совершить небывалый по трудности переход с Таманской армией от берегов Черного моря в Астрахань. Но так тяжело он еще никогда не переживал случившегося. Полярные морозы и испы-

тания огнем для прорывавшихся к Волге меркли перед мучительным позором плена.

Его взяли на хуторе прямо у операционного стола, в то время как он заканчивал операцию по ампутации ноги артисту фронтовой бригады...

Накрапывал дождь. Балтийский ветер, словно стараясь помочь пленным, дул в спину. Они шли, опустив головы.

Промокшие, облепленные грязью ботинки с трудом отрывались от земли. Рядом с Бондаренко шли его коллеги-врачи и раненые из их госпиталя. Лица у всех осунувшиеся, давно не бритые. Грязные бинты, бурые от застывшей крови. Дорога круто поворачивала на север. Что ждет пленных впереди? Новые побои, издевательства, смерть?

Ветер гнал тучи. Болела спина после ночлега на промерзшей земле, болели натруженные ноги, но еще хуже было на душе. И вдруг возглас соседа:

— Василий Исидорович, смотри-ка!

Мокрые сосны окружают дорогу. Дождинки висят на иглах, ползут по уцелевшим проводам вдоль шоссе. Чему радуется товарищ? Начальник госпиталя смотрит вперед. За спинами конвоиров расступаются деревья, видно большое поле, а на нем новенькие, вырубленные с немецкой точностью стандартные березовые кресты. И стоят они ровными шеренгами, как солдаты на параде. Их много на этом политом кровью полуострове Сырве. Видно, немало пришлось потрудиться похоронной команде, чтобы вырыть столько могил, а потом выровнять эти кресты.

— Вот это да! — произносит кто-то.

Значит, не зря дрались они здесь до последнего патрона.

Вражеское кладбище раскрывалось перед бойцами. Оно росло, ширилось. И от этой картины нестройная колонна пленных приободрилась, бойцы своими глазами увидели результаты боев. Они подняли головы. И даже раненые стараются идти в ногу.

Балтийский ветер разорвал тучи. Октябрьские лучи осветили вражье кладбище у поселка Сальме.

Запомните эту картину, люди! Она поможет вам в неравной борьбе за колючей проволокой.

Эшелоны с пленными моонзундцами уходили в лаге-

ря под Ригу, в Вилянди, Саласпилс. Но, пожалуй, больше всего их отправляли в Валгу.

В числе тех, кто оказался в Валге, был и капитан Стебель. Рассказывали, что немцы длительное время разыскивали командира 315-й батареи, так сильно насолившей им. Когда его опознали, капитана схватили. Стебель вырвал руку, вышел из строя и пошел к яме, у которой стояло несколько босых людей, ожидавших расстрела. Капитан тяжело опустился на землю, стал стаскивать сапог.

Подбежал немецкий офицер, затряс головой. Что-то приказал солдатам. Они увели Стебеля, а вечером он вернулся в барак к товарищам и сообщил, что его уговаривали вернуться на батарею, восстановить ее. Обещали в помощь собрать всех пленных артиллеристов с 315-й. Когда он отказался, фашисты стали агитировать Стебеля принять новую батарею на Ла-Манше. Сулили чины, ордена, высокий оклад. И это предложение капитан отверг. Тогда с допросов его стали приводить окровавленного, избитого. Товарищи рассказывали, что, вернувшись с одного из допросов, Стебель сказал: «Фрицы хотят нашу батарею восстановить. Пусть попробуют, для этого им придется перекачать все Балтийское море». Это были не просто красивые слова. Когда в 1944 году советские части освободили острова и попытались осушить затопленные помещения 315-й, им удалось это сделать с большим трудом, лишь после того как водолаз обнаружил отверстия, через которые на батарею поступала морская вода.

С именем Стебеля в Валге связывают попытку массового побега военнопленных. Произошло это в конце 1941 года. Вот как вспоминает об этом сержант 39-го артиллерийского полка с Сааремаа Н. М. Зорин: «Говорили, что пленными во время побега будет руководить капитан Стебель. Мы должны были сломать ворота, преодолеть проволоку и уйти в лес партизанить. Но кто-то нас выдал и предупредил немцев. Сигнала начать побег не последовало, а к утру лагерь был окружен войсками, и обер-полицай крикнул:

— Кто хочет свободы — выходи!».

Об этом же факте рассказывали артиллеристы с Хийумаа А. И. Быков, сапер Д. М. Сонин, красноармеец 34-го инженерного батальона Ф. К. Попов и некоторые другие...

Рассказывали и такое, будто бы капитан Стебель пошел в украинский националистический батальон. Многие этому не верили. Однако это было так. Инженеру-механику К. К. Роговцеву удалось тогда встретиться со Стебелем.

— Александр Моисеевич, как же ты мог? Солдат должен умирать с оружием.

— Ну и умирай, коли тебе пришла охота.

Об этом разговоре Роговцев рассказал товарищам, но те встали на защиту Стебеля.

— Ты его не трогай. Стебель знает, что делает.

У капитана Стебеля были вполне определенные планы. С оружием в руках он хотел перейти на сторону Красной Армии. Дальнейшие события подтвердили это. Но Стебель, видимо, оказался плохим конспиратором, и очень скоро его, избитого, чуть живого, бросили в карцер, а затем отправили по фашистским тюрьмам. Сейчас трудно определить, в какой из них погиб отважный балтиец. Разные люди называют различные места в Прибалтике. Гидрограф Т. М. Кудинов слышал от товарищей, что Стебеля видели в одной из тюрем Риги, видели опухшего, отечного, но не сломленного. Его рассказ дополняет командир роты с Сааремаа А. Н. Борисов: «Стебеля гитлеровцы замучили в рижской тюрьме. Капитан Стебель был волевым и боевым командиром. Не ошибусь, если скажу, что мы могли так долго держаться на Ирбене только благодаря поддержке его батареи. Это был стойкий патриот Родины. Ни голод, ни пытки в плену не сломили его воли, не поколебали уверенности в деле партии, в деле своего народа».

После войны семья Стебеля, проживающая на Украине, получила письмо из Алма-Аты от жены врача с 315-й батареи Клавдии Лохиной. Ее муж находился со Стебелем в одной тюрьме и просил передать семье своего бывшего командира, что Александр Моисеевич погиб как настоящий герой, патриот своей Родины. К сожалению, сам Лохин скоро умер, и узнать от него подробности и место смерти командира 315-й батареи не удалось.

Интересно отметить, что популярность балтийского командира батареи была столь велика, что через сорок лет после тех событий о нем до сих пор помнят и пишут балтийцы, даже те, кто не служил с ним и ни разу его не видел. Почти в каждом письме о защитниках Сааре-

маа непременно найдется упоминание о командире 315-й. И все-таки как погиб этот балтиец, в какой из тюрем, кто из товарищей с ним находился до последнего дня — этого мы пока не знаем.

Справедливо говорят: «Война — разлучница». Значительно реже она соединяла людей. Именно так получилось у сапера Григория Андреевича Егорычева, получившего в первые дни боев звание младшего лейтенанта. Когда вместе с товарищами по саперной роте ему не удалось переправиться на рыбацкой лодке на латвийский берег и он оказался близ хутора, где жила его невеста Людмила, он решил зайти попрощаться с девушкой. Егорычев сказал ей о том, что собирается уходить с острова, и попросил достать гражданскую одежду. Людмила полезла в шкаф. Ее мать Алидия Юхановна Побус молча наблюдала за дочерью. Младшему лейтенанту показалось, что она недовольна его возвращением. Но женщина вдруг твердо сказала:

— Куда ты пойдешь, сынок, оставайся в нашем доме, укроем. А уж придется погибать — так всем вместе. Какой радостью осветилось лицо девушки.

Только позднее Егорычев узнал, сколько воспоминаний всколыхнул у Алидии Юхановны его внезапный приход...

Григорий Егорычев остался в маленьком доме близ пристани Мынту. Его поместили на сеновале. И вот однажды долгим зимним вечером Егорычев услышал о другом балтийском моряке, укрывавшемся в этом доме.

Было это в 1917-м. То, что стало для большинства советских людей далекой историей, врезалось в память эстонской женщины Алидии Юхановны.

В Петрограде прогнали царя. Продолжалась война с немцами. На Эзеле русские артиллеристы строили береговые батареи, готовились к отражению вражеского десанта. Говорили о сдаче немцам Риги, о готовящемся прорыве флота кайзера в Финский залив для захвата Петрограда.

А для Алидии 1917 год был годом молодости, годом первой любви. С тех пор как на Церель пришли русские войска, в небольшой дом с молодым яблоневым садом, где жила девушка, ворвалась новая жизнь. И хотя девушка была далека от политики, она с интересом слушала разговоры балтийцев о том, что происходит в России, о Ленине.

Много их, солдат и матросов, заходило в дом близ пристани Мынту. Но одного из всех выделила Алидия — веселого крепыша балтийца. Как-то он оказал помощь заболевшей сестре. И авторитет Ивана Бубнова — фельдшера с Церельской батареи — после того случая вырос еще больше. Все тревожней становилась жизнь на острове. И все больше тянуло Алидию к Ивану.

Скоро Алидия стала его женой. Стояла дождливая осень. Однажды моряки сообщили ей, что в бухте Тагалахт высадился вражеский десант. Несколько раз по немецким кораблям, пытавшимся прорваться в Рижский залив, открывала огонь Церельская батарея. Русские артиллеристы стреляли хорошо, они обратили в бегство вражеские корабли.

Немцы стремились разрезать русский островной гарнизон на две части. Огромное численное превосходство и измена русских адмиралов, бросивших войска, облегчали наступление. В эти дни Алидия увидела своего мужа. Похудевший, обросший бородою, Иван сообщил, что немцы прислали парламентаря с требованием сдаться. Всем сдавшимся они обещали жизнь. Остальным грозили расстрелом. Артиллеристы решили пробиваться на север, к своим. Бубнов с небольшой группой моряков вместе с командиром лейтенантом Н. С. Бартеньевым остался уничтожать батарею. Они взрывали погреба с боезапасами, выбрасывали в море наиболее ценные части орудий.

Еще через несколько дней у пристани Мынту появились вражеские солдаты. А ночью в дверь кто-то осторожно постучал. Алидия ждала этого. Пришел Иван. Вместе они решали, что делать. Женщина предложила моряку спрятаться в лесу. Их дом казался ей плохой защитой. Молодые люди договорились, что за продуктами Иван будет приходить на хутор.

Осень стояла ненастная. Однажды днем промокший фельдшер пришел в дом. В это время нагрянули немецкие солдаты. Моряк успел спрятаться, женщины убрали его одежду. Но выдали сапоги, сушившиеся у огня. Вскоре солдаты кайзера расстреляли русского моряка. А весной у Алидии родилась дочка. Ее назвали Людмилой. Своего отца — отважного балтийца с Церельской батареи — она никогда не видела...

И вот снова наступили тяжелые времена. И теперь

уже не ее муж, а жених Людмилы скрывался в их доме.

Егорычева не оставляла мысль — как перебраться на материк, как дойти до линии фронта и перейти к своим. Он решил ждать зимы, чтобы по льду перейти пролив. Накануне Нового года в дом снова нагрянули фашисты. Григорий Андреевич подумал — будет обыск. Потом оказалось, что фашисты решили здесь встретить праздник. До утра пришлось Егорычеву пролежать в погребке на мерзлой земле. А над ним топтали кованые сапоги, раздавались пьяные песни, хрипел патефон...

Немало месяцев провел Егорычев в доме на хуторе близ пристани Мынту, прежде чем снова увидел на Сааремаа советские войска.

С окончанием боев на полуострове Сырве оставшиеся из саперной роты лейтенанта А. А. Савватеева вместе со своим командиром решили перебраться на материк на малых надувных лодках. В залив они вышли с наступлением темноты. Впереди — два рыбацких баркаса, за ними — саперы. Однако им недалеко удалось уйти от берега. Шлюпки осветил мощный прожектор.

Они никак не могли вырваться из этого широкого голубого луча, хотя гребли из последних сил, гребли до тех пор, пока к ним не подошли вражеские катера. Всех задержанных фашисты подняли на палубу катера. Так лейтенант Савватеев вместе с политруком роты А. Я. Троллем, старшиной С. С. Ророхой и еще несколькими бойцами оказались в лапах фашистов.

Пленных разместили на каком-то хуторе под усиленной охраной. Белоповязочники-омакайцы фонариками освещали каждого задержанного. Для командного и политического состава отвели отдельную загородку. Туда, отделив от товарищей, направили и Тролля.

Пленные ночевали в старом сарае. Утром Ророха разбудил Савватеева.

— Вас кто-то к забору зовет.

Тот быстро вскочил, растирая замерзшее тело, побежал к загородке, куда отводили командиров и политсостав. Рассветало. Начинался хмурый день.

Его кто-то окликнул:

— Савватеев!

— Я. — И он увидел Тролля.

— Вечером нас расстреляют, — быстро заговорил

политрук. — Запомни мой адрес: Куйбышев, улица Горького, 106. Жена — Мария, сын — Альберт.

За забором кто-то закричал по-немецки. Тролля заторопился:

— Запомни адрес, прощай!

В тот же вечер в лагере видели, как из комсоставской загородки вывели группу людей. Их фигуры в одном белье были хорошо заметны в сумерках. Вскоре в лесу раздалась очередь автоматов. Больше политрука Тролля никто из его подчиненных не встречал.

Карл Карлович Томинг по заданию Коммунистической партии Эстонии был оставлен на острове Сааремаа для организации подпольной работы. Во время высадки фашистских войск он оставался на отдаленном хуторе Кауззама у надежного человека — крестьянина Ваппера, снабженный всем необходимым. В лесу близ хутора они вырыли землянку.

Когда фашистам удалось захватить остров, два командира, В. М. Харламов и И. Г. Фролов, знавшие, где скрывался Томинг, решили присоединиться к нему, дожидаться морозов, а затем по льду перейти на материк.

Хутор Кауззама стоял в лесу. Сам Ваппер имел большую семью, одних детей было шестеро, в партии не состоял. Трудно было заподозрить, что у такого человека скрываются трое коммунистов.

Карлу Карловичу Томингу к этому времени было 38 лет, но он имел почти 20-летний партийный стаж. За активную революционную деятельность в буржуазной Эстонии в 1924 году на процессе 77 коммунистов его приговорили к 10 годам каторжных работ.

Десять лет тюрьмы, потом поездка в Советский Союз, в страны Скандинавского полуострова. В 1938 году Томинг снова вернулся в Эстонию и вновь несколько раз подвергался аресту.

Опытный революционер, Томинг был хорошим конспиратором. Он советовал своим товарищам выждать время, пока фашисты ослабят контроль за дорогами, кончат вылавливать остатки гарнизона. Тогда легче будет перебраться на Большую землю.

Наступили морозы. Тонкие стенки землянки стали промерзать. Томинг готовился к зимовке, а у Харламова и Фролова не было теплой одежды. Хозяин хутора предложил на ночь переходить к нему. Вскоре все трое

перебрались на чердак дома Ваппера. Через Минни Коэль им удалось связаться с подпольщиками Курессаре. Один из них, А. К. Сепп, переслал на хутор пальто, компас, карту, носки, белье, рукавицы.

Томинг был хорошим сапожником. Этому ремеслу он научился еще в молодости, до службы в армии. Потом десять лет занимался им в тюрьме. Он починил обувь товарищей, взялся за разбитые ботинки детей хозяина хутора. На чердаке было темно работать, поэтому Томинг сапожничал на улице. Однажды несколько вражеских солдат случайно подошли к хутору и заметили Карла Карловича. Фролов и Харламов в это время были на чердаке. Они услышали крики, выстрелы. По лестнице на чердак взобрался сын хозяина хутора. Он предупредил:

— Здесь немцы, они убили Томинга!

Морякам пришлось покинуть хутор. Утром они узнали, что в доме Ваппера был обыск. Хозяина арестовали, позднее были арестованы Минни Коэль и Арнольд Сепп.

Фролову и Харламову пришлось прятаться где придется. Вечером пошел снег. Они укрылись в сарае. Но их выдали следы. Утром сеновал окружили полицаи. Моряков отправили под конвоем в лагерь. Произошло это как раз накануне нового, 1942 года.

Нерадостным был этот год на островах Моонзунда. Черным годом остался он в памяти на эстонской земле, где свирепствовала выползшая из щелей реакция, где по суду и без суда убивали коммунистов, им сочувствующих, убивали всех честных людей, не желавших жить под фашистским сапогом. Гибли от пули, от голода, болезней, тысячи умирали от побоев и издевательств за колючей проволокой концентрационных лагерей. Но советские люди, временно оказавшиеся на оккупированной земле, не думали сдаваться.

Январь 1942 года врезался в память старшего политрука Сергея Яковлевича Колегаева из 37-го инженерного батальона. Их, большую группу военнопленных, с острова Сааремаа перевели на материк в город Валгу.

Изнуренных голодом и побоями людей выгрузили в городке, обнесенном колючей проволокой. Когда-то здесь были кавалерийские казармы. Теперь в конюшнях фашисты разместили еще один лагерь для военнопленных.

Здесь Колегаев встретил своих боевых товарищей: редактора местной газеты «На страже» политрука Кры-

лова, числившегося под фамилией Петренко, начальника штаба батальона Тюрина, майора Шахалова, начальника штаба Береговой обороны Балтийского района и некоторых других.

Пленные работали в поле в шести-семи километрах от лагеря. Начались морозы, и охранники были уверены: никто из этих полураздетых людей не побежит в лес, чтобы замерзнуть там. Литр похлебки и кусок хлеба после изнурительной работы лучше голодной смерти.

Однако они просчитались. Набрав за пазуху побольше мерзлой картошки, Колегаев воспользовался беспечностью конвоиров и зарылся в стог сена. Его не нашли.

Лишь через месяц обмороженного человека в ломотьях схватили в лесу и отвезли обратно в лагерь Валга.

За побег — пятнадцать суток. Пятнадцать суток только на воде и хлебе. Издеваясь, охранники даже отобрали у него вставные челюсти:

— Подыхай, собака. В другой раз не побежишь!

И все-таки он выжил.

Приближалась весна 1942 года.

Сергей Яковлевич попал в команду водовозов. Это была группа людей, возивших на себе в огромной бочке воду для приготовления пищи. Так появился в лагере водовоз «дядя Вася», как все теперь называли Колегаева.

Пока огромная бочка наполнялась водой, можно было без опасения поговорить с товарищами.

Здесь-то и зародилась подпольная организация военнопленных. Людей отбирали тщательно. Знали: в таком деле достаточно одного неосторожного слова — и всем грозила смерть.

Небольшая группа, созданная на первых порах, активно включилась в работу. Бездействие в лапах фашистов было более страшным, чем смертельная опасность в борьбе. «Дядя Вася» и бывший редактор газеты М. Д. Крылов установили связь с местным населением. Через них в лагерь стали поступать сводки Информбюро. Переводчик Зацепин, общаясь с немцами и лагерным начальством, пополнял сведения, сообщая о положении в Германии. Ленинградский инженер Скоробогатов вел работу среди поступающих в лагерь новеньких. Даже на продовольственном складе оказался свой человек. Москвич Генрих Врублевский создавал запасы

хлеба, чтобы снабдить ими готовящихся к побегу. Эсте-нец Август Элисон раздобыл где-то компасы.

Большую работу вела подпольная группа, обслуживающая лазарет. Благодаря самоотверженной помощи медиков и санитаров Ивана Хитрова, Михаила Аносова, Фураева, Смирнова удалось спасти от смерти немало пленников.

Фашисты всю трубили о своих победах. В лагере истощенные люди сотнями умирали от голода, холода, побоев. Сложенная кем-то из военнопленных песня так рассказывала об этих днях:

А наутро всех мертвых свозили,
В отдаленный, без крыши, сарай,
Как в обойму, рядами сложили,
Для отправки готовили в рай.
Гробарям здесь работы хватало.
От заката до поздней зари
С мертвецами повозки съезжались
Там, где были глубокие рвы.

Организация осуществляла побеги заключенных, бо-ролась с попытками гитлеровцев завербовать наиболее неустойчивых в так называемую «Русскую освободитель-ную армию» и в батальоны националистов, сообщала товарищам по лагерю о положении на фронтах.

Деятельность организации скоро привлекла внимание фашистов. Они схватили Колегаева. Долго били, изде-вались над ним. Потом бросили в карцер. На его сча-стье, он там оказался не один. Пулеметчик Андрей Гу-ляев, тоже член подпольной организации, сидевший за неудавшийся побег, привел товарища в чувство, перевя-зал раны.

Очередную попытку побега старший политрук Коле-гаев совершил весной 1944 года. Она оказалась удачной. Где-то в районе Нарвы группа беглецов встретила с советскими разведчиками.

Многим удалось бежать из плена. Но лишь единицы добрались до своих. Капитан Морковкин ушел из лагеря Валга с группой товарищей летом 1942 года. Шли но-чами, питаясь овощами с огородов, грибами, ягодами. Костры разводили из сушняка, чтобы дым не привлек внимания врагов. Пробирались параллельно железной дороге. Шум проходящих поездов служил хорошим ори-ентиром. Целые сутки группа военнопленных, в которую, кроме Морковкина, входили танкист Василий Ястребов

и красноармейцы Алексей Сологуб и Степан Савинков, внимательно наблюдали, где можно перейти линию фронта. Они действовали осторожно и осмотрительно. Старик, собиравший хворост, помог им пройти мимо фашистских окопов. 15 октября 1942 года группа Морковкина в районе Пскова благополучно пересекла линию фронта и вышла в расположение советских частей.

Заместитель политрука 1-й роты 1-го батальона 46-го стрелкового полка Сергей Иванович Моляков вместе с другими пленными попал работать на фабрики в город Слоку. Там, подобрав ключи к подвалу и выломав решетку на окне, С. И. Моляков вместе с И. И. Ефремовым из инженерного батальона и Михаилом Семеновым с Хийумаа бежали. В Литве они встретили партизан из отряда «Вильнюс» и пополнили их ряды.

Конон Петрович Топорков из 3-й стрелковой бригады стал бойцом Брестского соединения партизан.

В составе Первой латвийской бригады воевал главный старшина Дмитрий Спиридонович Чепельников. Дети хорошо знают книжки поэта Георгия Ладонщикова. Но мало кому известно, что бывший боец 46-го стрелкового полка Г. А. Ладонщиков сражался с оккупантами на территории Эстонии в партизанском отряде «Коткас». Вместе с ним громил фашистов и бывший фельдшер с острова Сааремаа В. К. Сердюк.

Не только на оккупированной территории Советского Союза сражались с фашистами моонзундцы. Рядовой 34-го инженерного батальона Сергей Петрович Лахно партизанил в Чехословакии. В партизанской бригаде имени Яна Жижки командовал взводом бывший зенитчик с островов Петр Васильевич Москаленко. Другой зенитчик, Александр Сергеевич Малофеев, попавший в один из лагерей в Северной Франции, установил связь с участниками движения Сопротивления, с их помощью бежал и в августе 1944 года вступил в партизанский отряд «Миль» («Тысяча»), действовавший в районе городов Аррас и Амьен. Там же, во Франции, воевал еще один моонзундец — К. А. Андреев. Шофер Г. Д. Титов боролся с оккупантами в лесах Бельгии. Катерник А. Л. Гоненко — в отряде польских партизан «Зигмунд».

Нет возможности даже перечислить всех тех, кто из островного гарнизона, оказавшись за колючей проволокой фашистского лагеря для военнопленных, продолжал борьбу. Таких были тысячи.

Не всем, далеко не всем суждено было дожить до Победы.

За колючей проволокой оборвалась жизнь не только военных защитников острова. Там же погибли секретарь уездного комитета партии Александр Муй, члены исполкома Йоган Эллам, Александр Ингалт, Борис Лейнер, эстонская комсомолка Минни Коэль, хозяин хутора Кауэзама — Ваппер, рыбак Василий Кааль и его дочь Мария и еще многие эстонские патриоты.

Во время боев на Сааремаа разоблачили вражеского лазутчика, служившего на нашем аэродроме. На допросе он рассказал о своих связях, о том, где и как был вербован, о своем прошлом. Документы его передали младшему сержанту из аэродромной команды Генриху Ходу, прекрасно владеющему немецким языком. Под чужим именем он остался в тылу врага, чтобы продолжать борьбу.

На вражеском аэродроме Кагул появился новый механик. Был он общительным и веселым парнем, охотно брался за любую грязную работу, говорил как истинный немец, и поэтому гитлеровцы охотно пользовались его помощью. А уж рассказывать ему об устройстве мотора и авиационной аппаратуры было просто одно удовольствие.

Правда, ремонт самолета, где работал новый механик, шел медленней, чем обычно. Но разве могло быть иначе? Новичок не мог обогнать опытных специалистов.

Механик стал частым гостем в доме у крестьянина Александра Охака и его жены Минны Михайловны. Там он познакомился с несколькими эстонскими комсомольцами. Им удалось приобрести старенький радиоприемник. Теперь Генрих и его товарищи знали правду о положении дел на фронтах.

У Александра Охака новому механику с аэродрома стали доверять.

— Он — хороший немец, — часто говорили в доме. Впрочем, старики, наверное, догадывались, что механик живет под чужим именем.

В работе на аэродроме он не отличался торопливостью. «Спешить в серьезном деле не следует», — частенько повторял он.

Весной 1942 года на Сааремаа прилетел какой-то важный нацист. В сопровождении мотоциклистов разъезжал он по острову. Готовить его самолет к полету по-

ручили новому механику. Опробовали мотор и приборы. Они работали безукоризненно. Фашист покинул остров. Но над Балтикой на самолете произошла авария. Гитлеровцы начали расследование. Подозрение пало на нового механика, но улики против него никаких не было. Однако его перевели на работу в поселок Карья.

Там Ход продолжал встречаться с эстонскими товарищами. Однажды одному из новых друзей, приехавшему его навестить, Генрих передал небольшой пакет. В нем оказалась карточка кандидата в члены Коммунистической партии большевиков, выданная на имя Генриха Хода. Механик просил ее надежно спрятать и, если он сам не доживет до победы, передать советским войскам, которые придут на острова. Скоро Генрих Ход был арестован по доносу одного из предателей. Он сидел в тюрьме в Курессаре.

Тем временем части Советской Армии освободили большую часть Эстонской ССР. Чувствуя скорую гибель, фашисты приступили к уничтожению заключенных. 20 августа 1944 года в 18 километрах от Курессаре в лесу Ярве была расстреляна группа заключенных, в числе которой находился механик с немецкого аэродрома младший сержант Генрих Ход.

ГОРСТЬ ОСТРОВНОЙ ЗЕМЛИ

Вместо послесловия

Три долгих года хозяйничали фашисты на островах Моонзунда. Страшным сном в памяти людской остались эти черные дни. Более десяти тысяч жителей островов было уничтожено, более пяти тысяч угнано в германское рабство.

Осенью 1944 года советские войска высадили десант на островах Моонзунда и коротким стремительным ударом изгнали фашистов с архипелага.

В 1941 году наши катерники последними покинули острова. Торпедные катера под командованием Героя Советского Союза капитана 3-го ранга В. Н. Гуманенко первыми высадили десант на Хийумаа, первыми доставили морских пехотинцев на островную эстонскую землю. Одним из наступающих батальонов командовал майор А. О. Лейбович, тот самый командир подвижной батареи на автомашинах, которая немало уничтожила гитлеровцев в 1941 году у Ориссаре и на полуострове Сырве.

Хотя со времени боев прошло более сорока лет, нет-нет да и всплывет что-нибудь новое о защитниках эстонских островов.

То в газете появится заметка о вручении Чехословацкого военного креста партизану Лешке-моряку — А. И. Милосердову, то статья расскажет о встрече фронтовых друзей — офицера Войска Польского Х. Половняка и бывшего катерника с острова Эзель Анатолия Гоненко.

С Анатолием Пименовым, сыном погибшего на островах полковника В. М. Пименова, я познакомился лет двадцать назад. Молодой офицер в то время учился в академии и все время пытался установить, при каких обстоятельствах на острове Сааремаа погиб его отец. И когда уже казалось, что всякая надежда найти следы

его отца потеряна, в газете «Советская Эстония» появился очерк «Непокоренные». Таллинские журналисты рассказали, что в архивах националистической организации «Омакайсте» найден документ о судьбе двух офицеров 3-й стрелковой бригады — начальнике штаба полковнике Пименове и военном следователе капитане Александрове.

Оказалось, что группа прорвавшихся с полуострова Сырве защитников Сааремаа продолжала вооруженную борьбу с оккупантами в центре острова. Так, она напала на охрану аэродрома и частично уничтожила ее. Пятнадцать дней действовала группа полковника Пименова. Остатки группы были схвачены под Курессаре. Александров скончался от ран, а раненого Пименова фашисты расстреляли вместе с комендантом Курессаре майором Федоровым.

Однажды на встрече участников движения Сопротивления, организованной Советским комитетом ветеранов войны, выступал известный писатель Степан Павлович Злобин. Он рассказал о мужестве балтийского моряка политрука Ивана Андреевича Кострикина в фашистском плену.

Оказавшись в лагере для военнопленных № 304 близ Дрездена, Кострикин стал активным членом организации Сопротивления. О размахе деятельности организации говорят факты: в лагере № 304 было устроено около 250 побегов, в которые ушли до 800 человек.

Именно этот человек стал одним из героев романа С. П. Злобина «Пропавшие без вести». А в романе немецкого писателя Стефана Гейма «Крестоносцы» рассказывается о непокоренном матросе с Эзеля Андрее Ковалева.

Удивительный случай произошел в краеведческом музее города Кингисеппа. У стенда, рассказывающего о зверствах гитлеровцев на Моонзундских островах, остановилась группа приезжих. Перед ними приказ немецкого коменданта острова о расстреле патриотов. Фотографии эстонских патриотов, молодые, мужественные лица. И вдруг громкий возглас:

— Товарищи! Я свидетель этого расстрела.

Участник боев на острове, в то время офицер штаба 3-й стрелковой бригады А. И. Ершов рассказал, как 15 ноября 1941 года из лагеря, куда он попал после окончания боев, были взяты на работу десять военно-

пленных. Им выдали лопаты, повезли в крытой машине в поле и приказали рыть яму. Было это где-то в районе порта Ромассара.

— Мы стояли ошеломленные, — вспоминает Ершов. — Рыть могилу для себя? Гитлеровцы заставили взяться за лопаты. Земля поддавалась трудно. Грунт был каменистый. Поэтому старший команды приказал удлинить старую воронку от бомбы, находившуюся по соседству.

Вскоре на дороге показалась легковая и две крытые грузовые машины. Нас отвели в сторону. Вылезли шестнадцать белоповязочников из фашистской организации «Омакайсте», зарядили винтовки. Последовала команда. Из второй машины вытолкнули человека. Он бросился бежать к кустам можжевельника. Недружный залп свалил его. Затем вывели женщину. Она смело подошла к яме. Третьим вышел высокий мужчина. Он поднял кулак над головой и что-то по-эстонски крикнул фашистам. Так были расстреляны все десять человек. Нас заставили зарывать трупы.

Иная встреча произошла у капитана М. Ф. Морковкина. Во время войны он служил в штабе противоздушной обороны. В числе немногих ему удалось прорваться с полуострова Сырве. Он добрался до Кихельконны, где размещался его штаб, и попросил эстонскую женщину Александру Грип укрыть его.

Два месяца скрывался Морковкин на сеновале. Но его выследили члены «Омакайсте». На допросах они избивали офицера, требовали, чтобы он сказал, кто из местных жителей помогал ему.

Через много лет защитник острова Сааремаа Морковкин встретил на острове Александру Грип и от всего сердца передал ей слова благодарности. Оказывая помощь советскому командиру, эстонская женщина рисковала собственной жизнью.

Защитники острова с большой симпатией вспоминали своих эстонских друзей, дружба с которыми проверена войной. Храбро сражался против оккупантов эстонский комсомолец из Мустьялы Афанасий Лаус. Он попал в руки гитлеровцев, и фашисты расстреляли его. Балтийский доктор В. И. Бондаренко с большим уважением говорил о мужестве санитарок Хельми Пупарт и ее сестры Хильды Вирвесте. Не только во время боев они оказывали помощь раненым, но и во время оккупации

эти мужественные женщины, рискуя головой, передавали раненым военнопленным продукты.

Много лет подряд, неизменно привлекая внимание посетителей, экспонируется в Музее истории Ленинграда клятва балтийцев с острова Хийумаа. Долгое время не удавалось напасть на след тех, кто подписал эту клятву. Не было известно даже, в каких частях: в Береговой обороне, на катерах или в инженерном батальоне — служили Курочкин, Орлов, Конкин.

Мне казалось, что ответ на этот вопрос так и не удастся найти, как вдруг однажды пришло письмо от работницы одной из московских фабрик Марии Ивановны Лоховой. Ее брат Григорий служил на острове Даго и там пропал без вести. Я не ожидал никаких особенных открытий от этой встречи. Но когда пришел к Марии Ивановне, то выяснилось, что фамилия ее брата — Орлов. Конечно, на Хийумаа воевал не один человек с такой фамилией. Кто же подписал клятву: Григорий Иванович Орлов или его однофамилец?

У краснофлотца на фотографии простое мужественное лицо, крепкая фигура, на груди значок ГТО. На ленте бескозырки слова: «Краснознаменный Балтийский флот».

Почти одновременно с письмом Лоховой отыскался один из тех, кто участвовал в последнем комсомольском собрании на этом острове, — Николай Прохорович Кузьмин. Я послал ему фотографию Орлова. Кузьмин с радостью подтвердил, что именно Григорий Орлов председательствовал на комсомольском собрании. А потом о том же написал другой участник комсомольского собрания — ленинградец С. С. Веркин.

Приходили письма от родственников Курочкина и Конкина, оборонявших эстонский остров, но кто из них подписал клятву, установить не удалось. Об этих людях теперь нам только известно, что они были комсомольцами 316-й береговой батареи.

Во время поездок на острова нашей группе передали три комсомольских билета защитников Моонзунда. Первый принадлежал Савелию Никитичу Серее, 1917 года рождения. Билет выдан в Северо-Казахстанской области. Найден он в блиндаже на полуострове Сырве.

Разбирая старый сарай близ Кюбассари, обнаружили в стене сверток с комсомольским и профсоюзным билетами Федора Георгиевича Романцова из Воронежа. Так

стала известна фамилия еще одного защитника героической 43-й батареи.

На острове Хийумаа нам отдали комсомольский билет Константина Терентьевича Шпаковского, принятого в ряды Ленинского комсомола Рузским районным комитетом Московской области. Отметки об уплате членских взносов, последний раз внесенных летом 1941 года, позволяяют сказать, что все эти билеты принадлежали защитникам Моонзунда.

Эстонский рыбак Арво Алас передал несколько десятков фотографий советских бойцов, подобранных им на полуострове Кюбассари в 1941 году. По подписям на обороте, где упоминаются фамилии Табачкова, Пискова, Кальянова, Плехова, Кучеренко, удалось установить, что принадлежали они артиллеристам 43-й береговой батареи. Найдены несколько фотографий и участников боев на Хийумаа. Эстонская земля много лет бережно хранила память о ее защитниках.

Более сорока лет прошло с тех пор, а до сих пор многие герои этой обороны числятся пропавшими без вести.

Красным слепопытам, участникам экспедиции «Летопись Великой Отечественной» еще много предстоит сделать, чтобы и эти страницы истории войны были восстановлены.

Теперь самое время рассказать о судьбе уцелевших защитников Моонзунда. Командир прославленной 43-й береговой батареи Василий Георгиевич Букоткин после войны поселился в городе Гусь-Хрустальном. Он был помощником мастера на заводе «Стекловолокно».

Его помощник Анатолий Петрович Смирнов осел в Иванове. Он до пенсии работал на авторемонтном заводе. За подвиг на Моонзунде после войны награжден орденом Отечественной войны II степени, за трудовые подвиги — орденом «Знак Почета».

В Иванове живет и сапер Александр Александрович Савватеев.

Командир башни 315-й батареи капитана Стебеля Андрей Моисеевич Шаповалов поселился на Кавказе.

На Урале жил и умер один из героев обороны эстонских островов полковник Николай Федорович Ключников.

Отличившийся в боях на острове Хийумаа капитан Г. А. Горюнов не погиб. Он выжил после тяжелого ранения. Долгие годы преподавал в городе Волоколамске,

пока не ушел на пенсию. Заслуженный им орден Красного Знамени получил после войны.

В Днепропетровск к своей мирной профессии вернулся бывший артиллерист Д. В. Гальченко. Он партизанил в отряде Героя Советского Союза Бринского. Приехал он кавалером двух орденов Красного Знамени и ордена Славы III степени. За мирный труд у мартена награжден медалями «За трудовое отличие» и «За трудовую доблесть».

В 1960 году покинул остров Сааремаа сапер Егорычев. Он женился на Людмиле Побус. У них взрослый сын Андрей. Многие моонзундцы после войны вернулись в Ленинград. Это и Леонид Семенович Михейкин, и гидрограф Тихон Митрофанович Кудинов, командир артиллерийской батареи Николай Александрович Лукин и политрук эстонского батальона Иван Петрович Денисов, доктор Василий Исидорович Бондаренко и парторг 315-й батареи Николай Николаевич Пушкин.

Красноармеец 46-го полка Георгий Афанасьевич Ладонщиков стал поэтом. Любители юмора читают его веселые стихи, а детвора — книжки для маленьких. На слова другого поэта, руководителя фронтовой артистической бригады С. Б. Фогельсона, написано немало хороших песен. Ушедшую на последнем катере с Моонзунда популярную киноактрису В. П. Телегину наши зрители видели во многих фильмах.

В период поисков героев Моонзунда мне попала книга «Это не должно повториться». Ее автор Антонина Александровна Никифорова — военврач 3-го ранга с острова Сааремаа. И вот я беседую с Антониной Александровной. Она рассказывает о мужественной работе островных медиков. И я снова слышу фамилии Бондаренко, Широченковой, Левина.

А когда собрался уходить, Антонина Александровна показала мне письмо, полученное только что с острова Сааремаа. Писала девушка — Зина Щербакова. Она сообщила, что воспитывалась в детском доме на острове. Когда ей исполнилось шестнадцать лет, ее воспитатели рассказали ей, что она — русская, что ее отец был морским командиром. Ее матери как будто удалось эвакуироваться на материк.

Уже не один год девушка пыталась установить судьбу своих родителей. Никифорова предложила мне помочь Зине.

У меня некоторый опыт поисков моонзундцев уже был. Я не очень верил в успех, но все-таки записал: «Командир из морского штаба с Эзеля Иван Дмитриевич Щербаков».

Прошло еще немного времени, и вот мать и дочь встретились!

Многие моонзундцы и сейчас ведут большую военно-патриотическую работу, часто выступают перед молодежью с рассказами о мужестве советских людей во время войны. А бывший старшина из 34-го инженерного батальона Павел Кононович Кузнецов в селе Уды на Харьковщине даже организовал музей боевой славы, в котором говорится о подвиге островного гарнизона.

Немало различных поездок было совершено на места боев на островах. Но особенно хочется остановиться на одной. В августе 1981 года Советская Эстония широко отмечала сорокалетие обороны Моонзундского архипелага. Отмечали, как это умеют делать в Эстонии, продуманно, с большим размахом, хорошо подготовившись.

Было и шествие по улицам города, и возложение венков к братской могиле, и митинг во дворе старого епископского замка. Была встреча в райкоме партии, где выступал первый секретарь райкома партии Юрий Суурханс. Его рассказ о жизни острова, успехах островитян и их заботах продолжил председатель райисполкома Юрий Райм. Побывали участники боев и на наиболее известных местах обороны — на Кюбассари, где громила врагов батарея капитана В. Г. Букоткина (о ее боевых действиях рассказывал помощник командира батареи А. П. Смирнов), и на полуострове Сырве. У командного пункта прославленной на Балтике батареи капитана А. М. Стебеля среди выступавших был и дальмерщик этой батареи В. Я. Овсянников. В числе гостей на остров приехал капитан И. Я. Двойных и младший лейтенант Г. А. Егорычев, переправившийся через Ирбен Д. И. Дрожак и другой партизан, воевавший во Франции, — зенитчик с Эзеля А. С. Малофеев, командиры артиллерийских батарей Л. С. Михейкин и Н. А. Лукин, сержант Н. М. Зорин, артэлектрик Н. А. Детковский, зенитчик А. К. Буслаев, моторист Д. С. Архипов, сапер А. А. Савватеев, старшина инженерного батальона П. К. Кузнецов, герои-легчики, летавшие с островов бомбить Берлин, П. И. Хохлов, А. Я. Ефремов, А. З. Пятков.

Были среди них и родственники погибших —

А. В. Пименов, М. Я. Хрусталева, жена капитана 3-го ранга Н. А. Овчинникова — Ольга Васильевна и другие.

* * *

Эстонские острова. Плодородной земли на них не так уж много. Сколько раз довелось быть на них, и всегда мне вспоминается один эпизод. Наша машина оставилась у высокого холма только что собранной бульдозером земли.

— Что здесь делают? — поинтересовался я у соседа.

— Выпрямляют старую дорогу. Чтобы сберечь плодородный слой, его сгребают с трассы, а потом разравнивают на поле.

Не знаю, может быть, везде так прокладывают дороги, но к людям, так бережно относящимся к своей земле, невольно проникаешься уважением.

Праздник на Сааремаа заканчивался. Ветераны разъезжались по домам. Разъезжались с глубокой благодарностью к эстонским товарищам за память об их боевом прошлом. Каждый увозил с собой горсть каменистой эстонской земли...

Не очень щедрая эта земля, но родная, заветная... Обильно полита она потом ее тружеников, омыта кровью ее защитников.

Молодой друг! Если вдруг тебе доведется побывать на Балтийском море, на островах Моонзунда, увидеть огни маяков, которые снова светят кораблям, вспомни, что здесь на море и на этой островной земле в жестоких боях с фашистскими захватчиками смело сражались твои ровесники. Многие из них навсегда остались лежать в этой земле.

Пусть же память о них будет для тебя тем ярким маяком, по которому и ты проложишь свой курс в жизни.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия. Кто такие моонзундцы?	3
Глава I. Курессаре — остров журавлей	10
Глава II. Так начиналась война	19
Глава III. На берегах Моонзунда	31
Глава IV. Бомбардировщики летят на Берлин	36
Глава V. На помощь защитникам Таллина	46
Глава VI. В боях за острова Вормси и Муху	54
Глава VII. Подвиг 43-й батареи	73
Глава VIII. Бои на полуострове Сырве	87
Глава IX. Судьбы людские	119
Глава X. Бои на острове Хийумаа	127
Глава XI. Тысяча черных дней	151
Вместо послесловия. Горсть островной земли	165

Чернов Ю. И.

Ч 49 **Война погасила маяки: Докум. повесть. — М. : Мол. гвардия, 1985. — 174 с., ил. — (Летопись Великой Отечественной).**

50 к. 100 000 экз.

Автор — капитан 1-го ранга, ветеран войны. Герои его книги — защитники Моонзундского архипелага, которые в самом начале войны более трех месяцев сдерживали напор превосходящих сил гитлеровцев и тем самым оказали существенную помощь нашим войскам, оборонявшим Москву и Ленинград. Раскрываются малоизвестные страницы истории героической борьбы советских воинов на островах Балтики.

Ч 0505030202—181 12—85
078(02)—85

ББК 63.3(2)722.11
9(С)271

ИБ № 4248

Юрий Иванович Чернов

ВОИНА ПОГАСИЛА МАЯКИ

Редактор **В. Таборко**

Художник **Х. Нуриманов**

Художественный редактор **Б. Федотов**

Технический редактор **Е. Брауде**

Корректоры **Е. Дмитриева, Н. Самойлова**

Сдано в набор 05.02.85. Подписано в печать 27.05.85. А00760.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 9,24+0,84 вкл. Усл. кр.-отт. 10,68. Уч.-изд. л. 10,3. Тираж 100 000 экз. Цена 50 коп. Заказ 2262.

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ЧЕРНОВ Юрий Иванович. Родился в 1923 году. В день начала Великой Отечественной войны получил свидетельство об окончании Ленинградской военно-морской спецшколы. В составе морской курсантской бригады воевал под Ленинградом и Сталинградом. Был ранен. Отмечен правительственными наградами — орденами и медалями. После окончания войны учился в Ленинградском военно-морском училище имени М. В. Фрунзе. Служил на Балтике и Тихом океане. Капитан 1-го ранга. Заочно закончил Литературный институт имени А. М. Горького. Автор книг «Они защищали Моонзунд», «Балтийские рассказы» и др.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ